ISSN 2312-0312

ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ

№ 2 (66) 2024

ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ, № 2 (66) 2024

Научный журнал
Основан в феврале 1994 г.
ISSN 2312-0312 (Print), ISSN 2713-2250 (Online)

Учредитель – Государственное бюджетное научное учреждение
при Правительстве Республики Марий Эл
«Марийский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории им. В.М. Васильева»

Редакционный совет:

Григорьева Людмила Яковлевна, председатель ред. совета, канд. филол. наук, директор МарНИИЯЛИ (г. Йошкар-Ола)

Акшиков Александр Геннадьевич, секретарь ред. совета, канд. ист. наук, зам. директора-ученый секретарь МарНИИЯЛИ (г. Йошкар-Ола)

Агранат Татьяна Борисовна, д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН (г. Москва)

Воронцов Владимир Степанович, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Удмуртского филиала Института философии и права УрО РАН (г. Ижевск)

Муллонен Ирма Ивановна, д. филол. н., профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории ФИЦ Карельского НЦ РАН (г. Петрозаводск)

Косинцева Елена Викторовна, д-р филол. наук, доцент, главный научный сотрудник Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (г. Ханты-Мансийск)

Крыласова Наталья Борисовна, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института гуманитарных исследований Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН (г. Пермь)

Куршева Галина Александровна, д-р ист. наук, директор Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)

Лехтинен Илдико, д-р философии, доцент Хельсинкского университета (г. Хельсинки, Финляндия)

Ошаев Алексей Григорьевич, канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории историко-филологического факультета Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола)

Пустаи Янош, профессор, д-р философии, председатель Ассоциации финно-угорских литератур, директор Института Collegium Fenno-Ugricum (г. Бадачоньтомай, Венгрия)

Ракин Анатолий Николаевич, д-р филол. наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (г. Сыктывкар)

Сергеев Олег Арсентьевич, канд. филол. наук, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ (г. Йошкар-Ола)

Тендер Тыну, д-р философии, директор Института эстонского языка (г. Тарту, Эстония)

Чузаев Родион Иванович, канд. ист. наук, директор Института национальной культуры и межкультурной коммуникации Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола)

Редакционная коллегия:

Ипакова Марина Тимерьяновна – главный редактор, канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Никитина Татьяна Багишевна – зам. главного редактора, д-р ист. наук, главный научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Пенькова Мария Викентьевна – отв. за выпуск журнала, канд. филол. наук, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Акилбаев Александр Владимирович – отв. редактор направления «Археология», канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Кошкина Ольга Анатольевна – отв. редактор направления «История», канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Орлова Ольга Викторовна – отв. редактор направления «Социология», канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Свечников Сергей Константинович – отв. редактор направления «Этнология», канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Сибатрова Серафима Сергеевна – отв. редактор направления «Лингвистика», канд. филол. наук, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Федосеева Надежда Александровна – отв. редактор направления «Литературоведение и фольклористика», канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Абукаева Любовь Алексеевна – д-р филол. наук, главный научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Иванов Ананий Герасимович – д-р ист. наук, профессор Марийского государственного университета

Ключева Мария Аркадьевна – канд. искусствоведения, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Кудрявцева Раисия Алексеевна – д-р филол. наук, профессор Марийского государственного университета

Молотова Тамара Лаврентьевна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Шкалина Галина Евгеньевна – д-р культурологии, профессор Марийского государственного университета

Эрцикова Галина Алексеевна – канд. филол. наук, зам. директора по научной работе МарНИИЯЛИ

Мнения, высказанные в материалах журнала,
не обязательно совпадают с точкой зрения редакции

© МарНИИЯЛИ, 2024
© Авторы статей, 2024

FINNO-UGRIC STUDIES, No. 2 (66) 2024

Scientific journal
The journal is founded in 1994 (February).
ISSN 2312-0312 (Print), ISSN 2713-2250 (Online)

Founder – State Budget Scientific Institution under the Government of the Republic of Mari El "V.M. Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History"

Editorial Review Board:

Grigoryeva L.Ya., Candidate of Philology, Director of the Mari Research institute, Chairperson of the Editorial Board (Yoshkar-Ola)

Akshikov A.G. Candidate of History, Deputy Director-Academic Secretary of the Mari Research Institute Secretary of the Editorial Board (Yoshkar-Ola)

Agranat T.B., Doctor of Philology, Leading Researcher of the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow)

Vorontsov V.S., Candidate of History, Senior Researcher at the Udmurt Branch of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk)

Mullonen I.I., Doctor of Philology, Professor, RAS Corr. Fellow, Chief Researcher at the Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk)

Kosintseva E.V., Doctor of Philology, Associate Professor, Chief Researcher of Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (Khanty-Mansiysk)

Krylasova N.B., Doctor of History, Chief Researcher at the Institute of Humanitarian Studies of the Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Perm)

Kursheva G.A., Doctor of History, Director of the Research Institute of Humanities affiliated to the Governmet of the Republic of Mordovia (Saransk)

Lehtinen Ildiko, Doctor of Philosophy, Associate Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

Oshaev A.G., Candidate of History, Associate Professor of the National History Chair, Faculty of History and Philology, Mari State University (Yoshkar-Ola)

Pusztay János, Doctor of Philosophy, professor emeritus universiteta Loranda Eötvösa (Budapest), Chairman of the Association of Finno-Ugric Literatures, Director of Collegium Fenno-Ugricum (Badacsonytomaj, Hungary)

Rakin A.N., Doctor of Philology, Chief Researcher of the Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar)

Sergeev O.A., Candidate of Philology, Senior Researcher of the Mari Research Institute (Yoshkar-Ola)

Tõnu Tender, Doctor of Philosophy, Director of the Estonian Language Institute (Tartu, Estonia)

Chuzaev R.I., Candidate of History, Director of the Institute of National Culture and Intercultural Communication (Yoshkar-Ola)

Editorial Board:

Ipakova M.T., Editor-in-Chief, Candidate of Philology, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Nikitina T.B., Deputy Editor, Doctor of History, Chief Researcher of the Mari Research Institute

Penkova M.V., Executive Editor, Candidate of Philology, Senior Researcher of the Mari Research Institute

Akilbayev A.V., Executive Editor of the series «Archaeology», Candidate of History, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Koshkina O.A., Executive Editor of the series «History», Candidate of History, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Orlova O.V., Executive Editor of the series «Sociology», Candidate of History, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Svechnikov S.K., Executive Editor of the series «Ethnology», Candidate of History, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Sibatrova S.S., Executive Editor of the series «Linguistics», Candidate of Philology, Senior Researcher of the Mari Research Institute

Fedoseeva N.A., Executive Editor of the series «Literary Studies and Folklore Studies», Candidate of Philology, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Abukaeva L.A., Doctor of Philology, Chief Researcher of the Mari Research Institute

Ivanov A.G., Doctor of History, Professor of the Mari State University

Klyucheva M.A., Candidate of Art History, Senior Researcher of the Mari Research Institute

Kudryavtseva R.A., Doctor of Philology, Professor of the Mari State University

Molotova T.L., Candidate of History, Senior Researcher of the Mari Research Institute

Shkalina G.E., Doctor of Culturology, Professor of the Mari State University

Ertsikova G.A., Candidate of Philology, Deputy Director for Scientific Work of the Mari Research Institute

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

ЛИНГВИСТИКА

Ившин Л.М., Безенова М.П. Из письменной истории удмуртского слова *гырк* 7

Сибатрова С.С. Марийские адъективные словосочетания с дативной формой имен 17

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Зиявадинова О.С. Художественный мир В.В. Юхнина: моделирование смыслов и развитие философии природы в романах «Алая лента», «Огни тундры» 40

Сурнина Л.Е. Лирика И.А. Куратова: к вопросу о субъектных формах выражения авторского сознания 50

Шибанов В.Л. Эпическая поэма Михаила Худякова «Песнь об удмуртских батырах» в трактовке художника Вячеслава Михайлова ... 65

ИСТОРИЯ И ЭТНОЛОГИЯ

Бахтин А.Г. Предпосылки основания первых городов в Марийском крае 78

Свечников С.К. Этнические контакты между мари и татарами в XVII веке 95

ПЕРСОНАЛИИ

Максимов В.Н. Птица сильна крыльями, человек – трудом (к 75-летию со дня рождения марийского лингвиста В.Н. Васильева)..... 108

Пекшеева Э.И. Федор Иванович Гордеевын шочмыжлан – 95 ий 112

Цыпанов Е.А. Памяти коми лингвиста Г.Г. Бараксанова (к 90-летию со дня рождения) 120

РЕЦЕНЗИИ

Свечников С.К. Рец.: Черемисы в источниках. Т. I: Сочинения иностранцев VI–XVIII вв. / составление, предисловие, примечания А.Г. Бахтина. Йошкар-Ола: Издательский дом «Марийское книжное издательство», 2023. 331 с. 124

ХРОНИКА

Федосеева Н.А. Н. Игнатьев лӱмеш XXIV лудмаш: Кызытсе илышыште курыкмарий-влакын историй да тӱвыра поянлыкышт 128

CONTENTS

ARTICLES

LINGUISTICS

Ivshin L.M., Bezenova M.P. From the written history of the Udmurt word *gyrk* 7

Sibatrova S.S. Mari adjectival word combinations with dative form of nouns 17

LITERATURE STUDIES AND FOLKLORISTICS

Ziyavadinova O.S. Artistic world of V.V. Yukhnin: modeling meanings and development of philosophy of nature in the novels ‘Scarlet Ribbon’, ‘Tundra Fire’)..... 40

Surnina L.E. I.A. Kuratov’s lyric: on the question of subject forms of expression of the author's consciousness 50

Shibanov V.L. Mikhail Hudyakov’s epic poem ‘Song about the Udmurt Batyrs’ in the interpretation of the artist Vyacheslav Mikhailov 65

HISTORY AND ETHNOLOGY

Bakhtin A.G. Prereguisites for the foundation of the first cities in Mari region 78

Svechnikov S.K. Ethnic contacts between Mari and Tatars in the 17th century 95

PERSONALIA

Maximov V.N. A bird is strong with its wings, a man with its works (to the 75th anniversary of the birth of the Mari linguist V.N. Vasiliev) 108

Peksheeva E.I. Fedor Ivanovich Gordeev is 95 112

Tsypanov E.A. In memory of the Komi linguist G.G. Baraksanov (to the 90th anniversary of the birth) 120

BOOK REVIEWS

Svechnikov S.K. Review of Cheremis in the Sources. Vol. I: Works of Foreigners of the VI–XVIII centuries / Compilation, preface, notes by A.G. Bakhtin. Yoshkar-Ola: Publishing House “Mari Book Publishing House”, 2023. 331 c. 124

CHRONICLE

Fedoseeva N.A. XXIV Ignatyev readings: historical and cultural values of Hill Mari in the context of modern times 128

СТАТЬИ

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.511.131
DOI 10.51254/2312-0312-2024-2-66-7-16

ИЗ ПИСЬМЕННОЙ ИСТОРИИ УДМУРТСКОГО СЛОВА *ГЫРК*[1]

© 2024 г. Л.М. Ившин, М.П. Безенова

Введение. В работе показана история письменной фиксации удмуртского слова *гырк*. **Цель статьи** – проанализировать слово *гырк* в контексте исторической лексикологии. **Материалы и методы.** Исследование проведено на материалах письменных памятников удмуртского языка XVIII века, а также на данных важнейших лексикографических работ по удмуртскому языку конца XIX – начала XXI века. В ходе анализа были использованы описательный, семантический и этимологический методы. **Результаты исследования, обсуждения.** В удмуртском языке слово *гырк* впервые зафиксировано в первой грамматике 1775 года с семантикой «овраг; пещера; дупло», относится к исконному пласту лексики финно-угорского периода. Написание этой лексемы несколько отличалось от современного наличием латинской графемы **g** и твердого знака после велярного согласного. В конце XIX столетия слово *гырк* в глазовском диалекте отмечено с дополнительными значениями – «кадка» и «скворечник», в XX веке оно фиксируется только с семантикой «дупло», и лишь словари текущего столетия отобразили все ранее зарегистрированные значения этой лексемы. **Заключение.** Изучение удмуртской лексики в историческом аспекте открывает возможность создания словаря удмуртского языка XVIII века, что будет способствовать сохранению его уникальности и национальной идентичности.

Ключевые слова: удмуртский язык; письменные памятники; история слова; лексика; лексикология; этимология.

---

[1] Публикация подготовлена в рамках реализации научного гранта РНФ № 23-28-00149 «Лексика удмуртского письменного языка XVIII в. (по материалам письменных памятников)», https://rscf.ru/project/23-28-00149/

Введение

Как известно, научные работы по русистике являются своеобразной основой (в первую очередь в методическом отношении) для исследований аналогичных направлений и в области удмуртоведения. «История слова» как самостоятельный раздел филологии была выделена из сферы исторической лексикологии и этимологии еще в начале прошлого столетия замечательным русским ученым В.В. Виноградовым, который писал: «Историко-лексическое изучение слова предполагает точное знание его семантических границ в разные периоды истории языка, все оболочки его смысловой структуры и все моменты семантического развития слова» [Виноградов, 1999, с. 14]. Его разработки по описанию изменений значений русских слов в письменных текстах позднее были продолжены другими исследователями (Л.Я. Боровой, Н.М. Шанский, Г.А. Богатова и др.), заметно расширившими аспект изучения истории слов – «история слова – понятие многоаспектное: сюда входят не только семантическое его развитие, но и формирование фонетического и морфологического состава, сочетаемость слова и ее изменения во времени, хронологическая изменчивость синтаксических конструкций со словом» [Богатова, 2008, с. 95].

Применительно к удмуртскому языку, истоки письменности которого восходят лишь к началу XVIII века, мы к этим аспектам добавляем еще и графико-орфографический анализ; при исследовании истории слов он позволяет в известной мере увеличить количество и многообразие источников, а также разнообразить методы синтеза материала. В настоящей же работе показана письменная история (с XVIII века до наших дней) слова *гырк*, которое еще во время первоначальной фиксации имело широкую семантику: ‘овраг; пещера; дупло’; однако в определенный период развития удмуртского языка – в XX веке – значения ‘овраг’ и ‘пещера’ были «забыты». Актуальность исследования определяется необходимостью изучения удмуртского языка в историческом аспекте, которое будет способствовать сохранению его уникальности и национальной идентичности.

Целью работы является выявление слова *гырк* в письменных источниках удмуртского языка XVIII века, описание его графического, фонетико-морфологического и семантического развития в ходе становления литературного удмуртского языка.

Материалы и методы

Источниками исследования явились письменные памятники удмуртского языка XVIII столетия [Сочиненія, 1775; Кротовъ, 1785]. Для представления более полной истории фиксации обозначенной лексемы, а также изменений семантического характера приводятся лексические данные важнейших лексикографических работ по удмуртскому языку конца XIX – начала XXI века. В ходе анализа были использованы описательный, семантический и этимологический методы.

Результаты исследования, обсуждения

Исследуемое слово большинство ученых относят к финно-угорскому периоду развития языка-основы: к. *гырк* ‘грудная и брюшная полости’ | удм. *гырк* ‘дупло’, ‘полый’. – Общеп. **gu̇rk* ‘внутренность, полость’ || мар. *körgö* ‘нутро, внутренность’, ‘полость’ | ? ф. *kurkku* ‘горло’ [UEW, 1988–1991, с. 161; SSA, I, 1992, с. 448–449; Соколов, 1998, с. 84; КЭСК, 1999, с. 85; Вершинин, 2015, с. 56; Тараканов, Кондратьева, 2019, с. 84]. В.И. Лыткин вдобавок отмечает, что все перечисленные финно-угорские слова, по всей вероятности, имеют отношение к индоевропейским языкам, и приводит примеры из латыни и санскрита [КЭСК, 1999, с. 85–86]. Во всяком случае, как нам кажется, семантика общепермской формы этой лексемы в несколько видоизмененном виде сохранилась в современных пермских языках.

Удмуртское слово *гырк* впервые было зафиксировано во второй половине XVIII столетия в книге под названием «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка» 1775 года издания с семантикой «овраг; пещера»: *Бадзи́мъ гы́ркъ* ‘оврагъ, пещера’ [Сочиненія, 1775, с. 21]. Как видим, в грамматике графическое начертание этой лексемы отличается от современного. Во-первых, начальная *г* передана буквой латинского алфавита **g**, во-вторых, в конце слова имеется буква ер (**ъ**), которая означает твердость финального согласного. Обозначение удмуртского *г* латинской графемой составителями грамматики объяснено своеобразным ее произношением, отличающимся от русского *г*. Маркировка конечных велярных консонантов (в том числе середины слова, если первый компонент сложного слова оканчивается на твердый согласный) последующим твердым знаком было непременным условием написания удмуртских (и не только) слов в XVIII–XIX веках.

Далее рассматриваемое слово встречается в рукописном удмуртско-русском словаре, написанном в 1785 году, но уже с несколько другим значением: *гыркесь* ‘дуплистый’ [Кротовъ, 1785, с. 44] (прилагательное от предполагаемого существительного *гыркъ* ‘дупло’). Разные значения лексемы *гырк* можно, скорее всего, объяснить тем, что первая грамматика удмуртского языка содержит лексику главным образом южноудмуртского наречия, и напротив, рукописный словарь З. Кротова – северноудмуртского. Семантика лексемы *гырк* в разных диалектных ареалах, по всей видимости, отличалась. Однако не стоит забывать и то, что понятия *пещера* и *дупло* в какой-то мере имеют общую семантику по сходству «углубление, полость, полое пространство, отверстие», ср.: *дупло* ‘полое пространство в стволе дерева’, *пещера* ‘углубление, полое пространство под землёй или в горном массиве, имеющее выход наружу’ [Ожегов, Шведова, 2006, с. 182, 516].

В письменных документах конца XIX столетия – лексикографических работах зарубежных исследователей – рассматриваемое слово приводится в транскрипции:

1880: *gyrk, gyryk* ‘Höhle, Schlucht, Höhlung (im Baum) (пещера, овраг, дупло (в дереве). – *Л.И.*)’ [Wiedemann, 1880, с. 476];

1890-е гг.: *gi̯rk M, gî̯rt G, gî̯rk* U ‘hirsi, hakattu, vaan ei valmistettu, abgehauener, aber nicht behauener Baumstamm (M) (обтесанный, но не вырезанный ствол дерева. – *Л.И.*)’; ‘Höhlung (im Baum, bes. für Stare), Nistkasten für Stare (G) (полость (в дереве, особенно у скворцов), скворечник для скворцов. – *Л.И.*)’; кадка (для муки, пива) (U) [Wichmann, 1987, с. 59];

1896: *gi̊ri̊k, gi̊rk,* Kaz. *ge̊re̊k* ‘odú | höhle, höhlung (пещера, дупло. – *Л.И.*)’; *gurez’ gi̊ri̊k* ‘barlang | berghöhle (горная пещера. – *Л.И.*)’; *puži̊m-gi̊ri̊k* ‘fenyő odú | tannenhöhlung (сосновое дупло. – *Л.И.*)’ [Munkacsi, 1896, с. 243].

Как можно заметить, в словарях Ф. Видеманна и Б. Мункачи *гырк* и *гырык* сохраняют оба значения – «пещера» и «дупло», а в лексикографическом труде финского исследователя Ю. Вихманна изучаемое нами слово в глазовском диалекте удмуртского языка приобрело еще дополнительную семантику – «кадка», «скворечник».

В материалах отечественных исследователей этого же периода, а также в лексикографических источниках XX столетия лексема *гырк* имеет главным образом семантику «дупло», иногда вторым значением в словарной статье выступает «полость, пустота; впадина»:

1880: *Иван Котовшик курэм солэ̧ патер; со сое нӳэм бадзым бериж̧* ***гырыкэ*** ‘Иванъ Котовшикъ просилъ у нея квартиру; она отвела его въ **дупло** большой липы’ [Гавриловъ, 1880, с. 56–57].

1892: *гырк* ‘дупло’; *гырк карыны* ‘надалбливать’ [Верещагин, 2006, с. 79];

1919: *гырк* ‘впадина’ [Крылов, 1919, с. 11];

1925: *гырк* ‘дупло’ [Верещагин, 2020, с. 159];

1932: *гырк* ‘дупло, пустоша, пустой’ [Борисов, 1932, с. 83];

1948: *гырк* ‘1) дупло; 2) полый’ [УРС, 1948, с. 72];

1956: *гырк* ‘дупло’; *пу гырк* ‘дупло дерева’; *пинь гырк* ‘дупло в зубе’; *пещера* ‘пещера’ [РУС, 1956, с. 233, 697];

1983: *гырк* ‘дупло’; *пещера* ‘пещера || пещерный’ [УРС, 1983, с. 119, 340].

Как видим из приведенного материала, понятие «пещера» отмечено только в словарях второй половины XX века, где оно передано русским заимствованием *пещера*.

Лексикографические источники начала текущего столетия вобрали в себя все значения слова *гырк* в удмуртском языке, включая данные письменных памятников и диалектов:

2008: *гырк* ‘1. дупло; 2. диал. лог, овраг; 3. впадина, углубление’; *гырк луыны (усьыны)* ‘стать впалым, ввалиться (о глазах, щеках)’; *мугырк* ‘пещера || пещерный’ [УРС, 2008, с. 177, 440];

2013: *гурезь пась (гырк, усьто)* ‘пещера (полое пространство в горах)’ [Насибуллин, Семенов, 2013, с. 5];

2017: бес. *гөркес* I ‘1. дупло; 2. детский стульчик’; *мөшъёс гөркесөн уло* ‘пчелы живут в дуплах’; II ‘дырявый, с дуплом (о зубе)’; *мөнам пиньёс гөркесэсь* ‘у меня зубы дырявые’ [Тезаурус бесермянского наречия, 2017, с. 161];

2019: *гырк* ‘дупло (пустота в стволе дерева); отверстие, дыра в зубе’; *пинь гырк* ‘дупло в зубе’; *гырксэ пломбаяны* ‘запломбировать дупло’ [РУС I, 2019, с. 362]; *гырк, мугырк* ‘пещера || пещерный’; *мугырке пырон пась* ‘пещерный вход’; *пещераын (мугыркын) улiсь гондыр* ‘пещерный медведь’ [РУС II, 2019, с. 60].

Как показывают лексические данные академических словарей начала текущего столетия, для передачи термина «пещера» в удмуртском языке было создано сложное слово *мугырк* (< *му* ‘земля; земляной’ + *гырк* ‘дупло’), основой которого в конечном итоге стала рассматриваемая нами лексема *гырк*.

Заключение

В удмуртском языке слово *гырк* впервые зафиксировано во второй половине XVIII века в первой грамматике 1775 года с семантикой «овраг; пещера; дупло» и по происхождению является довольно-таки древним, относится к финно-угорскому периоду развития языка-основы. Графическое начертание этой лексемы несколько отличалось от современного написания: начальная *г* была передана латинской графемой **g**, а в конце слова после велярного согласного стоял твердый знак. В конце XIX столетия лексема *гырк* у удмуртов глазовского диалекта зарегистрирована с дополнительными значениями – «кадка» и «скворечник», о чем красноречиво говорят материалы Ю. Вихманна. В лексикографических работах XX века слово *гырк* отмечено только с семантикой «дупло». И лишь в словарях текущего столетия все ранее зарегистрированные значения этой лексемы нашли отражение.

Результаты детального исследования лексики ранних письменных памятников в общей динамике изменений лексической системы удмуртского языка на протяжении прошедших почти 300 лет открывают возможности для создания словаря удмуртского языка XVIII в., а также в обозримой перспективе историко-этимологического словаря.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

бес. – бесермянское наречие удмуртского языка
к. – коми язык
мар. – марийский язык
ф. – финский язык
G – глазовский диалект (по: [Wichmann, 1987])
Kaz. – казанский диалект (по: [Munkácsi, 1896])
M – малмыжский диалект (по: [Wichmann, 1987])
U – уфимский диалект (по: [Wichmann, 1987])

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Богатова Г.А. История слова как объект русской исторической лексикологии. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 282 с.

Борисов Т.К. Удмурт кыллюкам: Удмуртско-русский толковый словарь. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1932. XXII + 374 с.

Верещагин Г.Е. Собрание сочинений: в 6 т. / под ред. В.М. Ванюшева. Т. 6. Кн. 2: Вотско-русский словарь [= Удмуртско-русский словарь] / УИИЯЛ УрО РАН; отв. за вып. и авт. предисл., коммент. Л.М. Ившин. Ижевск, 2006. 288 с.

Верещагин Г.Е. Собрание сочинений: в 6 т. / под ред. В.М. Ванюшева. Т. 6. Кн. 4: Русско-вотский словарь [= Русско-удмуртский словарь] / отв. за вып. и авт. предисл. и коммент. Л.М. Ившин; УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Ижевск, 2020. 417 с.

Вершинин В.И. Этимологии удмуртских слов. Йошкар-Ола: Курсив, 2015. 256 с.

Виноградов В.В. История слов. М.: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 1999. 1138 с.

Гавриловъ Б. Произведенія народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній. Записаны, переведены и изложены Борисомъ Гавриловымъ во время командировки въ Вотяцкія селенія Казанской и Вятской губерній. Казань, 1880. 189 с.

Кротовъ 1785 – Кротовъ З. Удмуртско-русский словарь / РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ. Ижевск, 1995 (= Краткой Вотской словарь съ россїйскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захарїею Кротовымъ, 1785 года). XX + 208 с.

Крылов В.Д. Вотско-русский словарь Глазовского наречия вотяков, составленный преподавателем вотского края при Глазовской Учительской Семинарии В.Д. Крыловым. Вятка, 1919. 47 с.

КЭСК 1999 – Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. 430 с.

Насибуллин Р.Ш., Семенов В.Г. Системно-тематический русско-удмуртский словарь = Удысъёсъя радъям ӟуч-удмурт кылсузьет / под общ. ред. Р.Ш. Насибуллина. Ижевск: Науч. кн., 2013. 350 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 сл. и фразеолог. выражений / РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: ИТИ Технологии, 2006. 944 с.

РУС 1956 – Русско-удмуртский словарь: Ок. 40 000 сл. / Удм. НИИ истории, яз. и лит. М.: ГИИНС, 1956. 1360 с.

РУС I 2019 – Русско-удмуртский словарь: в 2 т. Более 55 000 сл. Т. 1. (А–О) / Л.М. Ившин, С.А. Максимов, О.В. Титова и др.; отв. ред. Л.М. Ившин; УдмФИЦ УрО РАН. Ижевск, 2019. 936 с.

РУС II 2019 – Русско-удмуртский словарь: в 2 т. Более 55 000 сл. Т. 2. (П–Я) / Л.М. Ившин, С.А. Максимов, О.В. Титова и др.; отв. ред. Л.М. Ившин; УдмФИЦ УрО РАН. Ижевск, 2019. 1016 с.

Соколов С.В. Этимологической пичи кылбугор = Малый этимологический словарь // Вордскем кыл = Родное слово. 1998. 2-тй №. 81–97-тй б.

Сочиненія 1775 – Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академїи наукъ 1775 года // Первая научная грамматика удмуртского языка / Удм. НИИ истории, экономики, лит. и яз. при Совете Министров Удм. АССР. Ижевск: Удмуртия, 1975. 113 с.

Тараканов И.В., Кондратьева Н.В. Удмурт кыллэн исторической лексикологиезъя ужпумъёс = Проблемы удмуртской исторической лексикологии / Удмурт кун ун-т. Огъя но финн-угор кылтодонъя кафедра. Ижкар: Удмурт ун-т, 2019. 280 б.

Тезаурус бесермянского наречия: Имена и служебные части речи (говор деревни Шамардан) / М.Н. Усачёва [и др.]; гл. ред. М.Н. Усачёва. М.: Издат. решения, 2017. 540 с.

УРС 1948 – Удмуртско-русский словарь / НИИ истории, яз., лит. и фольклора при Совете Министров Удм. АССР; ред. Н.А. Дружкова. М.: ОГИЗ. ГИИНС, 1948. 447 с.

УРС 1983 – Удмуртско-русский словарь / НИИ при Совете Министров Удм. АССР; под ред. В.М. Вахрушева. М.: Рус. яз., 1983. 591 с.

УРС 2008 – Удмуртско-русский словарь: Ок. 50 000 сл. / сост. Т.Р. Душенкова, А.В. Егоров, Л.М. Ившин и др.; РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ; отв. ред. Л.Е. Кириллова. Ижевск, 2008. 925 с.

Munkácsi B. A votják nyelv szótára. Budapest, 1896. XV + 758 1.

SSA 1992 I – Suomen sanojen alkuperä: Etimologinen sanakirja I–III. I: A–K. Suomalaisten kirjallisuuden seura. Helsinki, 1992. 486 s.

UEW 1988–1991 – Károly R. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. B. I–III. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1988–1991. XLVIII + 906 S.

Wichmann Y. Wotjakische Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wihmann. Bearbeitet von T.E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen (= Lexica Sosietatis Fenno-Ugricae XXI). Helsinki, 1987. XXIII + 421 S.

Wiedemann F.J. Syrjänisch-deutsches Wörterbuch nebst einem wotjakisch-deutsches im Anhange und einem deutschen Register. St.-Petersburg, 1880. XIV + 692 S.

Leonid Ivshin, Maria Bezenova

FROM THE WRITTEN HISTORY OF THE UDMURT WORD *GYRK*

Introduction. The article is devoted to the history of the written recording of the Udmurt word *gyrk*. **The purpose of the article** is to analyze the word *gyrk* in the context of historical lexicology. **Materials and methods.** The study was conducted on materials from written monuments of the Udmurt language of the 18th century, as well as data from the most important lexicographic works on the Udmurt language of the late 19th – early 21st centuries. Descriptive, semantic and etymological methods were used while writing the article. **Research results and discussions.** In the Udmurt language, the word *gyrk* was first recorded in the first grammar of 1775 with the semantics ‘ravine; cave; hollow’, which refers to the original layer of vocabulary of the Finno-Ugric period. The spelling of this lexeme was somewhat different from the modern one in the presence of the Latin grapheme **g** and a hard sign after the velar consonant. At the end of the 19th century, the word *gyrk* in the

Glazov dialect was noted with additional meanings – ‘tub’ and ‘birdhouse’; in the 20th century it was recorded only with the semantics ‘hollow’, and only the dictionaries of the current century displayed all previously registered meanings of this lexeme. **Conclusion.** The study of Udmurt vocabulary from a historical perspective opens up the possibility of creating a dictionary of the Udmurt language of the 18th century, which will help preserve its uniqueness and national identity.

Key words: the Udmurt language; written monuments; history of the word; vocabulary; lexicology; etymology.

REFERENCES

Bogatova G.A. Istoriya slova kak objekt russkoj istoricheskoj leksikologii [History of the Word as an Object of Russian Historical Lexicology]. Moscow, Izdatel’stvo LKI, 2008, 282 p. (In Russian).

Borisov T.K. Udmurt kyllyukam: Udmurtsko-russkij tolkovyj slovar’ [Udmurt-Russian Explanatory Dictionary]. Izhevsk, Udmurtskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1932, XXII + 374 p. (In Udmurt. In Russian).

Vereshhagin G.E. Sobranie sochinenij: v 6 t. [Collected works: in 6 vol.]. Ed. by V.M. Vanjushev. Vol. 6. Book 2: Votsko-russkij slovar’ [Votsko-Russian Dictionary] / Udmurtskij institut istorii, yazyka i literatury Ural’skogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk. Izhevsk, 2006, 288 p. (In Russian).

Vereshchagin G.E. Sobranie sochinenii: v 6 t. [Collected works: in 6 vol.]. Ed. by V.M. Vanjushev. Vol. 6. Book 4: Russko-votskii slovar’ [Russian-Votsky Dictionary] / Udmurtskij institut istorii, yazyka i literatury Udmurtskogo Federal’nogo issledovatel’skogo centra Ural’skogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk. Izhevsk, 2020, 417 p. (In Russian).

Vershinin V.I. Jetimologii udmurtskih slov [Etymology of Udmurt Words]. Yoshkar-Ola, Kursiv, 2015. 256 s. (In Udmurt. In Russian).

Vinogradov V.V. Istoriya slov [History of Words]. Moscow, Institut russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova Rossiiskoi akademii nauk, 1999, 1138 p. (In Russian).

Gavrilov B. Proizvedeniya narodnoj slovesnosti, obryady i povьr’ya votyakov Kazanskoj i Vyatskoj gubernij. [Works of Folk Literature, Rituals and Beliefs of the Votyaks of the Kazan and Vyatka Provinces]. Kazan, 1880, 189 p. (In Russian).

Krotov 1785 – Krotov Z. Udmurtsko-russkij slovar’ [Udmurt-Russian Dictionary] / The Russian Academy of Sciences. Ural branch. Udmurt Institute of History, Language and Literature. Izhevsk, 1995, XX + 208 p. (In Russian, in Udmurt).

Krylov V.D. Votsko-russkij slovar’ Glazovskogo narechiya votyakov. [Votsko-Russian Dictionary of the Glazov Dialect of Votyaks]. Vyatka, 1919, 47 p.

KESK 1999 – Lytkin V.I., Gulyaev E.S. Kratkij etimologicheskij slovar’ komi yazyka [Brief Etymological Dictionary of the Komi Language]. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel’stvo, 1999, 430 p. (In Russian).

Nasibullin R.Sh., Semenov V.G. Sistemno-tematicheskii russko-udmurtskii slovar’ [System-Thematic Russian-Udmurt Dictionary]. Ed. by R.Sh. Nasibullin. Izhevsk, Nauchnaya kniga, 2013, 350 p. (In Udmurt, Russian).

Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyj slovar’ russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 words and

phraseological expressions] / The Russian Academy of Sciences. Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. Moscow, ITI Tekhnologii, 2006, 944 p. (In Russian).

RUS 1956 – Russko-udmurtskiy slovar': Okolo 40 000 slov [Russian-Udmurt dictionary: About 40 000 words] / Nauchno-issledovatel'skij institut pri Sovete Ministrov Udmurtskoj avtonomnoj sovetskoj socialisticheskoj respubliki. Moscow, Geoinformacionnye i navigacionnye sistemy, 1956, 1360 p. (In Russian. In Udmurt).

RUS I 2019 – Russko-udmurtskij slovar': v 2 t. Bolee 55 000 slov. T. 1. (A–O) [Russian-Udmurt Dictionary: in 2 vol. More than 55 000 words. Vol. 1. (A–O)]. L.M. Ivshin, S.A. Maksimov, O.V. Titova et al.; ed. by L.M. Ivshin. Udmurtskij federal'nyj issledovatel'skij centr Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk. Izhevsk, 2019, 936 p. (In Russian. In Udmurt).

RUS II 2019 – Russko-udmurtskii slovar': v 2 t. Bolee 55 000 slov. T. 2. (P–Ya) [Russian-Udmurt Dictionary: in 2 volumes. More than 55 000 words. Vol. 2. (P–Ya)]. L.M. Ivshin, S.A. Maksimov, O.V. Titova et al.; ed. by L.M. Ivshin. Udmurtskij federal'nyj issledovatel'skij centr Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk. Izhevsk, 2019, 1016 p. (In Russian. In Udmurt).

Sokolov S.V. Etimologicheskoi pichi kylbugor [Small Etymological Dictionary] Vordskem kyl [Mother tongue]. 1998, no. 2, Pp. 81–97. (In Udmurt).

Sochineniya 1775 – Sochineniya prinadlezhashchiya k grammatikѣ votskago yazyka. V Sanktpeterburge pri Imperatorskoj Akademïi nauk 1775 goda [Essays of Grammar of the Votsky Language. In St. Petersburg at the Imperial Academy of Sciences, 1775] Pervaya nauchnaya grammatika udmurtsogo yazyka [First Scientific Grammar of the Udmurt Language]. Izhevsk, Udmurtiya, 1975, 113 p. (In Russian).

Tarakanov I.V., Kondrat'eva N.V. Udmurt kyllen istoricheskoj leksikologiezja uzhpumjos [Problems of Historical Lexicology of the Udmurt Language] / Udmurt kun universitet. Ogja no finn-ugor kyltodonja kafedra. Izhkar, Udmurt universitet, 2019, 280 p. (In Udmurt).

Tezaurus besermyanskogo narechiya: Imena i sluzhebnye chasti rechi (govor derevni Shamardan) [Thesaurus of the Besermian dialect: Names and official parts of speech (dialect of the village of Shamardan)]. M.N. Usachjova et al.; ed. by M.N. Usachjova. Moscow, Izdatel'skie resheniya, 2017, 540 p. (In Russian).

URS 1948 – Udmurtsko-russkii slovar' [Udmurt-Russian Dictionary] / Nauchno-issledovatel'skij institut pri Sovete Ministrov Udmurtskoj avtonomnoj sovetskoj socialisticheskoj respubliki; ed. by N.A. Druzhkova. Moscow, Ob"edinenie gosudarstvennyh knizhno-zhurnal'nyh izdatel'stv. Geoinformacionnye i navigacionnye sistemy, 1948, 447 p. (In Udmurt. In Russian).

URS 1983 – Udmurtsko-russkiy slovar' [Udmurt-Russian Dictionary] / Nauchno-issledovatel'skij institut pri Sovete Ministrov Udmurtskoj avtonomnoj sovetskoj socialisticheskoj respubliki; ed. by V.M. Vahrushev. Moscow, Russkiy yazyk, 1983, 591 p. (In Udmurt. In Russian).

URS 2008 – Udmurtsko-russkij slovar': Okolo 50 000 slov [Udmurt-Russian Dictionary: About 50 000 words]. Comp. by T.R. Dushenkova, A.V. Egorov, L.M. Ivshin et al.; Udmurtskij institut istorii, yazyka i literatury Ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk; ed. by L.E. Kirillova. Izhevsk, 2008, 925 p. (In Udmurt. In Russian).

Munkácsi B. A votják nyelv szótára. Budapest, 1896, XV + 758 p. (In Hungarian).

SSA I 1992 – Suomen sanojen alkuperä: Etimologinen sanakirja I–III [Origin of Finnish Words: Etymological Dictionary]. I: A–K. Suomalaisten kirjallisuuden seura [Society of Finnish Literature]. Helsinki, 1992, 486 s. (In Finnish).

UEW 1988–1991 – Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Band 1–3. [Ural etymological dictionary]. Budapest, Akademiai Kiadó, 1988–1991, XLVIII +906 s. (In German).

Wichmann Y. Wotjakische Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wihmann. Bearbeitet von T.E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen [Votyak vocabulary. Recorded by Yrjo Wihmann. Ed. by T.E. Uotila and Mikko Korhonen. Ed. by Mikko Korhonen] (= Lexica Sosietatis Fenno-Ugricae XXI). Helsinki, 1987, XXIII + 421 s. (In German).

Wiedemann F.J. Syrjänisch-deutsches Wörterbuch nebst einem wotjakisch-deutsches im Anhange und einem deutschen Register [Syrian-German dictionary together with a Votyak-German in the appendix and a German index]. Saint Petersburg, 1880, XIV + 692 s. (In German).

Ившин Леонид Михайлович
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
УдмФИЦ УрО РАН,
г. Ижевск
e-mail: ivleo.75@mail.ru

Безенова Мария Петровна
кандидат филологических наук,
научный сотрудник
УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН,
г. Ижевск
e-mail: bezenova@udman.ru

Leonid Ivshin
Candidate of Philological Sciences,
Senior Researcher
of Udmurt Federal Research Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Izhevsk
e-mail: ivleo.75@mail.ru

Maria Bezenova
Candidate of Philological Sciences,
Researcher
of Udmurt Federal Research Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Izhevsk
e-mail: bezenova@udman.ru

УДК 811.511.151
DOI 10.51254/2312-0312-2024-2-66-17-39

МАРИЙСКИЕ АДЪЕКТИВНЫЕ СЛОВОСОЧЕТАНИЯ С ДАТИВНОЙ ФОРМОЙ ИМЕН

© 2024 г. С.С. Сибатрова

Введение. Статья посвящена марийским адъективным словосочетаниям многозначной модели ИС(М)$_{дат.п.}$ + ИП$_{кач.}$ – изложению их составляющих, грамматической связи, смысловых отношений и прежде всего грамматических значений между их компонентами. **Цель статьи** – представить разностороннее описание словосочетаний модели ИС(М)$_{дат.п.}$ + ИП$_{кач.}$ (имя существительное или местоимение в форме дательного падежа + имя прилагательное качественное). **Материалы и методы.** Статья написана на фактическом материале по лугово-восточному марийскому литературному языку, содержащемся в части создаваемого электронного корпуса марийского языка (объем – около 20 миллионов словоупотреблений). Словосочетания для исследования выявлялись путем поиска как по опорным прилагательным, так и по управляемым именам. При анализе выделенных синтаксических единиц применялись такие широко известные лингвистические методы, как описательный и структурный, а также семантического и контекстуального анализа. **Результаты исследования, обсуждения.** Грамматическая связь в описываемых словосочетаниях осуществляется с помощью падежной формы (показателя дательного падежа *-лан*) зависимых имен, что, безусловно, свидетельствует о реализации в словосочетании такого вида подчинительной связи, как падежное управление. Судя по выделенным грамматическим значениям, между компонентами словосочетаний в абсолютном большинстве случаев устанавливаются объектные смысловые отношения, передающие признак и объект, на который направлен этот признак, только в случаях выражения словосочетаниями предметного признака по высшей степени его проявления в пределах какой-либо местности или группы лиц, – обстоятельственные. Излагаемая модель адъективных словосочетаний достаточно многозначна – объединяет ряд грамматических значений. **Заключение.** В системе марийских адъективных словосочетаний значительное место занимают синтаксические конструкции модели ИС(М)$_{дат.п.}$ + ИП$_{кач.}$ (имя существительное или местоимение в форме дательного падежа + имя прилагательное качественное). Они служат для передачи весьма разных отношений

между предметным признаком и объектом, на который направлен признак, а также местом, в пределах которого проявляется признак. Семантические группы модели имеют некоторые свои особенности лексического выражения компонентов и формального и функционального использования в речи.

Ключевые слова: марийский язык; адъективное словосочетание; структурная модель; качественное прилагательное; существительное; местоимение-существительное; дательный падеж; грамматическое значение; функционирование в речи.

Введение

Известно, что важное место в передаче предметного признака в языке занимают имена прилагательные и в целом адъективные словосочетания. В последних признак, выраженный ядерным компонентом, каким-либо образом конкретизируется зависимым словом. В марийском языке адъективные словосочетания представлены рядом моделей (см.: [Сибатрова, 2020, 2023а, 2023б, 2023в, 2023г]). В данной статье подвергаются разностороннему описанию словосочетания модели ИС(М)$_{дат.п.}$ + ИП$_{кач.}$ (имя существительное или местоимение в форме дательного падежа + имя прилагательное качественное), заслуживающей особый научный интерес тем, что объединяет синтаксические единицы разных смысловых отношений и грамматических значений. До настоящего времени они не были предметом какого-либо специального анализа. Нет каких-либо отдельных наблюдений, сведений о них и в разделах (подразделах) о словосочетаниях работ (пособий учебного характера) по марийскому синтаксису [Васикова, 1987, с. 9–15; Тимофеева, 1989, с. 3–9; Васикова, 1990, с. 15–17; Мустаев, 2013, с. 338–343]. Правда, в «пособии для учителя» (практически для студентов) Л.П. Васиковой по синтаксису простого предложения, в части о структурных «схемах» словосочетаний, среди совершенно немногих иллюстративных примеров модели «ЛМ + ПМ» (имя существительное + имя прилагательное) приводится словосочетание и с дативной формой – *пашалан тале* ‘ловкий на работе’ [Васикова, 1987, с. 10]. Также в «пособии для учителя» по сопоставительной грамматике (синтаксису) русского и марийских языков Л.П. Васикова для модели «прилагательное с существительным» («мар. NN(post) + Adj» – «существительное (без послелога или с послелогом) + изменяемое прилагательное») представляет следующие примеры с именами дативной формы: (марийский луговой) *пашалан тале* ‘ловкий на работе’, *мутлан пеҥгыде* ‘надежный в обещании’ и (марийский горный) *шамаклан незер* ‘бедный на слова (немногословный)’ [Васикова, 1990, с. 15]. Однако бóльшую помощь в изучении адъективных словосочетаний выбранной модели, в особенности их смысловых отношений и грамматических значений, могут оказать работы по современной марийской морфологии, а именно описание

в них грамматических значений и функций достаточно многозначного дательного падежа [Современный марийский язык, 1961, с. 64–66; Учаев, 1982, с. 64–68; Тужаров, 1987, с. 82–87]. Так, З.В. Учаев в ряду грамматических значений дательного падежа (им представлено всего 18 объектных и обстоятельственных значений) отмечает и такие, которые реализуются именно (или также) при управляющих именах прилагательных, например, «ограничительное отношение» в сочетаниях типа *чурийлан сӧрале* ‘красив(ый) на лицо’, *йомаклан мастар* ‘искусный сказочник’, букв. ‘искусен в сказках’, *вольыклан поян* ‘богат(ый) на скот’ и одно из «обстоятельственных значений» – место как средство выражения особенностей предметного качества в примерах типа *тӱнялан эн йорло* ‘самый бедный на свете’, *яллан эн мотор* ‘самый красивый в деревне’ [Учаев, 1982, 65, 68] (здесь и ниже словосочетания извлечены нами из приведенных авторами иллюстративных предложений). Среди значений дательного падежа (всего 24 грамматических значения), установленных Г.М. Тужаровым в монографии о грамматических категориях имени существительного в марийском языке, в случаях употребления существительных при качественных прилагательных проявляются или могут проявляться следующие: пространственно-местное в примерах типа *ты агуллан лӱман ял* ‘в этой округе известная деревня’ и выражающее «какой-либо специфический признак, индивидуальную черту и особенность, по которым данный предмет отличается от других предметов», в примерах типа *ушлан тале* ‘умом сильна’ [Тужаров, 1987, с. 82, 84].

Настоящая статья направлена на устранение пробела в исследовании марийских адъективных словосочетаний, в данном случае модели $ИС(М)_{дат.п.}$ + $ИП_{кач.}$, – форм выражения их составляющих, смысловых отношений и прежде всего грамматических значений, грамматической связи между компонентами, а также особенностей формального использования и функционирования в речи. Все это излагается в рамках установленных грамматических значений словосочетаний.

Цель статьи – провести анализ словосочетаний модели $ИС(М)_{дат.п.}$ + $ИП_{кач.}$ (имя существительное или местоимение в форме дательного падежа + имя прилагательное качественное), прежде всего их грамматических значений.

Материалы и методы

Исследование проведено на основе фактического материала по лугово-восточному марийскому литературному языку, представленного в части создаваемого электронного корпуса марийского языка (объем – около 20 миллионов словоупотреблений), – главным образом художественных и публицистических текстов. Словосочетания для изучения выявлялись путем поиска и лингвистических наблюдений как по опорным прилагательным, так и по управляемым именам (причем в рамках предложений, т.к. «словосочетание – в определенном своем лексическом наполнении – предстает в предложении,

в составе текста» [Русская грамматика, 1980, с. 80]). При разностороннем анализе выделенных синтаксических единиц применялись такие широко известные лингвистические методы, как описательный и структурный, а также семантического и контекстуального анализа.

Результаты исследования, обсуждения

В зависимости от лексического и формального выражения компонентов и синтаксических отношений между ними словосочетания модели ИС(М)$_{дат.п.}$ + ИП$_{кач.}$ могут передавать ряд грамматических значений:

1. Признак лица по его внутренней склонности, расположенности, интересу, любви, привязанности, верности, преданности, надежности – прежде всего по положительному отношению к кому- или чему-либо; в очень редких случаях – признак по внутренней неприязни, враждебности, ненависти, недружелюбию. В качестве опорных компонентов выступают в преобладающем большинстве случаев относительные (по происхождению) прилагательные в безусловно качественном значении *кумылан* и *шӱман* ‘расположенный, любящий, склонный; охочий, охотливый’, изредка синонимичные прилагательные *кумылзак* ‘тж’ и *кумылзо* ‘тж’, а также *ӱшанле* ‘верный, преданный, надежный’, (в отдельных случаях) *тушманле* ‘враждебный, неприязненный, ненавистный, недружелюбный’ и разг. *осал* ‘охочий, охотливый, злой, вредный’, разг. *аяр* ‘охочий, охотливый, рьяный, ретивый, лютый, падкий’ (к сожалению, ввиду отсутствия в русском языке прямых эквивалентов здесь и далее переводы часто не отражают формальных и структурных особенностей марийских словосочетаний): *йылмылан кумылан (рвезе)* ‘склонный к языку (мальчик)’, *мурылан кумылан (еҥ)* ‘любящий петь (букв. к песне склонный) (человек)’, *(сурт) сомылкалан кумылан (озавате)* ‘любящая (домашние) дела (хозяйка)’, *(еш) спортлан кумылан* ‘(семья) склонна(я) к спорту’, *(ӱдыр) поэзийлан кумылан* ‘(девушка) склонна(я) к поэзии’; *пашалан кумылзак (еш)* ‘любящая труд (семья)’, *пӱртӱслан кумылзо (еҥ)* ‘любящий природу (человек)’; *ешлан шӱман (еҥ)* ‘любящий семью (человек)’, *музыклан шӱман (айдеме)* ‘любящий музыку (человек)’, *(ӱдырамаш) искусствылан шӱман* ‘(женщина) любящая искусство’, *(рвезе) мландылан шӱман* ‘(парень) любящий землю’; *ешлан ӱшанле (ача)* ‘верный семье (отец)’, *спортлан ӱшанле (рвезе)* ‘верный спорту (парень)’, *(ӱдыр) музыклан ӱшанле* ‘(девушка) верна(я) музыке’, *(туныктышо) пашалан ӱшанле* ‘(учитель) верен работе’; *(тыгай) илышлан тушманле (еҥ)* ‘враждебный (такой) жизни (человек)’, *(ты марий) пашалан осал* ‘(этот мужчина) зол до работы (на работу)’, *мурылан аяр (ӱдыр)* ‘охочая до песен (девушка)’, *(шоҥгыеҥ) мутлан аяр* ‘(старик) словоохотлив(ый)’; *тидлан кумылан (тунемше)* ‘склонный к этому (ученик)’, *(ӱдыр) тудлан шӱман* ‘(девушка) расположена к нему’, *мыланем ӱшанле (пий)* ‘верная мне (собака)’, *мыланна тушманле (айдеме)* ‘враждебный нам (человек)’, *нунылан осал (пӧръеҥ)* ‘злой до них (мужчина)’, *тидлан аяр (рвезе)* ‘охочий до этого (парень)’.

Ядерные прилагательные, как норма, употребляются в речи в форме положительной степени, но иногда наблюдаются и с суффиксом сравнительной степени *-рак*. Например: *Шыжым адак ик вер лиеш – муза, марий* ***йылмылан кумыланрак*** *рвезым колтыза* (В. Колумб) ‘Осенью будет еще одно место – найдите, направьте парня, (**более-менее**) любящего марийский **язык**’; *«Ончыко» журнал кызыт тугай автор-шамычым ушен шога, кӧмытшӧ шке* ***вийыштлан ӱшанлырак*** *улыт* (Ю. Галютин) ‘Сейчас журнал «Вперед» объединяет таких авторов, кто **более верен** своей **силе**’. В подобных предложениях форма сравнительной степени может выражать непосредственно сравнительное значение (в первом предложении) или значение неполноты проявления признака (во втором предложении). Зафиксированы единичные примеры опорных прилагательных с показателем превосходной степени *эн* ‘самый’: *Эше весыжым, япон* ***приёмлан эн кумыланжым****, авырыш* (Ю. Галютин) ‘Поймал еще другого, **самого охочего до** японских **приемов**’; *Калык* ***мурылан эн шӱман*** *композиторнам монден кодышаш огыл ыле* (Ю. Галютин) ‘Не забыть бы про нашего композитора, **более всех любящего** народные **песни** ’; *– Таче Озаҥыш миен коштшо иктат лийын огыл мо? – у* ***уверлан эн аяр*** *Кри Элексе йодо* (К. Исаков) ‘– Сегодня в Казань никто не съездил? – спросил **самый охочий до новостей** Кри Элексе’. Такие примеры свидетельствуют о том, что при необходимости стержневые прилагательные подобных словосочетаний могут принимать в речи формы как сравнительной, так и превосходной степеней.

Главные прилагательные словосочетаний выполняют в речи свои характерные функции – атрибутивную и предикативную. В первом случае, конечно, изучаемые словосочетания занимают препозицию по отношению к определяемым именам существительным, в т.ч. в случаях выполнения последними предикативной функции – именной части составного сказуемого. Например: ***Пӱртӱслан кумылан*** *айдеме тудын сӧраллыкшым шке гычат почын ончыкта* («Марий Эл») ‘Человек, **любящий природу**, изображает ее красоту и сам’; *Конкурсышто икымше верым налше Семон йолташлан,* ***поэзийлан кумылзо*** *шольылан* («Ончыко») ‘Другу Семену, **любящему поэзию** братишке, занявшему первое место в конкурсе ’; ***Поҥгылан шӱман*** *ен-влак пӱнчерыш ошкыл кертыт* («Марий коммуна») ‘Люди, **любящие грибы**, могут идти в сосновый бор’; *Ойырен налме* ***профессийлан ӱшанле*** *пашазе мемнан дене ятырак* («Кугарня») ‘Работников, **верных** выбранной **профессии**, у нас довольно много’; *Шкеже Петр уто* ***шокшылан кумылан*** *айдеме огыл* (В. Смирнов) ‘Сам Петр – человек, **не любящий** лишнего **жара**’; *Такше тудо уто* ***мутлан кумылзак*** *айдеме огыл* (В. Смирнов) ‘Так-то он человек, **не любящий** лишних **слов**’; *Вадим* ***ешыжлан ӱшанле*** *марий лийын* (В. Илларионов) ‘Вадим был **верным** своей **семье** мужем’. Во втором случае, как и свойственно марийским сказуемым, адъективные словосочетания располагаются чаще

всего в конце предложения. Предикативные прилагательные по мере необходимости снабжаются постпозиционными модально-временными лексико-грамматическими средствами разных лиц, причем как утвердительной, так и отрицательной форм. Например: *Йогор* ***машиналан шӱман*** (С. Чавайн) ‘Егор **любит машины** (букв. **расположен к машине**)’; *Мочол тудо* ***музыклан ӱшанле****!* («Марий Эл») ‘Насколько он **верен музыке**!’; *Тый пеш чулым, мланде* ***пашалан кумылан*** *улат* («Ончыко») ‘Ты очень ловкий, любишь (букв. **любящий**) **земледелие**’; *Вакш оза нигунамат* ***Венцовлан кумылзо*** *лийын огыл* (В. Юксерн) ‘Хозяин мельницы никогда не был **расположен к Венцову**’; *Ачам ден авамат марий* ***йылмылан шӱман*** *ыльыч* (Я. Егоров) ‘И мои родители **любили** марийский **язык**’; *Черемис-влак кызыт мартеат чий* ***вераштлан ӱшанле*** *кодыт* (Г. Яковлев) ‘Черемисы до сих пор остаются **верными** своей языческой **вере**’; *Куд ияшак кол кучаш тӱҥалынам да кызытат тиде* ***сомыллан аяр*** *улам* (В. Осипов-Ярча) ‘Я уже в шесть лет стал рыбачить и даже сейчас **охоч** до этого **дела**’; *Мый* ***пашалан осал*** *Изинек лийынам* (Сем. Николаев) ‘С детства я был **зол до работы**’.

При прилагательных данной семантической группы словосочетаний выступают преимущественно имена существительные и намного реже местоимения-существительные. Ясно, что выражаемые ими предметы и лица должны быть способными передать объект склонности, расположенности, интереса, любви, привязанности, верности, преданности, надежности, а также объект неприязни, враждебности, ненависти, недружелюбия. Судя по материалам, зависимые существительные являются в основном из разряда неодушевленных, причем прежде всего названиями различных видов деятельности человека и предметов, связанных с видами деятельности (например, искусство, музыка, песня, волынка, литература, поэзия, творчество, техника, спорт, футбол, лыжи, охота, работа, дело, земля и т.д.). Например: *Верысе школышто туныктышо-влак* ***сылнымутлан кумылан*** *ӱдыр-рвезым куштат* («Марий Эл») ‘В местной школе учителя воспитывают молодежь, **любящую литературу**’; *Таче мый тыглай,* ***пашалан кумылзак*** *ӱдырамаш нерген каласкалынем* («Марий коммуна») ‘Сегодня я хочу рассказать об обычной женщине, **любящей труд**’; *Ирина спортлан шӱман ыле* (В. Григорьев) ‘Ирина **любила** (букв. была **любящей**) **спорт**’; *Августа ик гана ойырен налме* ***пашажлан ӱшанле*** *кодын* («Марий Эл») ‘Августа осталась **верной** выбранной однажды **работе**’. Одушевленные существительные в подчиненной позиции наблюдаются довольно редко. Например: *«Ямде лийын» редакторжо самырык* ***автор-влаклан*** *пеш* ***кумылан*** *ыле* (М. Казаков) ‘Редактор (газеты) «Будь готов» был очень **расположен к** молодым **авторам**’; *Отец Пафнутий* ***унылан кумылзак*** *огыл* (В. Юксерн) ‘Отец Пафнутий **не любит** (букв. **не любящий**) **гостей**’; *Городокышто тудо завхозлан шога. Тунамак почтальон,* ***йоча-влаклан кумылзо*** *ача*

(В. Юксерн) ‘В городке он работает завхозом. В то же время почтальон, **любящий детей** отец’.

Из зависимых местоимений-существительных выявлены немногочисленные примеры с некоторыми личными (в принципе, в словосочетаниях данной семантической группы могут быть употреблены все личные местоимения), отдельными указательными и определительными местоимениями. Например: *– (Анук) ала-мо Эчанлан пеш шӱман?.. Эчанже* ***тыланет шӱман****, маныт* (С. Чавайн) ‘– Что-то Анук очень расположена к Эчану?.. Эчан-то, говорят, **расположен к тебе**’; *Рвезыже манмаште, Наташа шкеже* ***тудлан шӱман*** («Марий Эл») ‘Насчет парня, Наташа сама **расположена к нему**’; *Икшыве-влакат йӧратат, Петр Николаевичат авашт гаяк* ***нунылан шӱман*** («Марий Эл») ‘И дети любят, и Петр Николаевич, как и их мать, **расположен к ним**’. *– Нимом ом йод, лач* ***мылам ӱшанле*** *лий!* (Г. Гордеев) ‘– Не прошу ничего, будь только **верен мне**’; ***Мыланна ӱшанле*** *кодмыштлан таум каласаш веле кодеш* («Марий Эл») ‘Остается только поблагодарить, что они остались **верны нам**’; *Мемнан дене шукын тунемаш шонат, ача-ават* ***тидлан кумылан*** *улыт* («Марий Эл») ‘Многие хотят учиться у нас, и родители **желают этого** (букв. **расположены к этому**)’; *Василий Миронов вуйым ыш саке. Тудо ончычсыжлак* ***шканже ӱшанле*** *кодо* (В. Миронов) ‘Василий Миронов не повесил голову. Он, как и прежде, остался **верным себе**’; *Вараже нуно* ***икте-весылан ӱшанле*** *йолташ ӱдыр лийыч* («Марий Эл») ‘Позже они стали **верными друг другу** подружками’.

Нужно добавить, что в источнике выявлены единичные примеры словосочетаний с дативными формами страдательных причастий в зависимой позиции (как известно, такие причастия могут являться названиями действий или состояний и при этом, как и существительные, изменяться по падежам и притяжательности [Учаев, 1985: 97–98, 102–104]; в данном случае они называют какое-либо занятие, деятельность): *Йорло ден икмарда кресаньык ӱдырамаш-влак* ***куп коштымылан шӱман*** *лийыч* (М. Шкетан) ‘Крестьянки из бедняков и середняков поддержали осушение (букв. стали **склонны к осушению**) болота’; *Икшыве-влакын ачашт-авашт марла* ***туныктымылан кумылан*** *улыт* («Марий Эл») ‘Родители детей **расположены к обучению** марийскому языку’.

2. Признак лица (или иногда другого одушевленного предмета) по его способности или отношению, ярко проявляющийся в какой-либо сфере, области деятельности или по отношению к кому- или чему-либо, в отношении кого- или чего-либо. Опорный компонент представляют качественные прилагательные, характеризующие человека, типа *тале* ‘смелый, быстрый, расторопный, бойкий, ловкий, способный искусный’, *чолга* ‘бойкий, лихой, расторопный, решительный, смелый, живой’, *кожмак* ‘расторопный, быстрый, проворный, ловкий’, *мастар* ‘умелый, искусный, талантливый’, *писе* ‘быстрый, проворный, шустрый’, *уста* ‘умелый, искусный, талантливый, способный, ловкий’,

чулым ‘расторопный, резвый, ловкий, быстрый, бойкий, смелый’, а также *його* ‘ленивый’, *йолагай* ‘тж’ и др.: *пашалан тале (ӱдыр)* ‘ловкая на работу (девушка)’, *пашалан кожмак (калык)* ‘трудолюбивый (букв. бойкий на работу) (народ)’, *кидпашалан мастар (еш оза)* ‘искусный в ремесле (хозяин семьи)’, *(ӱдыр) кӱслелан мастар* ‘(девушка) искусный гусляр (букв. искусная в гуслях)’, *(эрге) плотньыклан мастар* ‘(сын) искусный плотник (букв. на плотника)’, *сомылкалан уста (ӱдырамаш)* ‘ловкая в домашних делах (женщина)’, *мурылан уста (ен)* ‘искусный на песню (человек)’, *пашалан йолагай (эрге)* ‘ленивый на работу (сын)’, *(рвезе) кнагалан його* ‘(мальчик) ленив(ый) на книги’; *тидлан уста (ӱдыр)* ‘способная на это (девушка)’, *тыгайлан писе (икшыве)* ‘скорый на такое (ребенок)’.

Как и в случае с первым значением, опорные прилагательные почти всегда употребляются в речи в форме положительной степени, а с суффиксом *-рак*, причем в его значении неполноты проявления признака, выявлены только единичные примеры: *(Носков) мутлан кӱсеныш ок пуро,* ***пашалан йолагайрак*** (А. Арзайн) ‘Носков за словом в карман не полезет, **на работу (несколько) ленив**’. Примеры с прилагательными превосходной степени (с *эн* ‘самый’) не обнаружены.

Стержневые имена прилагательные в одинаковой мере выступают в речи как в роли препозиционного определения (определяемое существительное при этом может быть также именной частью составного сказуемого), так и в функции именного сказуемого. Например: *Чынакак, чыланат пеш моктат* ***Пашалан*** *пеш* ***мастар*** *ӱдырнам* (Й. Осмин) ‘И правда, все очень хвалят нашу **работящую** (букв. очень **искусную в работе**) дочь’; *Теве тыгай ушан-шотан,* ***пашалан писе*** *айдеме мемнан коклаштына ила* («Кугарня») ‘Вот такой толковый, **проворный в работе** человек живет среди нас’; ***Пашалан чулым*** *ты еш суртшо пелен изи мӱкш отарым куча* («Кугарня») ‘Эта **трудолюбивая** (букв. **проворная на работу**) семья содержит при своем хозяйстве маленькую пасеку’; ***Пашалан кожмак*** *пӧръеҥ-влак Янки памашымат тӧрлышт* («Марий Эл») ‘**Работящие** (букв. **расторопные на работу**) мужчины отремонтировали и родник Янки’; ***Пашалан йолагай*** *Пилерей шӧртньыжым ужален пытара да йорлышко савырна* (Л. Семенова) ‘**Ленивый на работу** Пилерей распродает все свое золото и становится бедным’; *Тудыжо* ***музыклан уста*** *икшыве лийы*н (М. Казаков) ‘А он был **способный к музыке** ребенок’; *Морко калык –* ***пашалан кожмак*** *калык* («Марий Эл») ‘Моркинский народ – **трудолюбивый** (букв. **расторопный на работу**) народ’. В случаях предикативной функции опорные прилагательные нередко сопровождаются различными связующими средствами модально-временных значений (как утвердительной, так и отрицательной форм). Например: *Роман, кумло вич ияш, бригадир,* ***пашалан писе*** (М. Шкетан) ‘Роман, тридцати пяти лет, бригадир, **ловок** (букв. **быстр**) **на работу**’; *Арийын кид-йолжо поро* ***сомыллан уста*** (Ю. Галютин) ‘Руки и ноги Ария

искусны на доброе **дело**’; *Тунемаш – **кнагалан його*** (Сем. Николаев) ‘(Чтобы) учиться – **ленив на книги**’; *Тудат ӱдыржӧ годым **пашалан кожмак** улмаш* (А. Богданов) ‘В девичестве и она была **расторопна в работе** (букв. **на работу**)’; ***Пашалан його** мый улам* (И. Попов) ‘**На работу** я **ленив**’; *Кугу ешыште **пашалан чулым** лияш пернен* («Марий Эл») ‘В большой семье приходилось быть **расторопным в работе** (букв. **на работу**)’.

Зависимую часть словосочетаний рассматриваемого значения образуют преимущественно имена существительные, как правило, неодушевленные, выражающие какую-либо деятельность или виды деятельности, а также являющиеся названиями предметов, тесно связанных с определенным видом деятельности (типа: чаще всего *паша* ‘работа’, реже *сомыл* ‘дело, работа’ и *кидпаша* ‘рукоделие, ремесло’, а также *музык* ‘музыка’, *кӱсле* ‘гусли’, *книга* ‘книга’, *мераҥ* ‘заяц’ и др.). Например: *Тудо мер **пашалан чолга** еҥ* («Ончыко») ‘Он **активный на** общественной **работе** человек; *Мыйын кид-йол еҥ **сомыллан** пеш **кожмак*** (К. Коршунов) ‘У меня руки и ноги очень **ловки на** чужие **дела**’; *Люба ака самырык годымжо **кидпашалан** пеш **уста** лийын* («Марий Эл») ‘В молодости сестра Люба была очень **искусной рукодельницей** (букв. **искусна на рукоделие**)’; *Тудо тале сонарзе, **карсакмераҥлан** пеш **мастар*** (Ю. Галютин) ‘Он опытный охотник, очень **искусен** (в охоте) **на зайца-русака**’.

Зависимые местоимения-существительные в целом являются указательными (в данном случае синонимичные *тиде* ‘этот, эта, это’ и *тыгай* ‘такой, этакий’, *тугай* ‘такой’). Иногда допускаются местоимения и других разрядов, так, зафиксирован единичный пример с определительным *чыла* ‘весь, вся, всё’. Понятно, что при этом местоимения замещают неодушевленные существительные, являются чаще всего указаниями на целые явления и события, а также на действия, о которых речь шла ранее. Например: *Пӧклаже марий тувырым тӱрлен мошта. Маринат **тидлан** пеш **мастар*** (Ю. Артамонов) ‘Пёкла умеет вышивать марийскую рубашку. И Марина очень **искусна в этом** (букв. **на это**)’; *– Кӱлеш, Санькан ӧрдыжлужым шотлен налына. Мемнан рвезе-влак **тыгайлан чулым** улыт* (Г. Гордеев) ‘– Если надо, у Саньки пересчитаем ребра. Наши парни **ловки на такое**’; *Сусед **тугайлан** пеш **чоя**, кугу кампаньым суртышкыжо пуртымаш уке* (Ю. Галютин) ‘Сусед очень **хитер на такое**, не заводит к себе домой большую компанию’; *Мыйын мариемже **чылалан** пеш **мастар*** (А. Арсак) ‘Мой муж очень **искусен во всём** (букв. **на всё**)’.

3. Признак лица или иногда другого одушевленного предмета, который (чаще всего как положительный и реже как отрицательный) особенно ярко проявляется по отношению к какой-либо части их тела и (в иных случаях) к основной ее составляющей. Позицию опорных компонентов занимают качественные прилагательные, характеризующие основные части тела, в т.ч. органы, человека (изредка животного), типа *писе* ‘быстрый’, *пӱсӧ* ‘острый, остроумный, зоркий’, *уста* ‘умелый, искусный, талантливый, способный, ловкий’, *тале* ‘смелый,

быстрый, расторопный, бойкий, ловкий, способный, искусный’, *чулым* ‘расторопный, резвый, ловкий, быстрый, бойкий, смелый’, *мотор* ‘красивый, прекрасный, изящный’, *сылне* ‘тж’, *таза* ‘здоровый’, *соңгыра* ‘глухой’ и др.: *кид-йоллан писе (ӱдыр)* ‘быстрая на руки-ноги (девушка)’, *йоллан писе (икшыве)* ‘быстрый на ногу (ребёнок)’, *(оръең) чурийлан сӧрал* ‘(невеста) красива(я) лицом (на лицо)’, *тӱслан мотор (каче)* ‘красивый лицом (на лицо) (парень)’, *(ава) шинчалан тӱлыжгӧ* ‘(мать) подслеповата(я) на глаз’, *(пий) пылышлан пӱсӧ* ‘(собака) остра(я) на ухо’, *(пурла) пылышлан соңгыра (шоңгыең)* ‘глухой на (правое) ухо (старик)’, *пылышлан пеңгыде (ӱдырамаш)* ‘тугая (крепкая) на ухо (женщина)’, *йылмылан уста (вате)* ‘искусная на язык (женщина)’, *(ӱдыр) йылмылан пӱсӧ* ‘(девушка) остра(я) на язык’, *туп-вачылан тӱвыргӧ (марий)* ‘крепкий торсом (мужчина)’, *уш-акыллан лушкыдо (йоча)* ‘слабый умом (ребёнок)’, *ушлан тале (ең)* ‘сильный умом (человек)’, *(рвезе) ушлан вишкыде* ‘(мальчик) жидкий умом’, *(ӱдыр) койышлан йорга* ‘(девушка) кокетлива(я) поведением’.

В данной семантической группе словосочетаний, в отличие от предыдущих, достаточно часто наблюдается использование прилагательных в речи в форме сравнительной степени, т.е. с суффиксом *-рак*, причем прежде всего в его значении неполноты проявления предметного признака. Например (небезынтересно заметить, что значительная часть примеров связана с характеристикой слуха): ***Пылышлан*** *изиш* ***соңгырарак****, чалем пытыше шоңгыең йомакым каласкалаш йӧратен* (М. Ушакова) ‘Немного **глуховатый на ухо**, весь поседевший старик любил рассказывать сказки’; *– Мом манат? – пурла* ***пылышлан начаррак*** *шоңго ӱдырамаш йодо* (Г. Пирогов) ‘– Что говоришь? – спросила старая женщина, **туговатая** (букв. **плоховатая**) **на** правое **ухо**’; ***Каплан изи, чурийлан шемырак, Койышлан йоргарак*** *улын*а (Муро) ‘**Ростом** мы **маленькие, лицом смугловатые, характером игривые** (букв. **игроватые**)’; *Мышин* ***ушлан токмакрак*** *гынат, тидым умылен шуктыш* (А. Бик) ‘Хотя Мышин **умом** и **туповат**, но это понял’. Правда, отмечаются единичные примеры с *-рак* и явно сравнительного значения: *Весыже кумло ий деч кугурак огыл, но тидыже* ***чурийлан моторрак*** (Г. Ороспаев) ‘А другой не старше тридцати лет, но этот **на лицо красивее**’. Нужно добавить, что показатель превосходной степени *эн* ‘самый’ при подобных прилагательных не зафиксирован.

Стержневые имена прилагательные выполняют в предложениях свои основные функции – приименную атрибутивную и (заметно чаще) предикативную. Они определяют существительные совершенно разных функций, в т.ч. выражающие лексическую часть именного составного сказуемого. Например: *Ия вет тугай:* ***пылышлан чоя, йоллан писе*** *айдемым поктылаш эре ямде* (Йомак = Сказка) ‘Черт ведь такой: всегда готов гнаться за человеком, **хитрым на ухо, быстрым на ногу**’; ***Кап-кыллан мотор*** *рвезе кутырен пеш мошта* («Марий Эл») ‘**Красивого телосложения** парень очень умеет говорить’; *– Низаштат огына кылме! –* ***йылмылан пӱсӧ*** *Клавий пӧртӧнчык кӱзыш*

(А. Арсак) ‘– Ни за что не замерзнем! – **острая на язык** Клавий поднялась в сени’. *Япыкын ачаже* ***пылышлан пеҥгыде*** *ен* («Ончыко») ‘Отец Япыка **крепкий на ухо** человек’; *Оза тореш огыл, тудо* ***кумыллан*** *пеш* ***пушкыдо*** *айдеме* (К. Исаков) ‘Хозяин не против, он очень **мягкий в душе** человек’. Предикативные прилагательные, как и в предыдущих семантических группах, по мере необходимости снабжаются лексико-грамматическими модально-временными средствами, как утвердительного, так и отрицательного значений. Например: *(Вӧдыр)* ***Кидлан*** *пеш* ***мастар****. Могай шке ыштыме ӱзгарже тудын уке!* (Ю. Галютин) ‘Вёдыр очень **искусный рукоделец** (букв. **на руку**). Каких только самодельных вещей нет у него!’; ***Каплан*** *пеш* ***изи*** *– пашкар гай веле* (К. Исаков) ‘**Ростом** очень **маленький** – совсем как палочка’; *А вет,* ***чурийлан йытыра*** *огыл, от ман* (М. Илибаева) ‘А ведь не скажешь, что **на лицо не красив**’; ***Каплан кугу, тӱслан мотор, Чонлан весела*** *улына* (Муро) ‘Мы **ростом высокие, лицом красивые, душой веселые**’; *Школыштына туныктышо ден воспитатель-влак* ***ушлан виян*** *улыт* («Марий Эл») ‘В нашей школе учителя и воспитатели **умом сильные**’; *Самырык ӱдыр* ***тӱслан чевер-чевер*** *лийын шогалын* (Г. Макартук) ‘Молодая девушка стала **на лицо красивая-красивая**’.

Отмечается одна особенность в выражении зависимого компонента словосочетаний с описываемым значением – в подчиненном положении не выявляются местоимения. А приадъективные неодушевленные существительные по своей семантике в большинстве случаев относятся к названиям частей тела и органов человека и (единично) основных их составляющих: *чурий* ‘лицо’, *тӱс* ‘лицо, вид’, *сын-кун* ‘черты лица, внешность’, *пылыш* ‘ухо’, *йылме* ‘язык’, *шинча* ‘глаз’, *кап* ‘тело’, *могыр* ‘тж’, *капкыл* ‘тело, телосложение’, *кид* ‘рука’, *йол* ‘нога’, *кид-йол* ‘руки-ноги’, *туп-вače* ‘торс, плечи’, *чон* ‘душа’, *кумыл* ‘тж’ (нужно заметить, что с *шӱм* ‘сердце’ примеров нет), *уш, уш-акыл* ‘ум’ (с *вуй* ‘голова’ примеров нет), *койыш* ‘характер, поведение’ и др. Например: *Эчей* ***чурийлан сӧрале огыл*** *гынат, ала-можо ӱдырлан келшен* (М. Шкетан) ‘Хотя Эчей **лицом не красив**, но что-то в нем девушке понравилось’; *Тудо сар гыч таза,* ***сын-кунлан мотор*** *качымарий толын* («Марий Эл») ‘Он вернулся с войны здоровым, **на лицо красивым** парнем’; *Ватыже* ***йылмылан аяр*** *ӱдырамаш* (О. Шабдар) ‘Его жена **злая на язык** женщина’; *Дуня кува* ***шинчалан пӱсӧ огыл*** *гынат,* ***пылышлан тале*** (А. Асаев) ‘Хотя баба Дуня **неостроглазая** (букв. **не острая на глаз**), но **на ухо острая** (букв. **сильная**)’; *(Вадим)* ***каплан изирак*** *лийын гын,* ***йоллан*** *пеш* ***писе*** *ыле* (В. Илларионов) ‘Вадим **ростом** был **маловат**, но **на ногу** был очень **быстрый**’; *(Валентин)* ***ушлан*** *пеш чот* ***тале*** *лийын* (Ю. Галютин) ‘Валентин был очень **силен умом**’; *– Шешкымже* ***кумыллан осалак*** *огыл дыр?* (К. Исаков) ‘ – Моя сноха ***не злая*** ли ***в душе*** (букв. **душой**)?’

4. Признак неодушевленного и в иных случаях одушевленного предмета, который ярко проявляется по отношению к чему- или кому-либо как к объекту

наличия в каком-либо (большом или малом, недостаточном) количестве. Опорный компонент выражается качественными прилагательными типа (наиболее часто) *поян* ‘богатый, обильный’ и (реже) *нужна* ‘бедный, скудный’, (иногда синонимичными последнему) *йорло* ‘тж’ и *незер* ‘тж’, а также *чаҥга* ‘скупой’, *чӱдӧ* ‘скудный, бедный, скупой’ и др.: *чодыралан поян (кундем)* ‘богатая на леса (лесами) (местность)’, *памашлан поян (вершӧр)* ‘богатый на родники (родниками) (край)’, *нефтьлан поян (вершӧр)* ‘богатый нефтью (на нефть) (край)’, *емыжлан поян (вер)* ‘богатое ягодами (место)’, *коллан поян (эҥер)* ‘богатая рыбой (река)’, *мӧрлан поян (чоҥга)* ‘богатый на клубнику (пригорок)’, *витаминлан поян (шудо)* ‘богатая витаминами (трава)’, *книгалан поян (библиотеке)* ‘богатая книгами (библиотека)’, *йӱлалан поян (еш)* ‘богатая обычаями (семья)’, *пайремлан поян (пагыт)* ‘богатое на праздники (время)’, *лӱмгечылан поян (ий)* ‘богатый на юбилеи (год)’, *сӱанлан поян (тылзе)* ‘богатый на свадьбы (месяц)’, *(пӱртӱс) янлыклан поян* ‘(природа) богата(я) зверем’, *(пайрем) модышлан поян* ‘(праздник) богат(ый) на игры’, *(ял) пушеҥгылан поян* ‘(деревня) богата(я) деревьями’, *(калык) мурылан поян* ‘(народ) богат(ый) песнями’; *вӱдлан нужна (вер)* ‘бедная на воду (местность)’, *сылнылыклан нужна (йылме)* ‘скудный на красоту (язык)’, *(ачашт) шомаклан нужна* ‘(их отец) скуден на слова’, *порылан чаҥга (еҥ)* ‘скупой на доброту (человек)’, *(рвезе) мутлан чаҥга* ‘(парень) скуп(ой) на слова’; *шомаклан чӱдӧ (пӧръеҥ)* ‘скудный (скупой) на слова (мужчина)’.

Опорные прилагательные почти всегда употребляются в речи в форме положительной степени, однако встречаются отдельные примеры и на форму сравнительной степени. Суффикс *-рак* проявляет в данном случае оба своих значения – непосредственно сравнительное и выражение неполноты признака. Например: *Майрукын кӱрылтшӧ шомак шӱртыжым, молгунам* ***мутлан нужнарак*** *гынат, Танила кува шуйыш* (Г. Алексеев) ‘Прерванную речь (букв. нить слов) Майрука продолжила жена Танилы, обычно **скуповатая** (букв. **бедноватая**) **на слова**’; *Спорт объектлашке кошташ* ***шийвундылан начаррак*** *кӱсен чаракым ышта* («Кугарня») ‘Посещать спортивные объекты мешает **бедноватый** (букв. **плоховатый**) **на деньги** карман’; *Ынде игечыжат шокшо* ***шӱлышлан чаҥгарак*** *лие* (В. Осипов-Ярча) ‘Теперь и погода стала **скупее на** теплое **дыхание**’. Подобные прилагательные (прежде всего *поян* ‘богатый’) могут употребляться и в форме превосходной степени, т.е. с препозиционным аналитическим показателем *эн* ‘самый’: *Шуанвондыгичке* ***витаминлан эн поян*** («Марий коммуна») ‘Плоды шиповника **самые богатые витаминами**’; *Кызыт Васли Йыван* ***киндылан эн поян****, а Семон йорлыш лектын* (Ю. Артамонов) ‘Сейчас Васли Йыван **самый богатый хлебом**, а Семон стал бедным’.

Имена прилагательные словосочетаний этого значения в предложениях также сохраняют свои обычные функции – препозиционную атрибутивную и предикативную. Понятно, первая функция реализуется, как правило,

в положении перед определяемыми существительными, в т.ч. функционирующими в качестве лексической части именного сказуемого. Например: ***Кӱлан поян*** *Карелийыште муын огытыл кӱм моло вере* (В. Колумб) ‘В **богатой камнями** Карелии не нашли камня в остальных местах’; ***Кедрлан,*** *колан* ***энерлан поян*** *кундем мыланемат келшен* («Марий Эл») ‘**Богатый кедрами,** рыбными **реками** край понравился и мне’; ***Чодыралан поян****, но* ***вӱдлан нужна*** *Пумыр ялемым шарныме лӱмеш* (В. Колумб) ‘В память моей деревни Пумор, **богатой на леса**, но **бедной на воду**’; *Кеҥеж –* ***пайремлан поян*** *жап* («Марий Эл») ‘Лето – **богатое на праздники** время’; *– Ик кече веле* ***оксалан поян*** *вате лийын ончышым* (М. Рыбаков) ‘– Только один день я побыла **богатой деньгами** женой’. При прилагательных-сказуемых в случаях необходимости (правда, в некоторой степени ограниченно, что обусловлено использованием предикативных прилагательных главным образом при субъектах со значением 3-го лица единственного числа) используются различные лексико-грамматические модально-временные средства утвердительного и отрицательного форм и значений. Например: *Июнь тӱрлӧ* ***пайремлан поян*** («Ончыко») ‘Июнь **богат на** разные **праздники**’; *Пошкудо калык илыме мланде* ***чодыралан нужна*** (К. Васин) ‘Земля, где живет соседний народ, **бедна лесом**’; *(Пьесын) действийже тӱрлӧ* ***йыжынлан йорло*** (Ю. Галютин) ‘Действие пьесы **скудно на** разные **элементы**’; *Пӧръеҥ, маныт,* ***шинчавӱдлан чаҥга*** (М. Илибаева) ‘Мужчина, говорят, **скуп на слезы**’; *Тиде изи ял* ***садлан*** *пеш* ***поян*** *лийын* («Ончыко») ‘Эта маленькая деревня была очень **богата садами**’; *– Мый* ***мурылан нужна*** *омыл. Тесте дене палем* («Ончыко») ‘– **Я не скуден на песни**. Десятками знаю’; *Институтын библиотекыжат* ***литературлан незержак*** *огыл ыле* (В. Осипов-Ярча) ‘И библиотека института была **не скудна на литературу**’; *– Тый таче, Николай Павлович,* ***мутлан*** *пеш* ***чӱдӧ*** *улат* (В. Юксерн) ‘– Сегодня ты, Николай Павлович, очень **скуден на слова**’.

В зависимой позиции употребляются прежде всего имена существительные, главным образом неодушевленные (см. примеры выше), заметно реже одушевленные, выражающие людей и животных. Например: *Лӱмлӧ* ***енлан эн поян*** *ял – Рушплак* («Кугарня») ‘**Самая богатая** известными **людьми** деревня – Ружбеляк’; *Тенийысе кудымшо класс* ***тунемшылан эн поян*** (В. Юксерн) ‘Нынешний шестой класс **самый богатый учащимися**’; *Тыште ерат, пӱят уло,* ***кайыквусылан*** *пеш* ***поян*** *вершӧр* (Ю. Артамонов) ‘Здесь есть и озеро, и пруд, очень **богатая дичью** местность’; *Мемнан кундем* ***янлыклан, кайыклан*** *да* ***коллан*** *пеш* ***поян*** (И. Ломберский) ‘Наш край очень **богат зверем, птицей** и **рыбой**’. Зафиксированы единичные примеры с подчиненными указательными местоимениями *тиде* ‘это’, *тыгай* ‘такой’, заменяющими неодушевленные и одушевленные существительные: *Чон ныжылгылыкым да йӧратымашым онча чыла тиде. Аважат такше* ***тидлан нужна огыл*** (Ю. Галютин) ‘Все это требует душевной нежности и любви. И мать его так-то **не бедна на это**’. *Йӧршеш тыглай куэ. Кундемна* ***тыгайлан*** *пеш* ***поян*** (В. Горохов) ‘Совсем

обычная береза. Наш край очень **богат такими**’; *Писатель ушем членыш уста деч устажым гына пурташ темлыме. Мемнан кундемнат* ***тыгай-влаклан йорло огыл*** (М. Рыбаков) ‘В члены Союза писателей рекомендовано принимать только самых талантливых. И наш край **не беден на таких**’.

5. Признак неодушевленного предмета или лица как ценное и близкое, а также тяжелое, страшное, чужое и т.д. для какого-либо объекта (для души, человека, какого-либо неодушевленного предмета), выраженного в дативе. Позицию опорного компонента представляют качественные прилагательные типа *шерге* ‘дорогой’, *лишыл* ‘близкий’, *йот* ‘чужой’, *неле* ‘тяжелый’, в отдельных случаях *шучко* ‘страшный’, *лӱдыкшӧ* ‘тж’, *шыгыр* ‘трудный, тяжелый’ и др.: *чонлан шерге (шочмо вер)* ‘дорогая душе (родина)’, *чонлан шерге (мланде)* ‘дорогая душе (земля)’, *шӱмлан шерге (школ)* ‘дорогая сердцу (школа)’, *(эрык) айдемылан шерге* ‘(свобода) дорога(я) человеку’, *чонлан лишыл (сомыл)* ‘близкое душе (дело)’, *чонлан лишыл (вер)* ‘близкое сердцу (место)’, *шӱмлан лишыл (айдеме)* ‘близкий сердцу (человек)’, *шӱмлан лишыл (муро)* ‘близкая душе (песня)’, *(паша) чонлан лишыл* ‘(работа) близка(я) сердцу’, *(шочмо вел) калыклан лишыл* ‘(родной край) близок народу’, *чонлан йот (вер)* ‘чужое для души (место)’, *яллан йот (еҥ)* ‘чужой для деревни (человек)’, *эллан неле (саман)* ‘тяжелое для страны (время)’, *республиклан неле (пагыт)* ‘тяжелое для республики (время)’, *эллан шучко (эр)* ‘страшное для страны (утро)’, *чонлан шыгыр (илыш)* ‘тяжелая для души (жизнь)’; *нунылан шерге (айдеме)* ‘дорогой для них (человек)’, *чылалан шерге (кундем)* ‘дорогой для всех (край)’, *тудлан лишыл (янлык)* ‘близкий для него (зверь)’, *мыланна лишыл (еҥ)* ‘близкий для нас (человек)’, *нунылан лишыл (сем)* ‘близкая для них (мелодия)’, *нунылан лишыл (айдеме)* ‘близкий для них (человек)’.

Ядерные прилагательные словосочетаний с данным значением используются в речи главным образом в форме положительной степени. Только иногда при них встречается суффикс сравнительной степени *-рак* в его прямом значении, причем он наблюдается, как правило, в случаях с предикативными прилагательными. Например: *Моло почеламут-влак* ***авторлан шергырак*** *улыт* (В. Колумб) ‘Остальные стихи **автору дороже**’; *Тиде сомыл* ***чонлан лишылрак*** *да каньылырак чучеш* («Кугарня») ‘Это дело кажется **ближе душе** и легче’; *Тенийысе теле «Ӱжара»* ***озанлыклан нелырак*** *лиеш* ‘Нынешняя зима **хозяйству** «Заря» будет **тяжелее**’. Стержневые прилагательные нередко принимают форму превосходной степени, в источнике многочисленны примеры с аналитическим показателем *эн* ‘самый’: *Овдасола гыч тольым* ***Чонлан эн лишыл*** *Кӱчыкэҥерыш* (В. Осипов-Ярча) ‘Вернулся я из (деревни) Абдаево в **самую близкую для души** Кучукенер’; *Кайык ма, янлык,* ***чылаштлан эн шерге*** *– эрык!* («Ончыко») ‘Птицы ли, звери ли, **для всех самое дорогое** – свобода’; *Москва воктене* ***эллан эн неле*** *жапыште тушманын вийжым шалатен кертме* (И. Иванов) ‘Под Москвой в **самое трудное для страны** время смогли сломить силы врага’.

Прилагательные, образующие главный компонент словосочетаний рассматриваемого значения, как и в предыдущих семантических группах, проявляют себя в предложениях как в определительной, так и в предикативной функциях. Ясно, что в первом случае (и это наблюдается заметно чаще) они предшествуют определяемым именам существительным, в т.ч. существительным-сказуемым. Например: ***Шӱмжылан шерге*** *вершӧржым ончалмыже шуэш* (В. Краснов) ‘Ему хочется посмотреть **на дорогие сердцу** места’; ***Марий-влаклан эн лишыл*** *верже – Уфимка ден Чолман кокла* («Ончыко») ‘**Самое близкое для марийцев** место – междуречье Уфимки и Камы’; ***Эллан ты неле*** *жапыште ондакысе курсант-влак ончыл линийыш логалыт* (И. Иванов) ‘В это **тяжелое для страны** время бывшие курсанты попадают на передовую линию’; *Йокрок годым,* ***шӱмлан шыгыр*** *жапыште, айдеме шкет лийшаш огыл* (В. Абукаев-Эмгак) ‘Когда скучно, **в тяжелое для души** время, человек не должен быть один’; *Пуйто нуно шочмо* ***эллан тушманле*** *пашам шуктен толыныт* (Г. Зайниев) ‘Как будто они вели **враждебную для** родной **страны** деятельность’; *Эх, ава, ава, тый веле* ***икшыветлан эн лишыл, эн шерге*** *ең улат* (В. Ижболдин) ‘Эх, мать, мать, только ты **самый близкий, самый дорогой для** своего **ребенка** человек’; *Суворов Япыкмыт* ***ешлан йот*** *ең огыл* («Ончыко») ‘Суворов **не чужой для семьи** Япыка человек’. Стержневые прилагательные нередко выступают в предикативной функции – именной части составного сказуемого, при этом они могут быть снабжены различными временными и модальными глаголами-связками или выступать без них: *Чыла тиде* ***шӱмлан*** *моткочак* ***шерге*** (Ю. Галютин) ‘Всё это очень **дорого сердцу**’; *Тыште чылажат* ***чонлан лишыл, шергакан*** («Ончыко») ‘Здесь всё **близко, дорого душе**’; *Тошто фото-влак* ***шонгыенлан шерге*** *улыт* (М. Илибаева) ‘Старые фотографии **дороги для старого человека**’; *Мыйым колышташ ок тӱҥал, а тыйын шомакет* ***тудлан шерге*** *лийшаш* (Г. Гордеев) ‘Меня не будет слушать, а твои слова должны быть **дороги для него**’; *Тиде кече олам* ***аралыше-влаклан эн неле*** *лие* (А. Бик) ‘Этот день был **самым трудным для защитников** города’.

В зависимом положении выступают прежде всего имена существительные и заметно реже местоимения. Отмечаются подчиненные неодушевленные существительные (преимущественно) *чон* ‘душа’, *шӱм* ‘сердце’, *шӱм-чон* ‘сердце, душа’, а также *эл* ‘страна’, *еш* ‘семья’, *ял* ‘деревня’, *мланде* ‘земля, место, местность’, *республик* ‘республика’, *предприятий* ‘предприятие’ и др., способные испытывать какое-либо чувство или состояние, выражать объект наполненности каким-либо чувством или состоянием. Например: ***Чонлан шерге*** *куэран сандалык!* (В. Колумб) ‘**Дорогой душе** березовый край (букв. вселенная)!’; *Мый шарнем садеран Палашнурым,* ***Шӱмлан лишыл*** *пошкудо-влакем* (С. Антропов) ‘Я помню (деревню) Палашнур с садами, **близких сердцу** моих соседей’; ***Эллан неле*** *жапыште кажне кундем шке геройжым шочыкта* (И. Иванов) ‘В **тяжелое для страны** время каждый край

рождает своего героя’; *Руш коклаште илен коштшо,* ***яллан йот*** *марий кенета икана Аганурыш толын лектын* (П. Корнилов) ‘Живущий среди русских, **чужой для деревни** мужчина однажды неожиданно появился в (деревне) Агануре’. Зависимые одушевленные существительные выражают прежде всего человека или иногда их совокупность, изредка животных (*айдеме* ‘человек’, *еҥ* ‘человек’, *марий* ‘мариец’, *шоҥгыеҥ* ‘старый человек, старик’, *икшыве*, *шочшо* ‘ребенок, дитя’, *ава* ‘мать’, *пошкудо* ‘сосед’, *калык* ‘народ’, *лудшо* ‘читатель’, *йорло* ‘бедняк’; *вольык* ‘скот’, *вӱтеле* ‘кулик’ и др.). Например: ***Айдемылан эн шерге*** *– эрык* (С. Чавайн) ‘**Самое дорогое для человека** – свобода’; *Ава –* ***шочшылан эн шерге*** *айдеме* («Ончыко») ‘Мать – **самый дорогой для ребенка** человек’; *Маюкат* ***Элайлан йот*** *еҥ огыл* (А. Юзыкайн) ‘И Маюк **не чужой для Элая** человек’; *Шокшо годым* ***вольыклан эн неле*** *пагыт – кечывал* (А. Юзыкайн) ‘В жару **самое тяжелое для скота** время – полдень’; ***Вӱтельылан шерге*** *шке купшо* (М. Ушакова) ‘**Кулику дорого** свое болото’.

По сравнению с вышерассмотренными семантическими группами здесь выявляется несколько больше словосочетаний с подчиненными местоимениями. В них чаще всего встречаются личные местоимения *тудо* ‘он’ и *нуно* ‘они’, имеются редкие и единичные примеры с определительными *чыла* ‘весь, вся, всё’ и *кажне* ‘каждый’, а также с вопросительным *кӧ* ‘кто’. Например: *Кеч-мом манат гынат, ава – авак. Икшыве* ***тудлан шерге*** (А. Юзыкайн) ‘Что ни скажи, мать есть мать. Ребенок **дорог ей**’; *Вера,* ***тудлан эн лишыл*** *еҥ, улыжат чоштыра кидшым веле шуялтыш* (А. Асаев) ‘Вера, **самый близкий ему** человек, всего лишь протянула свою шершавую руку’; ***Нунылан йот****, марла йоҥгышо почеламутымат тӱткын колыштмышт дене куандарышт* (З. Дудина) ‘Они порадовали тем, что внимательно слушали и **чужое им**, звучащее на марийском (языке) стихотворение’; *Шочмо-кушмо вершӧр* ***чылалан эн лишыл да шерге*** («Марий Эл») ‘Место, где родился и вырос, **самое близкое** и **дорогое для всех**’; *Уламыс мый* ***кажнылан йот*** (А. Иванова) ‘Я являюсь **чужим для каждого**’; *Кӧ мокта Шупашкарым, Самарым,* ***Кӧлан шерге*** *Шем теҥыз* (З. Висвис) ‘Кто-то (букв. кто) восхваляет Чебоксары, Самару, а **кому-то** (букв. **кому**) **дорого** Черное море’.

6. Признак лица, обычно в его наивысшем проявлении, который выделяет его (это лицо) среди других подобных в пределах какой-либо местности (деревни, края, округа, а также района, мира и т.д.) или (реже) в какой-либо группе лиц. Опорный компонент образуют качественные прилагательные типа *мотор* ‘красивый, прекрасный, изящный’, *уста* ‘умелый, искусный, талантливый, способный, ловкий’, *тале* ‘смелый, быстрый, расторопный, бойкий, ловкий, способный, искусный’, *чапле* ‘славный, отличный, прекрасный, лучший’, *поян* ‘богатый, обильный’, а также *нужна* ‘бедный, убогий, скудный’ и др.: *яллан чевер (тан)* ‘в деревне самая красивая (подруга)’, *яллан поян (еш)* ‘в деревне самая богатая (семья)’, *кундемлан уста (кӱслезе)* ‘в округе самый искусный (гусляр)’, *кундемлан тале (сонарзе)* ‘в округе самый

опытный (охотник)', *эллан уста (мурызо)* 'в стране самый талантливый (певец)', *тӱнялан чапле (композитор)* 'лучший в мире (композитор)', *тӱнялан патыр (еҥ)* 'сильнейший в мире (человек)'; *яллан эн сай (каче)* 'в деревне лучший (парень)', *яллан эн шоҥго (кугыза)* 'в деревне самый старый (дед)', *кундемлан эн тале (гармоньчо)* 'самый искусный в округе (гармонист)', *кундемлан эн чапле (каче)* 'самый лучший в округе (парень)', *районлан эн кугу (тӧра)* 'самый большой в районе (начальник)', *республиклан эн виян (совхоз)* 'самый сильный в республике (совхоз)', *тӱнялан эн виян (эл)* 'самая сильная в мире (страна)', *тӱнялан эн лишыл (ял)* 'самая близкая в мире (деревня)'.

Обращает на себя внимание то, что в словосочетаниях данного значения стержневые прилагательные не встречаются в форме сравнительной степени. Очевидно, это объясняется своеобразием грамматического значения словосочетаний – выражением ими, как правило, высшей степени проявления признака предмета (даже независимо от наличия специального показателя) в пределах какой-либо территории или в группе предметов. Поэтому прилагательные в рамках подобных словосочетаний достаточно часто снабжаются маркером превосходной степени *эн* 'самый' (что и отражено в вышеприведенных иллюстративных словосочетаниях). Например: *Шкаланже* ***яллан эн мотор*** *пӧртым ыштен* (И. Караев) 'Построил себе **самый красивый в деревне** дом'; *Вурс шымакшым ты* ***кундемлан Эн уста*** *апшат таптен дыр* (А. Мокеев) 'Стальной шымакш, наверное, выковал **самый искусный в** этой **округе** кузнец'; *Таче туге чучеш, пуйто* ***тӱнялан эн пиалан*** *ӱдыр улам* (А. Петров) 'Сегодня кажется так, как будто я **самая счастливая на свете** девушка'.

Опорные прилагательные проявляют себя в обоих характерных синтаксических функциях – атрибутивной, в т.ч. при именах существительных-сказуемых, и предикативной. Первая, определительная, функция является наиболее распространенной. Например: ***Яллан эн ковыра*** *сурт-печым Коден каят* (М. Ушакова) 'Оставляют (и уезжают) **самое красивое в деревне** хозяйство'; *– Те шкеже,* ***районлан эн кугу*** *начальник, мом ойледа ыле?* (Г. Алексеев) '– Вы сами, **самый большой в районе** начальник, что бы сказали?'; *Чыла* ***мланде шарлан эн кугу*** *марий газетше лач иктак, шкетын веле – «Марий коммуна»* (Ю. Галютин) '**Самая большая на** всем **земном шаре** марийская газета только одна, единственная – «Марий коммуна»'; *Арсен* ***яллан эн тале*** *колызо лийын* («Ончыко») 'Арсен был **самым опытным в деревне** рыбаком'; *Ачамын ачаже (кочам) уло* ***кундемлан*** *пеш* ***мастар*** *коҥга оптышо лийын* («Марий Эл») 'Отец моего отца (мой дедушка) был очень **искусным во** всей **округе** печником'; *– Тый пӱтынь* ***обкомлан эн канга*** *айдеме улат* («Ончыко») '– Ты **самый тощий во** всем **обкоме** человек'. Прилагательные предикативной функции выражают признак предмета-субъекта в его наивысшей форме проявления и могут выступать как в сопровождении модально-временных связующих средств, так и без них: *– Те мемнан олыкнам ужын улыда. Тудо уло* ***районлан эн кугу*** *докан* (М. Иванов) '– Вы видели наш луг. Он, наверное,

самый большой во всем **районе**’; *Нунын тукымышт* ***яллан веле*** *огыл,* ***кундемлан эн поян*** *лийын* (Г. Алексеев) ‘Их род был **самым богатым не** только **в деревне**, но и **в округе**’; *Айдеме,* ***тӱнялан*** *улат тый* ***патыр*** (В. Горохов) ‘Человек, ты **самый сильный в мире**’; *Монументын постаментшымат марий тӱр дене сӧрастараш гын,* ***тӱнялан эн ончыл*** *лиеш дыр* («Марий Эл») ‘Если украсить и постамент монумента марийским узором, то будет, наверное, **самым первым в мире**’.

Зависимый компонент словосочетаний всегда представляется неодушевленными существительными пространственной семантики, такими как: *ял* ‘деревня’ (иногда конкретное название деревни), *кундем* ‘местность, край, округ, страна’ (часто в сопровождении конкретного названия-приложения), *район* ‘район’, *тӱня* ‘мир’. Встречаются отдельные примеры с существительными *республик* ‘республика’, *мланде* ‘земля’, *Европа* ‘Европа’, *школ* ‘школа’, *пӧрт* ‘дом’, *обком* ‘обком’ и др. Например: *Да могай ӱдырым!* ***Яллан,*** *уке, уло* ***тӱнялан эн мотор*** *Пампалчым!* (Г. Алексеев) ‘Да какую девушку! **Самую красивую в деревне,** нет, **во** всем **мире** Пампалче!’; *Мый денем Морко* ***кундемлан эн кугу*** *частный библиотеке, икманаш* (Ю. Галютин) ‘Одним словом, у меня **самая большая** в Моркинском **районе** частная библиотека’; *Поэзийыш ок логал гын, марий* ***мландылан эн тале*** *ученый-математик шочеш улмаш* (Ю. Галютин) ‘Если бы он не попал в поэзию, то стал (букв. родился) бы **самым талантливым на** марийской **земле** ученым-математиком’; *Катя классыште, уке, чумыр* ***школлан эн мотор****!* («Ончыко») ‘Катя в классе, нет, **во** всей **школе самая красивая**’; *Тиде заводысо литейный цех –* ***Европылан эн кугу*** *цех* (С. Чавайн) ‘Литейный цех этого завода – **самый большой в Европе** цех’. Необходимо добавить, что такие подчиненные существительные часто определяются препозиционными синонимичными словами со значением ‘весь, вся, всё’ (о чем свидетельствуют и некоторые вышеприведенные примеры): *уло, пӱтынь, чумыр, чыла*. Например: *Эбат ӱдырым ужо, савырныш:* ***уло Луйлан чевер*** *Салвика шога* (Я. Ялкайн) ‘Эбат увидел девушку, обернулся: стоит **самая красивая во всей** (деревне) **Луй** Салвика’; *Кочамже* ***пӱтынь кундемлан*** *уста апшат семын чапланен* («Марий Эл») ‘А мой дедушка прославился как **искусный во всей округе** кузнец’; *Шонет, Айдеме, тый улат оза?* ***Чыла тӱнялан эн кугу*** *тӧра?!* (А. Петров) ‘Думаешь, Человек, что хозяин ты? **Самый большой на всем свете** начальник?’

Заслуживает внимания то, что в источнике встречаются отдельные подобные примеры словосочетаний с управляемым существительным темпорального значения. В данном случае в зависимой позиции выступают дативные формы существительных, выражающих время: *Тудо* ***жаплан эн кугу*** *опытан, эн шуко книгам лукшо поэтым ӧрдыжкӧ шӱкал коденыт* (Г. Зайниев) ‘(Они) вытолкнули на обочину поэта **с самым большим на** то **время** опытом, издавшего больше всех книг’.

Заключение

Таким образом, изложенная модель адъективных словосочетаний ИС(М)$_{дат.п.}$ + ИП$_{кач.}$ в лугово-восточном литературном языке является достаточно распространенной, о чем свидетельствует и развитая система ее грамматических значений. Как видно, опорный компонент в синтаксических единицах выражается качественными именами прилагательными (иногда по происхождению относительными, но неизменно употребляющимися в значении качественных), а зависимый компонент – дативной формой имен существительных и (изредка) местоимений-существительных. Благодаря широким возможностям лексического наполнения компонентов и грамматической форме управляемой части словосочетания данной модели являются весьма многозначными. Они выражают в речи: признак лица по его внутренней склонности, расположенности, интересу, любви, привязанности, верности, преданности, надежности или (в иных случаях) признак по внутренней неприязни, враждебности, ненависти, недружелюбию; признак лица или иногда другого одушевленного предмета по его способности или отношению, ярко проявляющийся в какой-либо сфере деятельности или по отношению к кому- или чему-либо; признак лица и иногда другого живого предмета, ярко проявляющийся по отношению к какой-либо части их тела и к основной ее составляющей; признак неодушевленного и в иных случаях одушевленного предмета, ярко проявляющийся по отношению к чему- или кому-либо как к объекту наличия в каком-либо (большом или малом, недостаточном) количестве; признак неодушевленного предмета или лица как ценное и близкое, а также тяжелое, страшное, чужое и т.д. для какого-либо объекта (для души, человека, какого-либо неодушевленного предмета); признак лица в его наивысшем проявлении, который выделяет его среди других в пределах какой-либо местности или (иногда) в какой-либо группе лиц. Обращает внимание то, что описываемые словосочетания передают чаще всего признак лица (одушевленного предмета, главным образом человека). Выделенные семантические группы свидетельствуют о том, что сами компоненты словосочетаний находятся в абсолютном большинстве случаев, в наибольшей части значений, в объектных смысловых отношениях, лишь в последнем случае, когда предметный признак раскрывается по особенностям его проявления в пределах какой-либо территории или группы лиц, – в обстоятельственных. Безусловно, опорные прилагательные и зависимые имена дативной формы связываются друг с другом управлением. Для каждой рассмотренной группы характерен в целом свой круг подчиненных имен существительных, правда, в основном из разряда неодушевленных, причем определенных лексических значений; в некоторой части семантических групп могут быть представлены одушевленные существительные, называющие человека (людей) и животных. В зависимой позиции наблюдаются местоимения-существительные личные, указательные, а также отдельные определительные и единично вопросительные; не выявляются управ-

ляемые местоимения в двух семантических группах словосочетаний – обозначающих признак лица или другого одушевленного предмета, который особо ярко проявляется в отношении к части их тела или к основной ее составляющей, и признак лица в его наивысшем проявлении, который выделяет это лицо среди других подобных в пределах какой-либо местности или в какой-либо группе лиц. Стержневое имя прилагательное в словосочетаниях излагаемой модели выступает в речи главным образом в форме положительной степени, но при необходимости (довольно редко) может присоединять к себе суффикс сравнительной степени *-рак* как в его непосредственном сравнительном значении, так и для выражения неполноты проявления признака. Наиболее часто данный суффикс выступает в словосочетаниях, которые обозначают признак лица или иногда другого одушевленного предмета, ярко проявляющийся по отношению к какой-либо части их тела или к основной ее составляющей; он не наблюдается при прилагательных, передающих признак лица в его наивысшем проявлении, который выделяет его среди других таких же в пределах какой-либо местности или в какой-либо группе лиц. Прилагательные большей части семантических групп, в особенности выражающие признак неживого предмета или лица как ценное, близкое или тяжелое, страшное, чужое и т.д. для какого-либо объекта, а также признак лица в его наивысшем проявлении, который выделяет это лицо среди других в какой-либо местности или в какой-либо группе людей, нередко могут принимать и форму превосходной степени. Главные компоненты-прилагательные всех семантических групп выполняют в речи свои характерные синтаксические функции – атрибутивную и предикативную. В первом случае они занимают препозицию по отношению к определяемым именам существительным, в т.ч. являющимся лексической частью именных составных сказуемых, во втором – чаще всего конечное положение в предложении и нередко сопровождаются постпозиционными модально-временными связующими средствами как утвердительной, так и (изредка) отрицательной форм. Как видно, семантическим группам адъективных словосочетаний модели $ИС(М)_{дат.п.} + ИП_{кач.}$ и в целом модели характерны некоторые свои особенности лексического выражения компонентов и формального и функционального употребления в речи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Васикова Л.П. Кызытсе марий йылме. Простой предложений синтаксис: туныктышылан полыш = Современный марийский язык. Синтаксис простого предложения: пособие для учителей. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1987. 144 с.

Васикова Л.П. Сопоставительная грамматика русского и марийского языков. Синтаксис: пособие для учителя. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1990. 152 с.

Мустаев Е.Н. Сопоставительное языкознание. Русский и марийский языки: учеб. пособие для вузов. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2013. 395 с.

Русская грамматика: в 2-х т. / Е.А. Брызгунова, К.В. Габучан, В.А. Цикович и др.; редкол.: Н.Ю. Шведова (гл. ред.) и др. М.: Наука, 1980. Т. 2: Синтаксис. 709 с.

Сибатрова С.С. Марийские адъективные словосочетания с наречиями меры и степени // Этнокультурные традиции и культурно-образовательная деятельность (история и современность): материалы VI Респ. науч.-практ. конф. «Йыван Кырла лудмаш» (п. Сернур, 11 апр. 2019 г.) / отв. ред. Н.С. Попов. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2020. С. 225–236.

Сибатрова С.С. Адъективные словосочетания с местоимениями в марийском языке // II Ӱпымарий лудмаш (II Васильевские чтения): Актуальные проблемы современной компаративистики: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Йошкар-Ола, 9–10 дек. 2022 г.). Йошкар-Ола, 2023а. С. 214–226.

Сибатрова С.С. Марийские словосочетания с отглагольными относительными прилагательными в позиции главного компонента // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. ст. / сост. М.В. Рябинина; под общ. науч. ред. Р.А. Кудрявцевой. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2023б. С. 40–46.

Сибатрова С.С. Об одной структурной модели адъективных словосочетаний в марийском языке // Финно-угроведение. 2023в. № 64. С. 31–42.

Сибатрова С.С. Об одной из моделей марийских адъективных словосочетаний (словосочетания со сравнительной послеложной конструкцией) // Этнический фактор в социокультурном развитии Марийского края: материалы VIII Респ. науч.-практ. конф. «Йыван Кырла лудмаш» (с. Марисола, 14 апр. 2023 г.) / отв. ред. С.К. Свечников. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2023г. С. 106–126.

Современный марийский язык: Морфология / отв. ред. Н.Т. Пенгитов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1961. 324 с.

Тимофеева В.Т. Кызытсе марий йылме. Простой предложений синтаксис: туныктышылан полыш = Современный марийский язык. Синтаксис простого предложения: пособие для учителей. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1989. 120 с.

Тужаров Г.М. Грамматические категории имени существительного в марийском языке. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1987. 142 с.

Учаев З.В. Марий йылме: туныктышо-влаклан = Марийский язык: учителям. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1982. 1-ше ужаш. 184 с.

Учаев З.В. Марий йылме: туныктышо-влаклан = Марийский язык: учителям. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1985. 2-шо ужаш.183 с.

Serafima Sibatrova

MARI ADJECTIVAL WORD COMBINATIONS WITH DATIVE FORM OF NOUNS

Introduction. The article is devoted to Mari adjectival word combinations of the polysemous model represented as N $(Pr)_{Dat}$ + Adj_{Qualit}. The article also deals with the presentation of their components, grammatical connections, semantic relationships and, above all, grammatical meanings between their components. **The aim** of the article is to give a detailed description of the above-mentioned word combinations. **Materials and methods.** The article is written based on the Meadow-Eastern Mari literary language material selected from an electronic corpus of the Mari language (the volume of which is about 20 million words). Word

combinations for the study were identified by searching both reference adjectives and main nouns. When analyzing the selected syntactic units, such widely known linguistic methods as descriptive and structural, as well as semantic and contextual analysis were used. **Research results, discussions.** The grammatical relation in the described word combinations is carried out using the case form (Dative Case ending -lan) of dependent nouns, which, of course, indicates the subordinative relation as governing. As for grammatical meanings, in the vast majority of cases, objective semantic relations are established between the components of word combinations. Adverbial semantic relations are indicated only in cases where phrases express an objective feature at the highest degree of its manifestation within a locality or a group of people. The model of adjectival word combinations $N\ (Pr)_{Dat} + Adj_{Qualit}$ is quite polysemantic – it combines a number of grammatical meanings. **Conclusion.** In the system of Mari adjectival word combinations, a significant place is occupied by syntactic constructions representing the following model $N\ (Pr)_{Dat} + Adj_{Qualit}$ (Noun or pronoun in Dative Case + Qualitative Adjective). They serve to convey very different relations between the objective attribute and the object to which the attribute is directed, as well as the place within which the attribute appears. Semantic groups of the model have some of their own characteristics of lexical expression of components; they are also characterized by formal and functional use in speech.

Key words: the Mari language; adjective word combination; structural model; qualitative adjective; noun; pronoun-noun; dative case; grammatical meaning; functioning in speech.

REFERENCES

Vasikova L.P. Kyzytse marij jylme. Prostoj predlozhenij sintaksis: tunyktyshylan polish [The Modern Mari Language. Simple Sentence Syntax: Teacher's Book]. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1987, 144 p. (In Mari).

Vasikova L.P. Sopostavitel'naja grammatika russkogo i marijskogo jazykov. Sintaksis: posobie dlja uchitelja [Comparative Grammar of the Russian and Mari Languages. Syntax: Teacher's Book]. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1990, 152 p. (In Russian).

Mustaev E.N. Sopostavitel'noe jazykoznanie. Russkij i marijskij jazyki: ucheb. posobie dlja vuzov [Comparative Linguistics. Russian and Mari languages: Work-book for University Students]. Yoshkar-Ola, Marijskij gosudarstvennyj universitet, 2013, 395 p. (In Russian).

Russkaya grammatika: v 2 t. [Russian Grammar: in 2 vol.]. Comp. E.A. Bryzgunova, K.V. Gabuchan, V.A. Tsikovich and others; ed. N.Yu. Shvedova and others. Moscow, Nauka, 1980, vol. 2: Syntax. 709 p. (In Russian).

Sibatrova S.S. Marijskie adjektivnye slovosochetanija s narechijami mery i stepeni [Mari adjectival phrases with adverbs of measure and degree]. Jetnokul'turnye tradicii i kul'turno-obrazovatel'naja dejatel'nost' (istorija i sovremennost'): materialy VI Respublikanskoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Jyvan Kyrla ludmash» [Ethnocultural traditions and cultural and educational activities (history and modernity): materials of the VI Republican scientific and practical conference «Yivan Kyrla readings»]. (p. Sernur, 11 aprel'a 2019 g.). Ed. by N.S. Popov.

Yoshkar-Ola, Marijskij nauchno-issledovatel'skij institut jazyka, literatury i istorii, 2020, pp. 225-236. (In Russian).

Sibatrova S.S. Adjektivnye slovosochetanija s mestoimenijami v marijskom jazyke [Adjectival phrases with pronouns in the Mari language]. II Ӱpymarij ludmash (II Vasil'evskie chtenija): Aktual'nye problemy sovremennoj komparativistiki»: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem [The 2-nd Vasiliev readings: Actual problems of modern comparative studies: materials of the All-Russian Scientific and Practical conference with the International participation]. (Yoshkar-Ola, 9–10 dekabr'a 2022 g.). Yoshkar-Ola, 2023a, pp. 214-226. (In Russian).

Sibatrova S.S. Marijskie slovosochetanija s otglagol'nymi otnositel'nymi prilagatel'nymi v pozicii glavnogo komponenta [Mari phrases with verbal relative adjectives in the position of the main component]. Problemy marijskoj i sravnitel'noj filologii: sb. st. [Problems of Mari and comparative philology: collection of articles]. Comp. bu M.V. Rjabinina; ed. by. R.A. Kudrjavceva. Yoshkar-Ola, Marijskij gosudarstvennyj universitet, 2023b, pp. 40-46. (In Russian).

Sibatrova S.S. Ob odnoj strukturnoj modeli adjektivnyh slovosochetanij v marijskom jazyke [On a structural model of adjectival phrases in the Mari language]. Finno-ugrovedenie [Finno-ugric studies]. 2023v, no. 64, pp. 31-42. (In Russian).

Sibatrova S.S. Ob odnoj iz modelej marijskih adjektivnyh slovosochetanij (slovosochetanija so sravnitel'noj poslelozhnoj konstrukciej) [About one of the models of Mari adjectival phrases (phrases with a comparative postpositional construction)]. Jetnicheskij faktor v sociokul'turnom razvitii Marijskogo kraja: materialy VIII Respublikanskoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Jyvan Kyrla ludmash» [The ethnic factor in the socio-cultural development of the Mari Region: materials of the VIII Republican scientific and practical conference «Yivan Kyrla readings»]. (s. Marisola, 14 aprel'a 2023 g.). Ed. by S.K. Svechnikov. Yoshkar-Ola, Marijskij nauchno-issledovatel'skij institut jazyka, literatury i istorii, 2023g, pp. 106-126. (In Russian).

Sovremennyj marijskij jazyk. Morfologija [The Modern Mari Language: Morphology]. Ed. N.T. Pengitov. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1961, 324 p. (In Russian).

Timofeeva V.T. Kyzytse marij jylme. Prostoj predlozhenij sintaksis: tunyktyshylan polish [The Modern Mari Language. Simple Sentence Syntax: Teacher's Book]. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1989, 120 p. (In Mari).

Tuzharov G.M. Grammaticheskie kategorii imeni sushhestvitel'nogo v marijskom jazyke [Grammatical Categories of the Noun in the Mari Language]. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1987, 142 p. (In Russian).

Uchaev Z.V. Marij jylme: tunyktysho-vlaklan. 1-she uzhash [The Mari Language: for Teachers. P. 1]. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1982, 184 p. (In Mari).

Uchaev Z.V. Marij jylme: tunyktysho-vlaklan. 2-sho uzhash [The Mari Language: for Teachers. P. 2]. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1985, 183 p. (In Mari).

Сибатрова Серафима Сергеевна
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: simasibatrova802@rambler.ru

Serafima Sibatrova
Candidate of Philological Sciences,
Senior Researcher
of Vasilyev Mari Research Institute
of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: simasibatrova802@rambler.ru

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 821.511.132.0
DOI 10.51254/2312-0312-2024-2-66-40-49

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР В.В. ЮХНИНА: МОДЕЛИРОВАНИЕ СМЫСЛОВ И РАЗВИТИЕ ФИЛОСОФИИ ПРИРОДЫ В РОМАНАХ «АЛАЯ ЛЕНТА», «ОГНИ ТУНДРЫ»[1]

© 2024 г. О.С. Зиявадинова

Введение. Взаимоотношения человека и природы – одна из важнейших проблем XX века. В литературе она отражается в постановке философских, социально-нравственных, эстетических проблем, в поиске средств и способов художественного изображения природы. Значительная роль отводится теме природы в художественной концепции первого коми романиста В.В. Юхнина, в творчестве которого она интенсивно развивалась, обогащаясь новыми идеями и художественными открытиями. Произведения автора, посвященные концептуальным проблемам современности – состоянию природной среды, отношению к ней человека, укладу жизни и связанной с ним ментальности северного человека, составляют неотъемлемую часть литературного процесса XX столетия и представляют большой интерес для исследователей [Зиявадинова, 2021, с. 4]. **Цель статьи** – выявление специфики изучения философии природы в художественном мире В.В. Юхнина на пересечении с историческими, культурными и образными рядами художественного произведения, определяющимися литературно-культурным этикетом эпохи, воплощаемым в индивидуальных авторских стратегиях, закономерностями, обусловленными эпохой, направлением, индивидуальным стилем писателя. **Материалы и методы.** Материалом послужили прозаические произведения В. Юхнина. Методы: историко-литературный, сопоставительный, типологический, на основе которых дается идейно-художественный анализ произведений, выявляются связи литературы с фольклором, философией, позволяющие раскрыть идейно-эстетическое своеобразие литературы с культурой XX века в целом.

[1] Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН: «Коми литература: особенности художественного воссоздания картины мира».

Результаты исследования, обсуждения. В художественном мире В.В. Юхнина, который мы понимаем как эстетическую цельность, с единой системой философских и этических идей, образ природы существует как персонаж с достоверными чертами характера и судьбы. Он многозначен, разветвлен, составлен из множества эпизодических «лиц», переживающих драмы и стремящихся к естественной гармонии. Автор обогатил коми литературу обширным включением темы природы, понимающей естественный мир мощной материей жизни, дающей возможность показать личность в многосторонней соотнесенности с окружающей средой. **Заключение.** Особенности мировоззрения и мировосприятия первого коми романиста В.В. Юхнина во многом определяются направлением развития философии природы, которая становится одним из важнейших элементов его концепции мира и человека. Описание природы – общая и важнейшая черта его поэтики, складываясь в систему, она обусловливает эстетическое и философское единство произведений, отражает логику его творческой эволюции. Идея натурфилософии о целостности и гармонии природы и человека, их отношения друг с другом, соотносящиеся с народной философией и этикой, являются организующими в поэтике природоописаний автора.

Ключевые слова: В. Юхнин; человек и природа; коми проза; национальный характер; уклад жизни; традиции; географический детерминизм.

Введение

В романах «Алая лента», «Огни тундры» В. Юхнина проблема взаимоотношений человека и природы становится не только ведущей, но и подчиняет себе художественную концепцию в целом, определяя философию произведения, особенности структуры и моделирования мотивно-образной системы. Осмысление развития темы взаимоотношений природы и человека, поэтико-стилистической специфики текстов открывает широкие возможности для понимания общих тенденций в эволюции словесного искусства Республики Коми. Одним из устойчивых символов нравственной и духовной жизнестойкости коренных этносов севера является уникальное интеллектуальное наследие, создавшее целостные картины мира, выражающие неразрывную связь коренных народов с силами исконной земли, признание первичности ценности природы перед социумом. Философское воплощение природы в коми литературе воспринимается как факт культуры, выступает как смысловая матрица культуры и ее базовая универсалия.

Целью статьи является рассмотрение основных мировоззренческих аспектов воплощения темы природы и человека: комплекс философских, социальных, экологических, эстетических идей, принципы их художественного изображения.

Материалы и методы

Исследование строится на анализе романов «Алая лента», «Огни тундры» В.В. Юхнина. В качестве методов исследования использованы историко-литературный, сопоставительный, типологический методы, на основе которых дается идейно-художественный анализ произведений, выявляются связи литературы с фольклором, философией, позволяющие раскрыть идейно-эстетическое своеобразие литературы с культурой XX века в целом.

Результаты исследования, обсуждения

Содержательно-смысловой потенциал воплощения темы природы является ключевым в мотивно-сюжетном комплексе текстов первого коми романиста В.В. Юхнина, создающего в своих пейзажах свою картину мира. Интерпретация произведений автора с точки зрения их интегративности (актуализация совокупности философской составляющей пейзажа как характерного явления изображения природной среды, выражающееся в совокупности различных аспектов натурфилософии, философских мотивов о вселенском равновесии, о диалектическом развитии мироздания, о влиянии природы на национальный характер и национальные эстетические представления) позволяет осветить широкий спектр (природный, культурологический и литературоведческий) анализа текстов.

Характеризуя общественное и художественное сознание XIX – начала XX века в России, Л.В. Гурленова [1998], Т.Я. Гринфельд-Зингурс [2017], Н.В. Кожуховская [1995] выделяют особую роль природы, оказавшей мощное влияние на развитие и формирование идейно-эстетического идеала. Пейзаж как самостоятельный жанр появляется в русской литературе во второй трети XIX века, изображение природы не претендовало на самостоятельность, использовалось чаще всего в роли фона, обычно обобщенно-условного, выступало лишь в виде знака наличия внешней среды. Но даже в такой своей роли изображения природы не были лишены философской проблематики, глубокого философского смысла.

В середине XIX века стало широко внедряться в различные отрасли русской культуры и науки понятие «чувство природы». В различных исследованиях оно широко проецировалось на историю искусства и мировосприятие художника, в определенной степени стало побудительным мотивом для развития художественной натурфилософии. К концу XIX века пейзажи крупных художников трудно было представить без включения в них философской проблематики.

В первом коми романе «Алӧй лента» («Алая лента», 1939) В.В. Юхнина как одна из ведущих поднимается тема взаимоотношений человека и природы. Произведение было опубликовано в журнале «Ударник», в 1941 году вышло отдельным изданием. В нем описаны события дореволюционного периода, картины жизни, быта, нравов, культуры коми народа, показан истинный коми крестьянин с его национальным характером. В. Юхнин дает поэтичное

описание села Важгорт, в котором происходит действие романа: «Село Важгорт протянулось длинной цепочкой по вершине пологого косогора, обращенного на юг. Внизу величаво несла свои воды судоходная река, дугообразная пойма которой плавно огибала косогор. Тому, кто смотрел на село с противоположного берега, дома казались нанизанными на одну нитку бусами, окаймляющими поля, что раскинулись по склону. Бусинки были разные: одни мелкие и серенькие, другие покрупнее и посветлее, третьи еще крупнее, крашеные – белые и желтые, а посредине сверкала самая большая бусина – церковь с куполом и колокольней…» [Юхнин, 1968, с. 48].

Действие произведения происходит между революцией 1905 года и Первой мировой войной. Для романа характерно многообразие тем и идей: «В “Алой ленте” отображаются события дореволюционного периода, причем преимущественно быта и нравов коми крестьян-охотников. Основная идея произведения – рост национального самосознания народа» [Личный фонд Юхнина, с. 26]. Кроме того, автор осмысляет тему человек и эпоха, человек и земля, их взаимоотношения, раскрывает нравственные черты, этикет, обычаи коми охотников. Две главные сюжетные линии в романе охватывают значительный круг событий, пересекаются друг с другом, дополняют друг друга. Действие в произведении происходит на лесных просторах севера, где шумят могучие леса, текут чистые реки. Одна из основных идей в романе – идея влияния на человека природно-климатических условий его жизни. О географическом детерминизме, который предполагает обусловленность национального характера географо-климатическими условиями, писали русские ученые и писатели (Н. Карамзин, В. Белинский, Н. Гоголь), коми ученый К. Жаков, социолог П. Сорокин, в контексте названной идеи многие коми авторы, в том числе и В. Юхнин, признавали зависимость характера северного человека от погодных условий, от ландшафта местности. В трудах об обусловленности особенностей национальной литературы своеобразием создающего его народа Г.Д. Гачев утверждает, что всякая национальная целостность есть единство местной природы (Космос), характера народа (Психология), склада мышления (Логос): первое очевидное, что определяет лицо народа – это природа, среди которой он вырастает и совершает свою историю… Здесь коренится и образный арсенал национальной культуры (архетипы, символы), метафорика литературы, сюжеты искусства – все весьма стабильные. [Гачев, 1998, с. 12, 27–28], любой уклад жизни, культура, традиции, национальный характер берут свое начало из условий существования, то есть от окружающей среды.

Герой романа Степан Ошлапов (в первой редакции Эбӧсов) – лесной человек, отлично знающий природу, лучший охотник села Важгорт, с богатым охотничьим опытом, живущий в согласии и гармонии с природой, ее законами; суровая тайга знакома ему с детства, вся его жизнь была связана с ней, он органично включен в природу и не выходит за рамки выработанного веками

правила жизни: природа и человек являются одним целым. Степан изучил повадки, особенности лесных обитателей: рябчика, глухаря, тетерева, зайца, лисы, медведя. Коми охотник понимает язык тайги, ему присуще представление о земле, лесе как живом организме, обеспечивающем жизнь. Сыновья Степана, Илья и Михаил, подобно отцу, хорошие охотники: Михаил с одного выстрела сбивает белку, Илья один на один идет на медведя. Жизнь главных героев романа связана с коми пармой, тайгой, они учатся понимать язык леса, стремятся познать жизнь лесных обитателей. «Пейзаж в сочетании с этнографическими подробностями сообщает произведению эпическую полноту, социальную и психологическую насыщенность образов» [История коми литературы, 1981, с. 62]. Тема охоты входит в роман вместе с обращением к природе, к крестьянскому быту как фундаментальным опорам национального мировосознания; в произведении присутствует поэтическое отношение к природе и страсть к охоте, которая воплощена как возможность общения с природой, возможность чувствовать ее дыхание, находиться в единении с нею.

В произведении много описаний природы, в которых ощущается эмоциональная насыщенность и лиризм, роман начинается с картины весеннего обновления, пробуждения окружающего мира. Первое поэтическое описание пармы изображается, когда Илья и Михаил, молодые охотники, один на один остаются с тайгой. Писатель рисует своих любимых героев на лоне природы. Автор дает панорамное изображение леса, выбирает наиболее характерные детали в облике пармы, при этом манера повествования – в использовании сравнений, эпитетов, которые создают своеобразный «эффект присутствия», зарисовки с натуры: «Бор был удивительно красив. В тех местах, где его еще не коснулся топор, сосны стояли прямые, как свечи, и густо, что твоя конопля… Взглянешь туда – шапка падает… Утренний свет, идущий от снега, и синеватый, гулкий воздух наполняли сердце бодростью. Игра оттенков радовала глаз – тут краснеет кора, там зеленеет хвоя, на которой ватой висят клочья снега…» [Юхнин, 1968, с. 393]; «Лес точно дремал. Прозрачный воздух казался уснувшим. Шаги их гулко раздавались в тишине. Где-то вдалеке горели кумачом гроздья рябины. Из ельника доносились голоса клестов, то и дело с шумом взлетали испуганные тетерки и рябчики…» [Юхнин, 1968, с. 58].

Актуальным является также социальный аспект в изображении естественной среды, в которой проходит жизнь человека. Достаток семьи коми крестьянина напрямую зависит от погодных условий: в благоприятный год охотники-промысловики не хотят ехать в Сибирь, на Урал, в неурожайный год отправляются на заработки. Купец Бикмедов отмечает, что в промысловый год нет народа хитрее, чем на Вычегде, разборчивее, чем на Вишере, в такой год, как правило, коми-охотники-промысловики неохотно едут в Сибирь. В романе автор дает широкое изображение социальной среды, связанной с природой,

окружающим его миром. Человек и природа в единоборстве, в единстве, в различных отношениях – все это важно для писателя.

Василий Юхнин выступает активным защитником коми пармы, он относится к лесу как к богатству, который необходимо беречь и приумножать, с этой целью автор вводит в главу «Против течения» две контрастные картины. Первая представляет собой описание удивительно красивого бора, которого еще не коснулся топор, вторая – описание поваленных отборных сосен, которые падали на молодняк, уничтожая его: «Повсюду была одна и та же картина: валили только отборные сосны, испоганив остальной лес… Особенно страдал молодняк, на который валили большие деревья. Скованные морозом, с хрупкими, точно ледяными ветвями, негнущиеся стволы не выдерживали нагрузки… повсюду торчали расщепленные пни. Сосновый бор, радовавший когда-то глаз человека своей стройностью и сказочной красотой, походил теперь на кладбище. Было больно не оттого, что тут работали и нарушили красоту девственности. Нет, Илья не мог примириться с таким бессовестным истреблением природных богатств. Побывав на Урале, он понял, что лес представляет собой огромную ценность, на которую трудовой народ имеет равные права с Власием Сирвойтовым, Карпом Пипуныровым и их компаньонами…» [Юхнин, 1968, с. 396].

Василий Юхнин повествует о том, как в Важгорт прибывает представитель англо-русско-коми лесопромышленной компании. Специалисты дают этому лесу наивысшую оценку, открывая, таким образом, лесопромышленной компании возможность завоевать на мировом рынке славу поставщика леса отличного качества. Автор говорит о богатстве коми – пушнине и дичи; шкурках белок, зайцев, горностаев, белого песца, куницы, соболи, выдры, норки, медвежьих и рысьих шкурах, – чем богаты воды и леса здешнего края, в конечном счете оказывались в руках скупщиков, которые грабили коми охотников. Автор показывает, как герои романа начинают постепенно задумываться о сохранении родной пармы и встают на ее защиту, Илья Ошлапов уже по-другому смотрит на изуродованный лес. В образе чудовища, которое безжалостно губит живое, которому совершенно безразлично, гибнет лес или нет, предстает лесопромышленная компания, в конце концов герои начинают протест против местных и иностранных лесопромышленников.

Роман «Тундраса бияс» («Огни тундры», 1942) В.В. Юхнина, начатый в 1942 году и завершенный к концу жизни писателя, основан на реальных событиях – строительстве Заполярного угольного бассейна. В безлюдной тундре строится новый промышленный объект. Первая часть романа издана на русском языке в 1950 году, в 1952 году – на словацком. В нем развернуто панорамное повествование об освоении богатств севера, о людях, преобразующих суровый, таежный, непроходимый край вечной мерзлоты. Роман масштабен, многопроблемен, в нем переплетаются несколько сюжетно-тематических

линий: изменение жизни села Кырйыв, оленеводческого колхоза, тема трудового героизма, кроме того, автор осмысляет в произведении и проблему взаимоотношений человека и окружающей среды: создает образ человека-преобразователя, по-новому обустраивающего землю. В условиях лютого холода, долгой полярной ночи строятся шахты, возводятся постройки, которые природа в считанные минуты разрушает, автор рисует картину сопротивления, бунта природы против вмешательства в нее человека. А.Н. Федорова, анализируя данное произведение, отметила, что огромное строительство всколыхнуло не только окружающую среду, но прежде всего изменило судьбы людей [Коми советские писатели, 1968, с. 229]. В. Юхнин изображает спокойную, размеренную, издавна установившуюся жизнь охотников и оленеводов далекого северного села: «Зимой они охотились, пасли свои стада в родной тундре, знакомой и близкой с рождения, летом отгоняли их на побережье Карского моря. Осенью снова возвращались домой» [Коми советские писатели, 1968, с. 230]. Смысл жизни старый Павел Ламбей, пастух-оленевод видел в кочевании по тундре с чужими стадами. Он жил надеждой завести собственных оленей и передать их единственному сыну, избавив его тем самым от бедности. Ламбей старший вырос в тундре, знает повадки птиц, зверей, быт оленеводов, тундра для него – родной дом, поэтому он воспринимает грядущие перемены как трагедию. Огни, загоревшиеся в тундре, изменили всю жизнь вокруг. Андрей, сын уважаемого всеми пастуха-оленевода, уезжает с экспедицией. Отец возвращает его обратно в село, но ненадолго, спустя какое-то время Павел Ламбей пересматривает свои взгляды и отпускает сына в Воркуту, где его ждет интересная работа, любимая девушка, друзья-энтузиасты, которых манит романтика неизведанных мест, нехоженых троп. Роман лиричен, особенно это касается описаний природы. Автор рисует красочную, зрелищную картину северного сияния; любуется бескрайними просторами тундры, описывает северные реки, перед читателем предстают урбанистические пейзажи (описание зимней ночной Воркуты).

Роман «Тундраса бияс» В.В. Юхнина отличается эпической широтой охвата жизни, в котором поднят новый пласт в художественном исследовании истории коми народа – промышленного освоения Севера. Творчество коми автора – целая эпоха в развитии коми литературы, в которой отражены жизнь и быт коми народа до революции, социалистическое переустройство общества; по широте охвата материала, по проблематике романы писателя представляют высокохудожественные произведения коми литературы [Коми советские писатели, 1968, с. 208].

Заключение

Романы «Алӧй лента», «Тундраса бияс» В.В. Юхнина представляют художественное исследование уклада народной жизни: хозяйственных занятий, социальных отношений, культуры, отношений к естественной среде, его

зависимости от ландшафтно-климатических условий проживания. Коми писатель, воплотивший в своих произведениях тему взаимоотношений человека и окружающего мира, развития закономерностей природной жизни, обращается к осмыслению социально-философской, экологической проблематики, которую рассматривает в тесной связи с духовной жизнью человека. Особое место в художественном мире автора отведено психолого-этнографическому аспекту, раскрытию особых охотничьих секретов, природных примет, передающихся от дедов и отцов), экологическому, социальному.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Зиявадинова О.С. Художественное воплощение темы природы в коми литературе. Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2021. 104 с.

Гачев Г.Д. Национальные образы мира: Курс лекций. М.: Академия, 1998. 245 с.

Гринфельд-Зингурс Т.Я. М. Пришвин и природа. К развитию пейзажа в русской прозе XX века: моногр. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2017. 332 с

Гурленова Л.В. Чувство природы в русской прозе 1920–1930-х годов. Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, 1998. 179 с.

История коми литературы. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1981. Т. 3. 432 с

Кожуховская Н.В. Эволюция чувства природы в русской прозе XIX века. Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, 1995. 145 с.

Коми советские писатели. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1968. 516 с

Личный фонд Юхнина В.В. // Национальный архив Республики Коми. Ф. 1353. Оп. 1. Ед. хр. 4. С. 26.

Юхнин В.В. Алая лента. Роман. [Пер. с коми А. Дмитриевой и авт.]. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1968. 439 с.

Olga Ziyavadinova

ARTISTIC WORLD OF V.V. YUKHNIN: MODELING MEANINGS AND DEVELOPMENT OF PHILOSOPHY OF NATURE IN THE NOVELS ‘SCARLET RIBBON’, ‘TUNDRA FIRE’)

Introduction. The relationship between a man and nature is one of the most important problems of the 20th century. In literature, it is reflected in the formulation of philosophical, social and moral, aesthetic problems, in the search for means and methods of artistic depiction of nature. A significant role is given to the theme of nature in the artistic concept of the first Komi novelist V.V. Yukhnin. In his work it was intensively developed, enriched with new ideas and artistic discoveries. The author's works devoted to the conceptual problems of modernity – the state of the natural environment, the attitude of a man towards it, the way of life and the associated

mentality of the northern man, form an integral part of the literary process of the twentieth century and are of great interest to researchers [Ziyavadinova, 2021, p. 4]. **The purpose of the article** is to identify the specifics of studying the philosophy of nature in the artistic world of V.V. Yukhnin at the intersection with the historical, cultural and figurative series of a work of art, determined by the literary and cultural etiquette of the era, embodied in individual author's strategies, patterns determined by the era, direction, and individual style of the writer.

Materials and methods. The material was the prose works of V. Yukhnin. **Methods:** historical and literary, comparative, typological, on the basis of which an ideological and artistic analysis of works is given, the connections of literature with folklore, philosophy are revealed, allowing to reveal the ideological and aesthetic originality of literature with the culture of the twentieth century as a whole. **Research results, discussions.** In the artistic world of V.V. Yukhnin, which we understand as an aesthetic integrity, with a single system of philosophical and ethical ideas, the image of nature exists as a character with authentic traits of character and destiny. It is ambiguous, branched, made up of many episodic 'faces' experiencing drama and striving for natural harmony. The author enriched the Komi literature with an extensive inclusion of the theme of nature, understanding the natural world with the powerful matter of life, which makes it possible to show a person in a multifaceted relationship with the environment. **Conclusion.** The peculiarities of the worldview of the first Komi novelist V.V. Yukhnin are largely determined by the direction of development of the philosophy of nature, which becomes one of the most important elements of his concept of the world and a man. Descriptions of nature are a common and most important feature of his poetics, forming a system, they determine the aesthetic and philosophical unity of his works, reflect the logic of his creative evolution. The idea of natural philosophy about the integrity and harmony of nature and a man, their relations with each other, correlated with folk philosophy and ethics, are organizing in the poetics of the author's natural descriptions.

Key words: V. Yukhnin; a man and nature; Komi prose; national character; way of life; traditions; geographical determinism.

REFERENCES

Zijavadinova O.S. Hudozhestvennoe voploshhenie temy prirody v komi literature [The Artistic Embodiment of the Theme of Nature in Komi Literature]. Syktyvkar, Institut jazyka, literatury i istorii Komi nauchnogo centra Ural'skogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk, 2021, 104 p. (In Russian).

Gachev G.D. Nacional'nye obrazy mira: Kurs lekcij [National Images of the World: A Course of Lectures]. Moskow, Akademija, 1998, 245 p. (In Russian).

Grinfel'd-Zingurs T.Ja. M. Prishvin i priroda. K razvitiju pejzazha v russkoj proze XX veka: monogr. [M. Prishvin and Nature. Towards the Development of Landscape in Russian Prose

of the 20th Century: Monograph]. Saint Petersburg, Leningradskij gosudarstvennyj universitet imeni A.S. Pushkina, 2017, 332 p. (In Russian).

Gurlenova L.V. Chuvstvo prirody v russkoj proze 1920-1930-h godov [The Feeling of Nature in Russian Prose of the 1920s-1930s]. Syktyvkar, Syktyvkarskij universitet, 1998, 179 p. (In Russian).

Istorija komi literatury [The History of Komi Literature]. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel'stvo. Vol. 3. 1981, 432 p. (In Russian).

Kozhuhovskaja N.V. Jevoljucija chuvstva prirody v russkoj proze XIX veka. [Evolution of the Feeling of Nature in Russian Prose of the 19th century]. Syktyvkar, Syktyvkarskij universitet, 1995, 145 p. (In Russian).

Komi sovetskie pisateli [Komi Soviet Writers]. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1968, 516 p. (In Russian).

Lichnyj fond Juhnina V.V. Nacional'nyj arhiv Respubliki Komi. F. 1353. Description 1. Ed. hr. 4. P. 26.

Juhnin V.V. Alaja lenta [Scarlet Ribbon]. Roman [Per. s komi A. Dmitrievoj i avt]. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1968, 439 p. Juhnin V.V. Alaja lenta. Roman [Per. s komi A. Dmitrievoj i avt]. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1968, 439 p.

Зиявадинова Ольга Сайфидиновна
кандидат филологических наук,
научный сотрудник Института языка,
литературы и истории
Коми научного центра УрО РАН,
г. Сыктывкар
olgazijav@mail.ru

Olga Ziyavadinova
Candidate of Philological Sciences,
Researcher
of the Institute of Language,
Literature and History of the Komi
Scientific Center, Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences
Syktyvkar
olgazijav@mail.ru

УДК 821.511.132.0
DOI 10.51254/2312-0312-2024-2-66-50-64

ЛИРИКА И.А. КУРАТОВА: К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТНЫХ ФОРМАХ ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОГО СОЗНАНИЯ[1]

© 2024 г. Л.Е. Сурнина

Введение. Имя Ивана Алексеевича Куратова сегодня известно не только в Коми Республике, но и за ее пределами. Можно считать общепризнанным мнение об особом феномене лирики коми поэта, которая явилась началом и одновременно эстетической вершиной коми литературы и вместе с этим выдающимся и уникальным явлением в культуре финно-угорских народов России. **Цель статьи** – обосновать применимость субъектного анализа к творчеству И. Куратова. **Материалы и методы.** Материалом послужили произведения крестьянского цикла И. Куратова и литературоведческие работы куратоведов. Автор статьи опирается на методику изучения автора в лирическом произведении, разработанную Б.О. Корманом. **Результаты исследования, обсуждения.** Лирика И.А. Куратова – поэта XIX века, ориентированная на освоившую к тому времени полисубъектные формы реалистическую русскую и мировую поэзию, многосубъектна. Она содержит разные способы выражения авторского сознания: лирический герой, собственно автор, автор-повествователь, герой ролевой лирики. Освоение И. Куратовым разнообразных субъектных форм связано с расширением проблемно-тематического содержания и персонажного состава коми словесности. **Заключение.** Исследование стихотворений И.А. Куратова, в частности крестьянского цикла его произведений, в аспекте субъектных форм выражения авторского сознания, по нашему мнению, дает возможность не только уточнить и обновить научные представления об идейно-художественном содержании его поэзии, раскрыть индивидуальную авторскую систему, но и показать состояние коми литературы 1850–1870-х годов.

Ключевые слова: коми поэзия XIX века; И. Куратов; куратоведение; крестьянский цикл; субъектный строй.

* Работа выполнена в рамках плановой темы НИР «Коми литература: особенности художественного воссоздания картины мира» (FUUU-2022-0090).

Введение

Иван Алексеевич Куратов (1839–1875) – коми поэт, просветитель, ученый-лингвист, переводчик. Сегодня можно считать общепризнанным мнение об особом феномене лирики И. Куратова, которая явилась началом и одновременно эстетической вершиной коми литературы и вместе с этим выдающимся и уникальным явлением в культуре финно-угорских народов России. Творчество И. Куратова как знаковое явление фиксируется фактически во всех сравнительно-типологических исследованиях, посвященных проблемам возникновения письменных форм художественного слова у финно-угров. Так, известный исследователь удмуртской литературы В.М. Ванюшев видит роль И. Куратова не только в значительном ускорении развития коми письменности и литературы, но и в тех перспективах, которые творчество коми поэта открыло для других родственных народов: «С появлением Куратова происходит резкий скачок в литературно-художественном развитии народов и формируется приоритет их движения в сторону реалистического и многоаспектного отображения жизни» [Ванюшев, 1991, с. 56]. Позицию В.М. Ванюшева поддерживает и развивает П. Домокош в труде о формировании литератур уральских народов. Венгерский ученый выделяет в качестве отличительной черты коми поэзии ее «значительное прошлое» и связывает его с именем И. Куратова, чей талант остается «непревзойденным и имеющим мировое значение» [Домокош, 1993, с. 165].

Цель статьи – обосновать применимость субъектного анализа к творчеству И. Куратова.

Материалы и методы

Материалом послужили произведения крестьянского цикла И. Куратова и литературоведческие работы куратоведов. Автор статьи опирается на методику изучения автора в лирическом произведении, разработанную Б.О. Корманом, принципы и формы анализа авторской позиции, определенные ученым и его последователями.

Результаты исследования, обсуждения

Иван Куратов был для своего времени глубоко образованным человеком. Из Вологодской семинарии (закончил в 1861 году) он вынес прочные знания греческого, латинского, немецкого и французского языков и был широко осведомлен в лингвистических вопросах. Много сил им было отдано сбору материалов для толкового словаря и написанию грамматики коми языка. И.А. Куратов интересовался мировой литературой, переводил на коми язык стихотворения западноевропейских и восточных поэтов, суры из Корана. Как справедливо отмечает В.Н. Дёмин, образ мира в поэзии И. Куратова формировался под влиянием достижений отечественной и мировой художественно-философской мысли [Дёмин, 1999б, с. 27]. Другим не менее важным фактором формирования поэтического мира И. Куратова служили

изменения, которые претерпевала русская литература в пореформенный период 1860-х годов. С середины XIX века наблюдается активное становление реалистического направления, которое создается на фоне напряженной социально-политической обстановки: отмена крепостного права и последовавшие за ней реформы, возникновение революционного народничества. В этот период писатели ставят в своем творчестве новый для того времени вопрос – об освобождении народа, жизнь которого исследуется как одна из общечеловеческих ценностей [Скатов, 1982, с. 388]. Одновременно происходит демократизация литературы, которая выражается как в обновлении социального состава писательских рядов, так и в расширении социальных границ изображаемого мира. Поставив в центр внимания собственные переживания поэта-разночинца, И. Куратов в своем творчестве созвучен отечественной литературе своего времени.

В рукописях И.А. Куратова сохранилось более двадцати произведений, связанных между собой тематически и составляющих крестьянский цикл: «*Гӧль зон*» («Парень-бедняк»), «*Тима, дерт нин, пӧрысь*» («Тима, конечно же, стар»), «*Пӧрысь морт*» («Старик»), «*Пӧч*» («Старуха»), «*Муса ныланӧй, мича аканьӧй*» («Милая девушка, красивая куколка»), «*Синтӧм пӧльӧ*» («Слепой старик»), «*Том ныв*» («Молодая девица»), «*Том зон*» («Молодец»), «*Коми бал*», «*Грездса ныв карса баринлы*» («Деревенская девушка городскому барину»), «*Закар ордын*» («У Захара»), «*Кулӧм том мортлӧн*» («Смерть молодого человека»), «*Гӧстькӧд*» («С гостем»), «*Пӧрысь олӧм*» («Жизнь старика»), «*Корысь*» («Нищий») и др. Большинство из названных стихотворений повествует о судьбе одного героя:

Тима бызгас-бызгас,
А кор мыйкӧ вашкас,
Серамӧн зон брызгас.
Ачыс сӧмын кашкас.
Ныв кӧ сэтi мунас,
Воськов регыд содтас,
Асьсӧ, югыдлунӧс,
Быдсӧ яндзим сотас

[Куратов, 1979, с. 47]
Тима болтает без умолку,
А когда что-нибудь прошепчет,
Молодежь смехом брызнет.
А сам лишь запыхтит.
Если девушка пройдет мимо,
Шаг быстро ускорит,
Ее, светлоликую,
Смущенье обжигает.

(Здесь и далее подстрочный перевод стихотворений И. Куратова на русский язык выполнен автором статьи. – *Л.С.*).

Вместе с тем крестьянский цикл И. Куратова – это не только своеобразная «галерея» народных типов, но и способ освоения молодой литературой народной речи, народного сознания:

Ен мем сетӧм	Бог дал мне
Йӧр тыр петӧм	Целый огород
Петшӧр…	Крапивы…
Пыр ме юӧм,	Я всегда выпивший,
Пыр сур пуӧм!	Пива много!
Сурӧй паськыд ю тыр…	Пива моего полно в широкой реке…
Шыд быд рачын	Во всех домах (букв.: котлах) щи
Дасьтӧны мем…	Готовят мне…
Абу эзысь,	Меньше серебра,
Рамджык йӧзысь.	Больше скромности.
Юрси гӧгляссьӧма,	Волосы завились,
Ныв лы мусаммӧма!	Девушке полюбились!

[Куратов, 1979, с. 45]

С нашей точки зрения, названные произведения обладают чрезвычайной важностью как в пределах изучения персонажного мира И. Куратова, так и в более широком историко-литературном плане – как материал, воплотивший характерные черты коми поэзии на этапе ее становления.

Следует отметить, что основная часть перечисленных выше произведений рассматривалась в аспекте социального положения героев. Такая модель творчества поэта, впервые подавшего голос против бесправия и нищеты своего народа, появилась в работах куратоведов в 1930-е годы, в период подготовки собрания его сочинений к изданию [Оботуров, 1932; Доронин, 1939а; Доронин, 1939б], и получила развитие в послевоенное десятилетие в работах А.Н. Федоровой [1960], А.К. Микушева [1961], затем была поддержана В.И. Мартыновым [1988; 1989] в его исследованиях о взаимосвязанном развитии коми и русской литератур и оставалась доминирующей вплоть до перестроечных лет. Переломной в изучении стихотворений крестьянской темы можно считать книгу Н.В. Вулих «Поэзия добра и света. Лирика И.А. Куратова и некрасовская школа» [1994], в которой на первый план исследовательского внимания выходит нравственный портрет сельского жителя-труженика, олицетворяющего собой лучшие черты родного поэту народа. Эта линия изучения куратовских персонажей с позиции народной этики чуть позднее была продолжена В.А. Латышевой [2005; 2008] и П. Лимеровым [2001; 2018].

Исследование крестьянского цикла стихотворений И.А. Куратова в аспекте субъектных форм выражения авторского сознания, по нашему мнению, дает возможность не только уточнить и обновить научные представления об идейно-художественном содержании поэзии поэта, раскрыть его индивидуальную авторскую систему, но показать состояние коми литературы 1850–1870-х годов. Выбор данной проблемы обусловлен несколькими факторами: во-первых,

индивидуальными особенностями лирики поэта, фактом ее многосубъектности, она содержит разные способы выражения авторского сознания: лирический герой, собственно автор, автор-повествователь, герой ролевой лирики:

«Эй-ма! Быдтор шань!
Зэр моз енвевтсянь
Шудӧй киӧ воас!»…
Уджалам ми керам,
Сылы тайӧ серам!..
Мун тэ сёрнит сыкӧд,
Ӧньӧ Микулкӧд!..
Эн пӧ менӧ тшыкӧд,
Эн пӧ велӧд рӧд.
Менӧ пӧ ті он ылӧд
Петны кыз удж вылад,
Сідз пӧ долыд, зон…

«Эх-ма! Все будет хорошо!
Словно дождик с крыши
Счастье мне привалит в руки!»…
Все мы заняты делом,
А ему это смешно!..
Вот иди и побеседуй ты
с Эне Микулом!..
Не испортишь, говорит, меня,
И не учите, говорит.
Меня, говорит, не заставишь
Выйти на сложную работу,
И так, говорит, хорошо…

[Куратов, 1979, с. 263]

Во-вторых, стихотворения И. Куратова недостаточно исследованы с точки зрения их структурно-поэтических особенностей. Своеобразие формы стихотворений крестьянской темы, в том числе их субъектный строй, рассматривались лишь попутно в связи с другими свойствами куратовской лирики: народностью [Дёмин, 1990], строем стиха [Ванеев, 1989; Ванеев, 1963], повышенной интертекстуальностью и связью с отечественной и европейской поэзией [Ванеев, 1979; Ванеев, Вулих, 1986; Вулих, 1994; Гуляев, 1973; Мартынов, 1973а; Мартынов 1973б; Мартынов, 1974; Дёмин, 1986; Дёмин, 1990; Дёмин, 1999а; Лыткин, 1976; Дёмин, 1999б; Тираспольский, 1990; Тираспольский, 1999]. В качестве самостоятельной исследовательской проблемы субъектная сфера лирики И. Куратова не рассматривалась. Между тем в современном литературоведении все активнее ставится вопрос о форме и конкретных явлениях, к ней относящихся, все более заметно стремление к целостности идейно-содержательного и художественно-формального анализа литературных произведений, которая предполагает обращение к понятиям «автор», «авторская позиция», изучение форм и способов выражения авторской позиции в тексте и в первую очередь субъектных, если речь идет о лирике: «Лирическое переживание предстает как принадлежащее говорящему (носителю речи)» [Хализев, 1999, с. 133].

Научным направлением, выработавшим категориальный аппарат и методику анализа субъектного строя художественного произведения, стала «*теория автора*», в основе которой лежит идея необходимости разделять «автора биографического – творческую личность, существующую во внехудожественной, первично-эмпирической реальности, и автора в его внутритекстовом, художественном воплощении» [Прозоров, 1999, с. 11]. В развитие отечественной «теории автора» большой вклад был внесен Б.О. Корманом. Опираясь

на позиции В.В. Виноградова и М.М. Бахтина, рассматривавших образ автора как решающее условие отличительной целостности литературного произведения и литературы, Б.О. Корман предложил принять в качестве обязательного следствия этой концепции следующее положение: «… автор непосредственно не входит в текст: он всегда опосредован субъектными или внесубъектными формами. Представление об авторе складывается из представления об этих формах, их выборе и сочетании» [Корман, 1971, с. 200]. В дальнейшем теория Б.О. Кормана продолжает разрабатываться его учениками и последователями: Л.М. Бинштоком [1978; 1974], С.Н. Бройтманом [2003; 1997], Т.Л. Власенко [1984], Д.И. Черашней [1984; 2003] и другими на материале русской литературы. Примеры использования методики субъектного анализа можно обнаружить и в исследовании финно-угорских литератур [Баранова, 2000; Ванюшев, 2002; Ванюшев, 2011; Зуева, 1974; Зуева, 1979; Измайлова, 1990; Лекомцева, 2009]. Элементы субъектного анализа исследуются и в отдельных работах о коми литературе: Р.И. Куклиной [1990; 2003], В.А. Лимеровой [1995; 2009], П.Ф. Лимеровым [2001; 2018], Т.Л. Кузнецовой [2014].

Следует отметить, что принципы субъектного анализа поэтического произведения в отечественном литературоведении сложились в основном на почве изучения русской реалистической лирики XIX века, которая стремилась охватить жизнь в ее многоаспектности, прибегала к многоголосию, к непрямому слову, когда автор вживается в «чужие» точки зрения, строит образ на их пересечении [Рымарь, 1994, с. 12–13]. Становление коми поэта И.А. Куратова шло в контексте этих процессов, поэтому нам представляется вполне логичным обратиться к субъектной сфере его поэзии.

Заключение

Перспективы изучения поэтики И. Куратова в аспекте субъектного строя, с нашей точки зрения, связаны с задачей исследования уровня развития коми художественного слова, его специфики в период начального освоения поэтических форм и жанров. Исследование произведений поэта позволяет говорить о том, что коми поэт был включен в общее движение отечественной поэзии по обновлению состава героев, которое повлекло за собой значительное расширение субъектных форм. Изучение субъектного строя лирики И. Куратова позволяет также преодолеть инерционность восприятия его произведений в фокусе присвоенного им социально-политического звучания, расширить представления об особенностях художественного выражения аксиологических установок коми поэта. В то же время исследование субъектного строя позволяет уточнить оригинальные черты И. Куратова – коми поэта, его представления о родном народе, собственную этнокультурную самоидентификацию и способы ее выражения в поэтическом тексте. Результаты исследования будут актуальны в плане сравнительного исследования творчества поэтов, за которыми

закрепилась репутация основоположников национальных литератур, что позволит выявить специфические и общие черты становления литературной поэтической традиции у разных народов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Баранова Е.В. Основные тенденции развития мордовской лирики на современном этапе, 1980–90-е годы: спец. 10.01.02. Литература народов Российской Федерации: дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. [Электронный ресурс]. Саранск, 2000. 187 с. URL: http://www.dslib.net/literatura-rosii/osnovnye-tendencii-razvitija-mordovskoj-liriki-na-sovremennom-jetape-1980-90-e-gody.html (дата обращения: 23.01.2024).

Бинштоκ Л.М. Структура системы и специфика поэтического многоголосья в лирике Ф.И. Тютчева // Проблема автора в русской литературе XIX–XX веков. Ижевск, 1978. С. 125–133.

Бинштоκ Л.М. Субъектные формы выражения авторского сознания в лирике Ф.И. Тютчева // Проблема автора в художественной литературе. Вып. 1. Ижевск, 1974. С. 68–86.

Бройтман С.Н. Лирика в историческом освещении // Теория литературы. Роды и жанры: (Основные проблемы в историческом освещении). М.: ИМЛИ РАН, 2003. Т. 3. С. 421–465.

Бройтман С.Н. Русская лирика XIX – начала XX века в свете исторической поэтики (Субъектно-образная структура). М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1997. 307 с.

Ванюшев В.М. Общее и особенное в развитии литератур народов Урало-Поволжья в дооктябрьское время // Дооктябрьские истоки межлитературной общности Урало-Поволжья: Сб. ст. / сост. и отв. ред. В. М. Ванюшев. Ижевск: Удм. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН СССР, 1991. С. 51–58.

Ванюшев В.М. Объектно-субъектная организация этнографических очерков и информанты Г.Е. Верещагина: к вопросу о зарождении национальной литературы // Литература Урала: история и современность: сб. ст. Вып. 6: Историко-культурный ландшафт Урала: литература, этнос, власть / Институт истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2011. С. 89–97.

Ванюшев В.М. Поэтическая дилогия Г.Е. Верещагина: Учеб. пособие для студентов факультета удмуртской филологии УГУ по спецкурсу «Жизнь и творческий путь Г.Е. Верещагина». Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2002. 194 с.

Ванеев А.Е. Реализм И.А. Куратова в связях с концепцией реализма в эстетике русских революционных демократов // Межнациональные связи коми литературы и фольклора: Сб. науч. тр. АН СССР. Коми филиал. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1979. С. 82–88.

Ванеев А.Е. Сӧвмысь поэзия: коми поэтъяслӧн мастерство йылысь пасйӧдъяс = [Развивающаяся поэзия: заметки о мастерстве коми поэтов]. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1963. 112 с.

Ванеев А.Е. В поисках истины: Мировоззрение и эстетические взгляды И.А. Куратова. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1989. 176 с.

Ванеев А.Е., Вулих Н.В. Античность в творчестве И.А. Куратова. Сыктывкар, 1986. 35 с. (Серия препринтов «Научные доклады» / Академия наук СССР, Коми филиал. Вып. 156).

Власенко Т.Л. Литература как форма авторского сознания: Пособие для студентов филологических факультетов. Изд. 2-е, доп. Ижевск, 1998. 230 с.

Вулих Н.В. Поэзия добра и света. Лирика И.А. Куратова и некрасовская школа. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1994. 70 с.

Гуляев Е.С. И.А. Куратов да текстологъяслӧн могъяс = [И.А. Куратов и задачи текстологов] // Куратовские чтения. В 6 т. Т. 1 / отв. ред. А.К. Микушев. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1973. С. 103–118.

Дёмин В.Н. И.А. Куратов и европейская поэзия: доклад на заседании президиума Коми АН УРО РАН. Сыктывкар: Коми АН УРО РАН, 1999а. 21 с.

Дёмин В.Н. И.А. Куратов и русская культура (о национальной самобытности поэзии И.А. Куратова) // Куратовские чтения. В 6 т. Т. 6 / отв. ред. А.К. Микушев. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1990. С. 47–61.

Дёмин В.Н. Куратов как шестидесятник // Куратовские чтения. В 6 т. Т. 4 / отв. ред. А.К. Микушев. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1986. С. 54–66.

Дёмин В.Н. Рифмою крылатой свяжем строки. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999б. 160 с.

Домокош П. Формирование литератур малых, уральских народов / пер. с венг. яз. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1993. 288 с.

Доронин П. Куратовлӧн удж да творчество = [О жизни и творчестве Куратова] // И.А. Куратов. Художественнӧй произведенияс = [Художественные произведения]. Т. 1. Сыктывкар: Коми Госиздат, 1939а. С. V–LIV.

Доронин П.Г. Творчество И.А. Куратова. Сыктывкар: Коми Госиздат, 1939б. 80 с.

Зуева А.С. Повествователь в первом удмуртском романе // Проблема автора в художественной литературе. Вып. 1. Ижевск: Удм. гос. ун-т, 1974. С. 18–28.

Зуева А.С. Поэтика современного удмуртского романа // Актуальные проблемы эстетики социалистического реализма в литературах советского Востока: материалы Всесоюз. науч. конф., Казань, 1978. Казань, 1979. С. 252–257.

Измайлова А.С. Лирика удмуртского поэта Кузебая Герда: опыт системно-субъектного анализа // Проблема автора в художественной литературе: межвуз. сб. науч. тр. Ижевск, 1990. С. 180–184.

Корман Б.О. Итоги и перспективы изучения проблемы автора // Страницы истории русской литературы. М.: Наука, 1971. С. 199–208.

Кузнецова Т.Л. Поэзия И.А. Куратова: особенности художественного выражения мысли // И.А. Куратов: опыт осмысления жизни и творчества. Сб. ст. по итогам симпозиума, работавшего в рамках II Всерос. науч. конф. «Филологические исследования – 2014» (Сыктывкар, 14–17 окт. 2014 г.). Сыктывкар, 2014. С. 3–11.

Куклина Р.И. Авторская позиция в драматургии Н.П. Попова (Жугыль): судьба репрессированного писателя и творчество // От краеведения к науке: Материалы респ. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения А.С. Сидорова и 80-летию Общества изучения Коми Края (Сыктывкар, 10–11 окт. 2002 г.). Сыктывкар, 2003. С. 171–174.

Куклина Р.И. И.А. Куратов да ӧнія коми драматургия = [И.А. Куратов и современная коми драматургия] // Куратовские чтения. В 6 т. Т. 6 / отв. ред. А.К. Микушев. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1990. С. 102–109.

Куратов И.А. Менам муза. Художественнӧй гижӧд чукӧр [Моя муза. Собрание художественных произведений]. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1979. 608 с.

Латышева В.А. Анализ одного стихотворения: «Том зон» (Юноша) И.А. Куратова // Тайӧ сьылӧм – коми олӧм. Коми литературалы подув пуктысьяс йылысь уджъяс = [В этой песне коми жизнь. Сб. тр. об основоположниках коми литературы]. Сыктывкар: ООО «Издательство «Кола», 2008. С. 46–50.

Латышева В.А. Фольклор в поэзии Ивана Куратова // Классики и современники. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2005. С. 46–52.

Лекомцева Н.В. Творчество удмуртского поэта Н.С. Байтерякова в контексте мировой и отечественной литературы // Высшее образование и наука Пармы: Материалы межрегион. науч.-практ. конф. Кудымкар, 2009. С. 289–300.

Лимеров П.Ф. Иван Алексеевич Куратов. Сер. «Республика Коми: люди и время». Сыктывкар: Изд-во «Эском», 2018. 272 с.

Лимеров П.Ф. И.А. Куратов: лейтмотивы творчества. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2001. 32 с.

Лимерова В.А. Авторская позиция в эпическом произведении: Учеб. пособие по спецкурсу. Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, 1995. 119 с.

Лимерова В.А. Индивидуальные особенности авторского сознания в рассказе Г.А. Федорова «Ытва дырйи» (В половодье) // Поэт, ученый, педагог: Материалы Всерос. конф., посвящ. Н.А. Фролову. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 2009. С. 51–55.

Лыткин В.И. И. Куратовӧн Гейнелысь вуджӧдӧм кывбуръяс = [Стихи Гейне, переведенные на коми язык И. Куратовым] // Куратовские чтения. В 6 т. Т. 2 / отв. ред. А.К. Микушев. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1976. С. 16–24.

Мартынов В.И. Борьба И.А. Куратова за создание демократической коми литературы // Куратовские чтения. В 6 т. Т. 5 / отв. ред. А.К. Микушев. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1989. С. 23–33.

Мартынов В.И. И.А. Куратов и А.В. Кольцов // Куратовские чтения. В. 6 т. Т. 1 / отв. ред. А.К. Микушев. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1973а. С. 80–86.

Мартынов В.И. И.А. Куратов и Н.А. Некрасов // Куратовские чтения. В 6 т. Т. 1 / отв. ред. А.К. Микушев. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1973б. С. 86–91.

Мартынов В.И. Роль русских писателей в формировании литературы коми. М.: Наука, 1974. 175 с.

Мартынов В.И. Становление коми литературы (Идейно-эстетический аспект). М.: Наука, 1988. 232 с.

Микушев А.К. Коми литература и народная поэзия. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961. 128 с.

Оботуров И. Куратов Иванлӧн – коми медводдза поэтлӧн творчествоыс да олӧмыс =[Жизнь и творчество первого коми поэта – Ивана Куратова] // И.А. Куратов. Гижӧд чукӧр (1850–1870) (Избранные произведения). Сыктывкар: Коми госиздат, 1932. С. III–XIX.

Прозоров В.В. Автор // Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины / под ред. Л.В. Чернец. М.: Высшая школа, Академия, 1999. 556 с.

Рымарь Н.Т., Скобелев В.П. Теория автора и проблема художественной деятельности. Воронеж: Логос-Траст, 1994. 245 с.

Скатов Н.Н. Поэты некрасовской школы // История русской литературы. В 4-х т. Т. III. Расцвет реализма. Л.: Наука, 1982. С. 382–403.

Тираспольский Г.И. О творческой истории стихотворения Куратова «Самсон» // Куратовские чтения. В 6 т. Т. 6 / отв. ред. А.К. Микушев. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1990. С. 87–98.

Тираспольский Г.И. Эхо пушкинской лиры. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. 256 с.

Федорова А.Н. И.А. Куратов. Очерк жизни и творчества. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1960. 152 с.

Хализев В.Е. Лирика // Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины / под ред. Л.В. Чернец. М.: Высшая школа, Академия, 1999. 556 с.

Черашняя Д.И. «Все будет хорошо, все…» // Восхождение: статьи, воспоминания о Флоре Васильеве. Ижевск, 1984. С. 263–274.

Черашняя Д.И. Теория автора и русская философская антропология // Частотный словарь лирики О. Мандельштама: субъектная дифференциация словоформ. Ижевск, 2003. С. 9–39.

Lidiya Surnina

I.A. KURATOV'S LYRIC: ON THE QUESTION OF SUBJECT FORMS OF EXPRESSION OF THE AUTHOR'S CONSCIOUSNESS

Introduction. Ivan Kuratov is known not only in the Komi Republic but also beyond. It can be considered a generally accepted opinion about the special phenomenon of the Komi poet's lyrics, which was the beginning and at the same time the aesthetic pinnacle of Komi literature and, at the same time, an outstanding and unique phenomenon in the culture of the Finno-Ugric peoples of Russia. **The purpose** of the article is to substantiate the applicability of subjective analysis to the work of I. Kuratov. **Materials and methods.** The material was the works of I. Kuratov's peasant cycle and the literary works of researchers of the poet's works. The author of the article relies on the method of studying the author in a lyrical work, developed by B.O. Corman. **Research results and discussion.** I. Kuratov's lyric poems are multi-subjective, which were oriented towards realistic Russian and world poetry and by that time it had mastered multi-subjective forms.

I. Kuratov's lyric contains different ways of expressing the author's consciousness: the lyrical hero, the author himself, the author-narrator, the hero of role-playing lyric. I. Kuratov's mastery of various subjective forms is associated with the expansion of the problem-thematic content and character composition of Komi literature. **Conclusion.** Study of poems by I.A. Kuratov, in particular the peasant cycle of his works, in the aspect of subjective forms of expression of the author's consciousness, in our opinion, makes it possible not only to clarify and update scientific ideas about the ideological and artistic content of the poet's poetry, to reveal his individual author's system, but to show the state of the Komi literature in the 1850 –1870s.

Key words: Komi poetry of the 19th century; I. Kuratov; studies devoted to Kuratov; peasant cycle; subject structure.

REFERENCES

Baranova E.V. Osnovnye tendentsii razvitija mordovskoy liriki na sovremennom etape, 1980-90-ye gody: spets. 10.01.02. Literatura narodov Rossijskoj Federacii: dis. na soisk. uchen. step. kand. filol. Nauk. [Elektronny resurs]. Saransk, 2000, 187 p. URL: http://www.dslib.net/literatura-rosii/osnovnye-tendencii-razvitija-mordovskoj-liriki-na-sovremennom-jetape-1980-90-e-gody.html (available at: 23.01.2024)

Binshtok L.M. Struktura sistemy i spetsifika pojeticheskogo mnogogolos'ya v lirike F.I. Tyutcheva [The structure of the system and the specificity of poetic polyphony in the lyrics of F.I. Tyutchev]. *Problema avtora v russkoy literature XIX–XX vekov* [The problem of the author in Russian literature of the 19th–20th centuries]. Izhevsk, 1978, pp. 125-133. (In Russian).

Binshtok L.M. Subyektnye formy vyrazheniya avtorskogo soznaniya v lirike F. I. Tyutcheva [Subjective forms of expression of the author's consciousness in the lyrics of F. I. Tyutchev]. *Problema avtora v khudozhestvennoy literature* [The problem of the author in fiction]. Vol. 1. Izhevsk, 1974, pp. 68-86. (In Russian).

Broytman S.N. Lirika v istoricheskom osveshchenii [Lyrics in historical light]. *Teoriya literatury. Rody i zhanry.: (Osnovnyye problemy v istoricheskom osveshchenii)* [Theory of literature. Genres and genres: (Main problems in historical coverage)]. Moscow, Institut mirovoj literatury im. A. M. Gor'kogo Rossijskoj akademii nauk, 2003. Vol. 3. Pp. 421-465. (In Russian).

Broytman S.N. Russkaya lirika XIX – nachala XX veka v svete istoricheskoy poetiki (Subyektno-obraznaya struktura) [Russian Lyric Poetry of the 19th – early 20th Centuries in the Light of Historical Poetics (Subject-shaped Structure)]. Moscow, Rossiyskiy gosudarstvennyj gumanitarnyj institut, 1997, 307 p. (In Russian).

Vanyushev V.M. Obshcheye i osobennoye v razvitii literatur narodov Uralo-Povolzh'ya v dooktyabr'skoye vremya [General and special in the development of the literatures of the peoples of the Ural-Volga region in the pre-October period]. *Dooktyabr'skiye istoki mezhliteraturnoy obshchnosti Uralo-Povolzh'ya: Sbornik statey* [Pre-October origins of the interliterary community of the Ural-Volga region: Collection of articles]. Comp. and resp. ed. V. M. Vanyushev. Izhevsk, Udmurtskiy institut istorii, yazyka i literatury Ural'skogo otdelenija Rossijskoj Akademii nauk Sojuza Sovetskih Socialisticheskih Respublik, 1991, pp. 51-58. (In Russian).

Vanyushev V.M. Obyektno-subyektnaya organizatsiya etnograficheskikh ocherkov i informanty G.Ye. Vereshchagina: k voprosu o zarozhdenii natsional'noy literatury [Object-subject organization of ethnographic essays and informants G.E. Vereshchagina: on the issue of the origin of national literature]. *Literatura Urala: istoriya i sovremennost': sbornik statey. Vyp. 6*: *Istoriko-kul'turnyy landshaft Urala: literatura, etnos, vlast' / Institut istorii i arkheologii UrO RAN* [Literature of the Urals: history and modernity: collection of articles. Vol. 6: Historical and cultural landscape of the Urals: literature, ethnicity, power / Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo instituta, 2011, pp. 89-97. (In Russian).

Vanyushev V.M. Poeticheskaya dilogiya G.Ye. Vereshchagina: Uchebnoye posobiye dlya studentov fakul'teta udmurtskoy filologii UGU po spetskursu 'Zhizn' i tvorcheskiy put' G.Ye. Vereshchagina' [Poetic dilogy by G.E. Vereshchagin: Textbook for students of the Faculty of Udmurt Philology of the USU for the special course 'The Life and Creative Path of G.E. Vereshchagin']. Izhevsk, Izdatel'skiy dom «Udmurtskiy universitet», 2002, 194 p. (In Russian).

Vaneyev A.Ye. Realizm I. A. Kuratova v svyazyakh s kontseptsiyey realizma v estetike russkikh revolyutsionnykh demokratov [Realism of I. A. Kuratov in connection with the concept of realism in the aesthetics of Russian revolutionary democrats]. *Mezhnatsional'nyye svyazi komi literatury i fol'klora: Sbornik nauchnyh trudov Akademii Nauk Sojuza Sovetskih Socialisticheskih Respublik. Komi filial* [Interethnic relations of Komi literature and folklore: Collection of scientific works. Academy of Sciences of the USSR. Komi branch]. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1979, pp. 82-88. (In Russian).

Vaneyev A.Ye. Sövmys' poeziya: komi poet"yaslön masterstvo yylys' pasyöd"yas = Razvivayushchayasya poeziya: zametki o masterstve komi poetov [Developing Poetry: Notes on the Talent of Komi Poets]. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1963, 112 p. (In Komi).

Vaneyev A.Ye. V poiskakh istiny: Mirovozzreniye i esteticheskiye vzglyady I. A. Kuratova [In Search of Truth: Worldview and Aesthetic Views of I. A. Kuratov]. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1989, 176 p. (In Russian).

Vaneyev A.Ye.; Vulikh N.V. Antichnost' v tvorchestve I. A. Kuratova [Antiquity in the works of I. A. Kuratov]. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1986. 35 p. (Seriya preprintov «Nauchnyye doklady» / Akademiya nauk Sojuza Sovetskih Socialisticheskih Respublik, Komi filial. Vyp. 156 [Series of preprints «Scientific reports» / Academy of Sciences of the USSR, Komi branch. Iss. 156]) (In Russian).

Vlasenko T.L. Literatura kak forma avtorskogo soznaniya. Posobiye dlya studentov filologicheskikh fakul'tetov [Literature as a form of authorial consciousness. A manual for students of philological faculties]. 2nd edition, additional. Izhevsk, 1998, 230 p. (In Russian).

Vulikh N.V. Poeziya dobra i sveta. Lirika I. A. Kuratova i nekrasovskaya shkola [Poetry of Goodness and Light. Lyrics by I. A. Kuratov and the Nekrasov school]. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1994, 70 p. (In Russian).

Guljaev Ye.S. I.A. Kuratov da tekstolog"yaslön mog"yas = I.A. Kuratov i zadachi tekstologov [I.A. Kuratov and the tasks of textual critics]. *Kuratovskiye chteniya* [Kuratov's readings]. In 6 vol. Vol. 1. Resp. ed. A.K. Mikushev. Syktyvkar, Komi Nauchnyj Centr Ural'skogo otdelenija Rossijskoj Akademii Nauk, 1973, pp. 103-118. (In Komi).

Dyomin V.N. I.A. Kuratov i yevropeyskaya poeziya: doklad na zasedanii prezidiuma Komi nauchnogo centra Ural'skogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk [Kuratov and European poetry: report at a meeting of the presidium of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences]. Syktyvkar, Komi Nauchnyj Centr Ural'skogo otdelenija Rossijskoj Akademii Nauk, 1999a, 21 p. (In Russian).

Dyomin V.N. Kuratov i russkaya kul'tura (o natsional'noy samobytnosti poezii I. A. Kuratova) [Kuratov and Russian culture (about the national identity of I. A. Kuratov's poetry)]. *Kuratovskiye chteniya* [Kuratov's readings]. In 6 vol. Vol. 6. Resp. ed. A.K. Mikushev. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1990, pp. 47-61. (In Russian).

Dyomin V.N. Kuratov kak shestidesyatnik [Kuratov as a member of the sixties]. *Kuratovskiye chteniya* [Kuratov's readings]. In 6 vol. Vol. 4. Resp. ed. A.K. Mikushev. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1986, pp. 54-66. (In Russian).

Dyomin V.N. Rifmoyu krylatoy svyazhem stroke [We will Connect the Lines with a Winged Rhyme]. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1999b, 160 p. (In Russian).

Domokosh P. Formirovaniye literatur malykh, ural'skikh narodov [Formation of Literatures of Minority, Uralic Peoples]. Translation from the Hungarian language. Yoshkar-Ola, Mariyskoye knizhnoe izdatel'stvo, 1993, 288 p. (In Russian).

Doronin P. Kuratovlön udzh da tvorchestvo = O zhizni i tvorchestve Kuratova [About the life and work of Kuratov]. *I.A. Kuratov. Khudozhestvennöy proizvedeniyeyas = Khudozhestvennyye proizvedeniya* [Works of art]. Vol. 1. Syktyvkar, Komi Gosizdat, 1939a, pp. V–LIV. (In Komi).

Doronin P.G. Tvorchestvo I.A. Kuratova [I.A. Kuratov's Creativity]. Syktyvkar, Komi Gosizdat, 1939b, 80 p. (In Russian).

Zuyeva A.S. Povestvovatel' v pervom udmurtskom romane [The narrator in the first Udmurt novel]. *Problema avtora v khudozhestvennoy literature* [The problem of the author in fiction]. Vol. 1. Izhevsk, Udmurtskij gosudarstvennyj universitet, 1974, pp. 18-28. (In Russian).

Zuyeva A.S. Poetika sovremennogo udmurtskogo romana [Poetics of the modern Udmurt novel]. *Aktual'nyye problemy estetiki sotsialisticheskogo realizma v literaturakh sovetskogo Vostoka: materialy Vsesoyuz. nauch. konf., Kazan, 1978* [Current problems of the aesthetics of socialist realism in the literature of the Soviet East: materials of the All-Union Scientific Conference]. Kazan, 1978. Kazan, 1979, pp. 252-257. (In Russian).

Izmaylova A.S. Lirika udmurtskogo poeta Kuzebaya Gerda: opyt sistemno-subyektnogo analiza [Lyrics of the Udmurt poet Kuzebay Gerd: experience of systemic-subjective analysis]. *Problema avtora v khudozhestvennoy literature: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [The problem of the author in fiction: interuniversity collection of scientific works]. Izhevsk, 1990, pp. 180-184. (In Russian).

Korman B.O. Itogi i perspektivy izucheniya problemy avtora [Results and prospects for studying the author's problem]. *Stranitsy istorii russkoy literatury* [Pages of the history of Russian literature]. Moscow, Nauka, 1971, pp. 199-208. (In Russian).

Kuznetsova T.L. Poeziya I.A. Kuratova: osobennosti khudozhestvennogo vyrazheniya mysli [Poetry I.A. Kuratova: features of artistic expression of thoughts]. *I. A. Kuratov: opyt osmysleniya zhizni i tvorchestva. Sbornik statey po itogam simpoziuma, rabotavshego v ramkakh II Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii «Filologicheskiye issledovaniya – 2014»* (Syktyvkar, 14–17 oktyabrya 2014 g.) [I. A. Kuratov: experience of understanding life and creativity. A collection of articles based on the results of the symposium, which worked within the framework of the II All-Russian Scientific Conference 'Philological Research-2014' (Syktyvkar, October 14-17, 2014)]. Syktyvkar, 2014, pp. 3-11. (In Russian).

Kuklina R.I. Avtorskaya pozitsiya v dramaturgii N.P. Popova (Zhugyl'): sud'ba repressirovannogo pisatelya i tvorchestvo [Author's position in the playwriting of N.P. Popov (Zhugyl): the fate of the repressed writer and creativity]. *Ot krayevedeniya k nauke: Materialy resp.nauch. konf., posvyashchennoy 110-letiyu so dnya rozhdeniya A.S. Sidorova i 80-letiyu Obshchestva izucheniya Komi Kraya (Syktyvkar, 10–11 oktyabrya 2002 g.)* [From local history to science: Materials of the republican scientific conference dedicated to the 110th anniversary of the birth of A.S. Sidorov and the 80th anniversary of the Society for the Study of the Komi Region (Syktyvkar, October 10-11, 2002)]. Syktyvkar, 2003, pp. 171-174. (In Russian).

Kuklina R.I. I.A. Kuratov da öniya komi dramaturgiya = I.A. Kuratov i sovremennaya komi dramaturgiya [I.A. Kuratov and modern Komi playwriting]. *Kuratovskiye chteniya* [Kuratov's readings]. In 6 vol. Vol. 6. Resp. ed. A.K. Mikushev]. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1990, pp. 102-109. (In Komi).

Kuratov I.A. Menam muza. Khudozhestvennöy gizhöd chukör = Moya muza. Sobraniye khudozhestvennykh proizvedeniy [My Muse. Collection of Works of Art]. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1979, 608 p. (In Komi).

Latysheva V.A. Analiz odnogo stikhotvoreniya: «Tom zon» (Yunosha) I.A. Kuratova [Analysis of one poem: «Tom zone» (Young man) I.A. Kuratova]. *Tayö s'ylöm – komi olöm. Komi literaturaly poduv puktys'yas yylys' udzh"yas = V etoy pesne komi zhizn'. Sbornik trudov ob*

osnovopolozhnikakh komi literatury [There is Komi life in this song. Collection of works about the founders of Komi literature]. Syktyvkar, Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu «Izdatel'stvo «Kola», 2008, pp. 46-50. (In Russian).

Latysheva V.A. Fol'klor v poezii Ivana Kuratova [Folklore in the poetry of Ivan Kuratov]. Klassiki i sovremenniki [Classics and Contemporaries]. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel'stvo, 2005, pp. 46-52. (In Russian).

Lekomtseva N.V. Tvorchestvo udmurtskogo poeta N.S. Bayteryakova v kontekste mirovoy i otechestvennoy literatury [The work of the Udmurt poet N.S. Baiteryakova in the context of world and domestic literature]. *Vyssheye obrazovaniye i nauka Parmy: Materialy mezhregional'noy nauchno-prakticheskoy konf.* [Higher education and science of Parma: Materials of the interregional scientific and practical conference]. Kudymkar, 2009, pp. 289-300. (In Russian).

Limerov P.F. Ivan Alekseyevich Kuratov. Ser. «Respublika Komi: lyudi i vremya» [Ivan Alekseevich Kuratov. Series «The Komi Republic: people and time»]. Syktyvkar, Izdatel'stvo «Eskom», 2018, 272 p. (In Russian).

Limerov P.F. I. A. Kuratov: leytmotivy tvorchestva [I. A. Kuratov: keynotes of creativity]. Syktyvkar, Komi nauchnyy tsentr Ural'skoe Otdelenie Rossijskoj Akademii Nauk, 2001, 32 p. (In Russian).

Limerova V.A. Avtorskaya pozitsiya v epicheskom proizvedenii: Uchebnoye posobiye po spetskursu [Author's View in an Epic Work: A Textbook for a Special Course]. Syktyvkar, Syktyvkarskiy universitet, 1995, 119 p. (In Russian).

Limerova V.A. Individual'nyye osobennosti avtorskogo soznaniya v rasskaze G.A. Fedorova «Ytva dyryi» (V polovod'ye) [Individual characteristics of the author's consciousness in the story by G.A. Fedorov 'In the flood']. *Poet, uchenyy, pedagog: Materialy Vserossiyskoy konferentsii, posv. N.A. Frolovu* [Poet, scientist, teacher: Materials of the All-Russian conference dedicated to N.A. Frolov]. Syktyvkar, Izdatel'stvo Syktyvkarskogo universteta, 2009, pp. 51-55. (In Russian).

Lytkin V.I. I. Kuratovön Geynelys' vudzhödöm kyvbur"yas = Stikhi Geyne, perevedennyye na komi yazyk I. Kuratovym [Heine's poems translated into Komi by I. Kuratov]. Kuratovskiye chteniya [Kuratov's readings]. In 6 vol. Vol. 2. Resp. ed. A.K. Mikushev. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1976, pp. 16-24. (In Komi).

Martynov V.I. Bor'ba I.A. Kuratova za sozdaniye demokraticheskoy komi literatury [Fight I.A. Kuratov for the creation of democratic Komi literature]. *Kuratovskiye chteniya* [Kuratov's readings]. In 6 vol. Vol. 5. Resp. ed. A.K. Mikushev. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1989, pp. 23-33. (In Russian).

Martynov V.I. I.A. Kuratov i A.V. Kol'tsov [I.A. Kuratov and A.V. Koltsov]. *Kuratovskiye chteniya* [Kuratov's readings]. V. 6 vol. Vol. 1. Resp. ed. A.K. Mikushev. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1973a, pp. 80-86. (In Russian).

Martynov V.I. I.A. Kuratov i N.A. Nekrasov [I.A. Kuratov and N.A. Nekrasov]. *Kuratovskiye chteniya* [Kuratov's readings]. In 6 vol. Vol. 1. Resp. ed. A.K. Mikushev. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1973b, pp. 86-91. (In Russian).

Martynov V.I. Rol' russkikh pisateley v formirovanii literatury komi [The Role of Russian Writers in the Formation of Komi Literature]. Moscow, Nauka, 1974, 175 p. (In Russian).

Martynov V.I. Stanovleniye komi literatury (Ideyno-esteticheskiy aspekt) [The Formation of Komi Literature (Ideological and Aesthetic Aspect)]. Moscow, Nauka, 1988, 232 p. (In Russian).

Mikushev A.K. Komi literatura i narodnaya poeziya [Komi Literature and Folk Poetry]. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1961, 128 p. (In Russian).

Oboturov I. Kuratov Ivanlön – komi medvoddza poetlön tvorchestvoys da olömys = Zhizn' i tvorchestvo pervogo komi poeta – Ivana Kuratova [Life and work of the first Komi poet – Ivan Kuratov]. *I.A. Kuratov. Gizhöd chukör (1850–1870) = Izbrannyye proizvedeniya* [I.A. Kuratov. Selected works]. Syktyvkar, Komi gosizdat, 1932, pp. III–XIX. (In Komi).

Prozorov V.V. Avtor [Author]. *Vvedeniye literaturovedeniye. Literaturnoye proizvedeniye: osnovnyye ponyatiya i terminy* [Introduction to literary criticism. Literary work: basic concepts and terms]. Ed. by L.V. Chernets. Moscow, Vysshaya shkola, Akademiya, 1999, 556 p. (In Russian).

Rymar' N.T., Skobelev V.P. Teoriya avtora i problema khudozhestvennoy deyatel'nosti [The Theory of the Author and the Problem of Artistic Aactivity]. Voronezh, Logos-Trast, 1994, 245 p. (In Russian).

Skatov N.N. Poety nekrasovskoj shkoly [Poets of the Nekrasov school]. *Istoriya russkoj literatury. Istoriya russkoj literatury* [History of Russian literature]. In 4 vol. Vol. III. The rise of realism. Leningrad, Nauka, 1982, pp. 382-403 (In Russian).

Tiraspol'skiy G.I. O tvorcheskoy istorii stikhotvoreniya Kuratova «Samson» [On the creative history of Kuratov's poem 'Samson']. *Kuratovskiye chteniya* [Kuratov's readings]. In 6 vol. Vol. 6. Resp. ed. A.K. Mikushev]. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1990, pp. 87-98. (In Russian).

Tiraspol'skiy G.I. Ekho pushkinskoy liry [Echo of Pushkin's Lyre]. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1999, 256 p. (In Russian).

Fedorova A.N. I.A. Kuratov. Ocherk zhizni i tvorchestva [I.A. Kuratov. Essay on Life and Creativity]. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1960, 152 p. (In Russian).

Khalizev V.Ye. Lirika [Lyrics]. *Vvedeniye v literaturovedeniye. Literaturnoye proizvedeniye: osnovyne ponyatiya i terminy* [Introduction to Literary Criticism. Literary Work: Basic Concepts and Terms]. Ed. by L.V. Chernets. Moscow, Vysshaya shkola, Akademiya, 1999, 556 p. (In Russian).

Cherashnyaya D.I. «Vse budet khorosho, vse…» [«Everything will be fine, everything...»]. *Voskhozhdeniye: stat'i, vospominaniya o Flore Vasil'yeve* [Ascension: articles, memories of Flora Vasiliev]. Izhevsk, 1984, pp. 263-274. (In Russian).

Cherashnyaya D.I. Teoriya avtora i russkaya filosofskaya antropologiya [The author's theory and Russian philosophical anthropology]. *Chastotnyy slovar' liriki O. Mandel'shtama: sub"yektnaya differentsiatsiya slovoform* [Frequency dictionary of O. Mandelstam's lyrics: subjective differentiation of word forms]. Izhevsk, 2003, pp. 9-39. (In Russian).

Сурнина Лидия Егоровна
кандидат филологических наук,
научный сотрудник ИЯЛИ ФИЦ
Коми НЦ Уро РАН
г. Сыктывкар
E-mail: surninalida@mail.ru

Lidiya Surnina
Candidate of Philological Sciences,
Researcher at the Institute of Language,
Literature and History, Federal Research
Center Komi Scientific Center Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences
Syktyvkar
E-mail: surninalida@mail.ru

УДК 821.511.131.0
DOI 10.51254/2312-0312-2024-2-66-65-77

ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭМА МИХАИЛА ХУДЯКОВА «ПЕСНЬ ОБ УДМУРТСКИХ БАТЫРАХ» В ТРАКТОВКЕ ХУДОЖНИКА ВЯЧЕСЛАВА МИХАЙЛОВА

© 2024 г. В.Л. Шибанов

Введение. Статья посвящена специфической трактовке поэмы Михаила Худякова «Песнь об удмуртских батырах». В центре внимания находятся иллюстрации художника Вячеслава Михайлова. **Цель статьи** – проанализировать особенности поэмы М. Худякова, которые вынесены художником на первый план своих картин, в сопоставлении с литературным сюжетом. **Материалы и методы.** Основной метод исследования – проблемно-тематический с привлечением приемов рецептивной поэтики. **Результаты исследования, обсуждения.** Литературная тема в графических работах В. Михайлова то иллюстрирует текст поэмы, то предлагает зрителю новые сюжетные ходы. Особо отличаются рисунки для начала и конца эпоса. Художник актуализирует сакральное пространство в разных формах, день и ночь сосуществуют рядом. Автор создает в финале поэмы злое мифическое существо, не являющееся типичным для удмуртского мировидения. **Заключение.** В. Михайлов выбирает особый способ эстетического моделирования действительности, что позволяет глубже взглянуть на сакральное пространство эпоса.

Ключевые слова: удмуртская поэзия; эпическая поэма; Михаил Худяков; Вячеслав Михайлов; литературный сюжет картины; сакральное пространство.

Введение

Эпическая поэма Михаила Худякова «Песнь об удмуртских батырах», написанная в первой трети XX века и являющаяся уникальным произведением в удмуртской литературе, привлекает внимание широкого круга исследователей, обзор этих работ осуществлен литературоведом В.М. Ванюшевым [2008, с. 17–30]. Произведение М. Худякова осталось незавершенным, автор был безвинно обвинен в троцкизме и репрессирован в 1936 году. Полный текст эпической поэмы был опубликован лишь в 2008 году под названием

«Дорвыжы» (Ижевск, 2008), параллельно с ним даны еще вольный перевод его на удмуртский язык, осуществленный В.М. Ванюшевым, и иллюстрации к поэме художника Вячеслава Михайлова (псевдоним – Гиргорей Слави). Если искусствоведы обратили внимание на графику В. Михайлова [Золотухин 2009, с. 23–26], то для литературоведов эти картины до сих пор не были объектом специального анализа.

Целью статьи является изучение специфики эпоса Михаила Худякова, вынесенную художником Вячеславом Михайловым на первый план своих картин, в сопоставлении с литературным сюжетом.

Материалы и методы

В центре внимания данного исследования находятся художественный текст М. Худякова и графические работы к нему В. Михайлова, взятые из книги «Дорвыжы». Так как исследование проходит на стыке словесного и изобразительного искусств, оно требует использования приемов рецептивной поэтики; как отмечал один из ее теоретиков, «принципы критики познания произведения живописи в существе своем родственны принципам критики познания литературы» [Ингарден, 1962, с. 390]. Ученый выделил в картинах несколько слоев: первый из них связан с литературной темой, предполагающей предысторию, второй слой – с предметным миром, символизирующим те или иные идеи художника, третий слой – с цветовым решением изображаемого мира [Ингарден, 1962, с. 293]. В данной статье актуализируется, прежде всего, литературная тема.

Результаты исследования, обсуждения

Анализ литературоведами произведений изобразительного искусства – явление не частое в регионе Урало-Поволжья. В этом контексте особо выделяется монография Ю. Нигматуллиной «“Запоздалый модернизм” в татарской литературе и изобразительном искусстве» (2002). Например, чтобы вникнуть в смысл художественных полотен Булата Гильванова, одного из ярких татарских художников, исследователь пишет: «Все направления творчества Б. Гильванова берут начало, на наш взгляд, из его дипломной работы – серии иллюстраций к поэме Кул Гали “Сказание о Юсуфе” (1997) и являются развитием намеченных в них идейных и стилистических поисков» [Нигматуллина, 2002, с. 55]. Очевидно, не все картины Б. Гильванова восходят к этому источнику, но обращение к Кул Гали при сложности истолкования тех или иных рисунков дает ключ к их осмыслению.

Удмуртский художник Вячеслав Михайлов, как заметили современные исследователи, «выработал для себя один из главных принципов – не быть простым интерпретатором иллюстрируемого текста, а создавать глубоко индивидуальные, смелые решения литературного произведения» [Золотухин, 2008, с. 18]. Для картин В. Михайлова характерен синтез реалистического

и мифологического начал, художник стремится истолковать смысл национальных мифологем и архетипов в условиях современной глобализации.

Поэма Михаила Худякова «Песнь об удмуртских батырах» состоит из десяти глав, каждой из них посвящено по одному рисунку. В ряде случаев Вячеслав Михайлов близок к сюжетной канве поэтического текста, иногда художник сознательно отходит от содержания и предлагает свое видение ситуации, особенно в рисунках для 1-й, 2-й и 10-й глав (то есть в начале и самом конце текста), поэтому эти картины требуют более подробного исследования. Но и другие графические работы скрывают в себе немало примечательностей.

В первой главе эпической поэмы М. Худякова «Инмар, Кылдысин и Квазь» речь идет о трех удмуртских богах, восходящих к дохристианской эпохе – о боге неба Инмаре, о боге земли и кормилицы людей Кылдысине и, наконец, о боге погоды и природных явлений Квазе (по-удмуртски – Куазь):

Эти боги были – Инмар,
Кылдысин и Квазь, всех – трое.
[Худяков, 2008, с. 33].

Михаилом Худяковым дается подробная характеристика этих образов, описывается сфера их божественного влияния, отмечается, какими жертвенными дарами и обрядами удмурты почитают каждого из них. Символом Инмара является сосна, Кылдысина – берёза, а Квазь предпочел дерево ель. Вячеслав Михайлов не воспроизводит на рисунке образы этих трех богов и священных деревьев, не отражает непосредственное содержание поэтического сюжета.

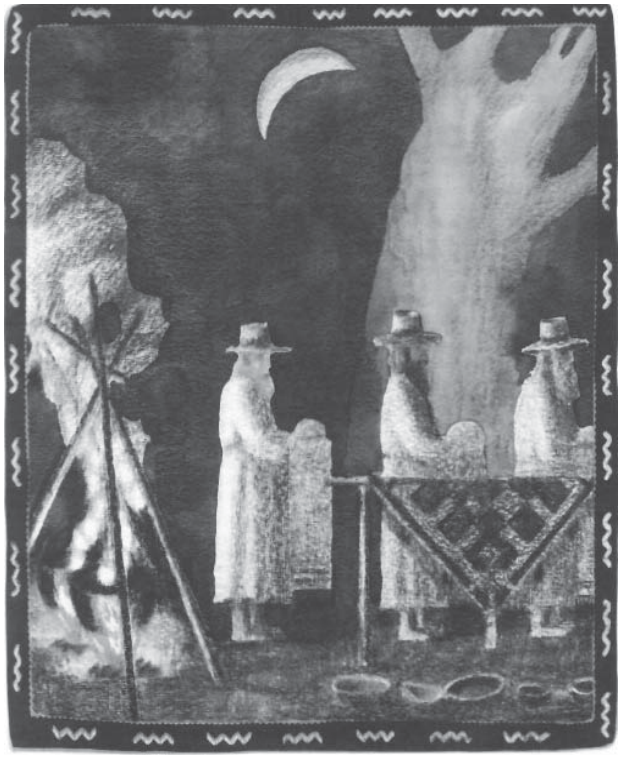

Рис. 1

В трактовке Вячеслава Михайлова (*рис. 1*) на переднем плане стоят три старика, таким образом, «троичность» героев выходит в другое сюжетное русло, отличное от худяковского. Впереди находится старик со светлой бородой, за ним – с темной и, наконец, с рыжей. Зрителю предложено

домысливать, соотносятся ли эти три цвета бороды с образами удмуртских богов, или же художник намекает на другие содержательные аспекты удмуртской мифологии. Этнографы и археологи дают богатый материал для воссоздания картины обряда: «Жертвенные места, посвященные божествам Дикой Природы, располагались на поляне в лесу. Обрядовые действия совершались с разжиганием костров, принесением в жертву диких и домашних животных, приношением даров» [Шутова, 2002, с. 37]. А.В. Золотухин считает, что на рисунке В. Михайлова жертвенное подаяние осуществляется одному верховному богу: «В белых одеждах, внутренне спокойные, отрешенные от суетливых будней, с хлебом в руках молят они у доброго бога Инмара, поселившегося в небе, о хорошей погоде и урожае» [Золотухин, 2008, с. 23].

Вячеслав Михайлов конкретизирует жертвенный дар через всеобъемлющий образ хлеба, причем у каждого старика-жреца на руках караваи одинакового вида. Тем не менее в первой главе эпической поэмы М. Худякова образ хлеба не актуализируется. В тексте в связи с упоминанием Инмара сообщается, что «в знак того, что он на небе, / вечно в выси пребывает, / мы ему приносим жертву, / на огне их сожигая» [Худяков, 2008, с. 34]; другому богу Кылдысину «наш народ лесной удмуртов / жертвы тучные приносит, / вглубь земли их зарывая» [Худяков, 2008, с. 35], наконец, богу Квазю «так приносят жертвы: / их подвешивают в рощах / на ветвях дерев священных, / чтоб они там находились / между небом и землею» [Худяков, 2008, с. 36]. Три старика, судя по рисунку Михайлова, обращены к какому-то священному дереву, изображение которого оставлено для домысливания за рамками картины.

Вячеслав Михайлов во многих своих работах выбирает сакральное пространство, восходящее к мировидению древних удмуртов. Такие места «обладают конкретными географическими и временными характеристиками», в то же время «выступают в качестве сакральных локусов, заселенных мифическими персонажами и формирующих особое сакральное пространство» [Шутова, 2002, с. 36]. В данной картине показано место жертвоприношения языческим богам, горит жертвенный костер, на который поставлен котел. Время суток – ночь, полотно покрыто черным цветом, на небе светит красновато-желтый месяц. Но по освещению его серпа несложно догадаться, что солнце должно находиться высоко над горизонтом, т.е. на земле должен быть светлый день. Такой же прием «неверного» изображения светила В. Михайлов использовал в картине «Ночное» (1998). Очевидно, «ночь» трактуется художником не в реалистическом ключе, сакральное пространство создает внутри себя другой ход времени: мифологическая ночь существует внутри астрономического дня, и именно обряд стариков должен рассеять эту возникшую темноту.

Во второй песне эпической поэмы М. Худякова говорится о великанах *зэрпалах*, живших на земле до появления человеческого рода, и их дальнейшей судьбе. Литературный сюжет главы фиксирует лишь один временной отрезок,

когда люди и великаны встречаются друг с другом. «Раз зэрпал, идя по лесу, / увидал в ветвях кого-то: / тот долбил дупло на ели, / чтоб устроить пчёлам улей» [Худяков, 2008, с. 41]. «Мать, взглянув, тотчас узнала, / что не дятел то, не птица, / существо иной породы – / человек, удмурт разумный» [Худяков, 2008, с. 41]. Мать сообщает сыну, что на смену зэрпалам приходит другой вид разумных существ, в противостоянии с которыми великанам придется уйти на север и оставить свое место людям.

Вячеслав Михайлов, иллюстрируя эту главу (*рис. 2*), предлагает другой вариант встречи великанов и людей. На его рисунке изображена река, разделяющая полотно на две части: слева – ближний план, справа – дальний. Рыбаки на двойной лодке поймали рыбу и подняли ее высоко над собой, размер рыбы больше, чем отдельно взятая лодка. Мальчик-великан, находящийся на дальнем берегу реки, внимательно наблюдает за рыбаками. Несмотря на то, что видна только часть головы и один его глаз, изображение почти полностью закрывает верхнюю часть картины, оставив место небольшому фрагменту сумрачного неба с летающими птицами. Художник умело создает зрительную иллюзию, при котором задний план становится близлежащим, далеко находящийся мальчик оказывается намного ближе к зрителю, чем остальные персонажи и предметы. В то же время налобник зэрпала, являющийся частью лестницы из связанных между собой деревьев, вынуждает усомниться в близком расположении этого существа.

Рис. 2

В левом нижнем углу изображается рельеф берега с густыми деревьями. Но этот пейзаж имеет и другое прочтение: художником создается вид, напоминающий спину монструозного существа. Так как к зрителю оно повёрнуто спиной, его лица не видно. Но, судя по всему, оно тоже смотрит на рыбаков. Выступающее у обрыва хвойное дерево создает вид торчащего уха этого чудища-великана.

Михайлов В. предполагает, что зэрпалы могли видеть людей не только при бортничестве (по сюжету поэмы Худякова), но и в ряде других ситуаций, например, во время рыбалки. Разведение чудища-монстра и мальчика-зэрпала по разные стороны реки имеет символическое значение: они не являются одними и теми же великанами. Символично и то, что люди на реке, оказавшиеся между чуждыми природными силами, могут объединить в себе черты и тех, и других существ. В. Михайлов не иллюстрирует непосредственно худяковский сюжет, а создает другую возможную ситуацию и изображает ее.

Век Кылдысина, или счастливый период жизни человечества, изображен в третьей главе поэмы М. Худякова и в графической ее иллюстрации (*рис. 3*). Вячеслав Михайлов актуализирует такой возможный эпизод сюжета, когда жницы отдыхают на поле, рассевшись вокруг высокого копна. Женщины эти не ведают забот – босоногие, в белых одеяниях (любимый цвет Кылдысина). Необычность злаковых культур подчеркивается длинными стеблями и высоким их ростом, об этом говорится в последующих частях поэмы:

Рис. 3

Хлеб на нивах колосистых
был в то время много выше,
на соломинке короткой
был роскошный длинный колос.
[Худяков, 2008, с. 54].

На поле светло и солнечно, но, несмотря на это, цвет неба дается в черных красках, светит ночная радуга. Такое наложение друг на друга дня и ночи в один временной интервал обыгрывает опять-таки идею сакрального пространства: в счастливый век Кылдысина любое место, даже поле с урожаем, претендует на роль священного и божественного.

Одна из отдыхающих женщин держит на руках младенца. Дается намек на то, что в недрах утопического золотого века назревают силы, которые призваны разрушить его. «Утопический мир удмуртов оказывается внутренне противоречивым, – отмечают современные исследователи, – порядок, утвержденный богами на земле, таит потенциальные возможности переделки, структурной переорганизации» [Васильев, Шибанов, 1997, с. 14]. По сюжету поэмы, одной из причин ухода Кылдысина от людей является то, что «чистоту соблюсть желая, / стали женщины иныя / собирать пучки колосьев / и, детишек обтирая, осквернять дар Кылдысина» [Худяков, 2008, с. 54]. Из-за этого непослушания небеса, находившиеся «к людям близко», поднялись недосягаемо вверх.

Песнь четвертая «Утраченное счастье» рассказывает о том, как «нарастание отчуждения разрушает модель “божественно-человеческой семьи”» [Васильев, Шибанов, 1997, с. 18], исчезает изобилие продуктов, создаются орудия убийства, появляются болезни. Сжалившись над людьми, Кылдысин дарит им божественный музыкальный инструмент – крезь. Вячеслав Михайлов, иллюстрируя эту главу (*рис. 4*), прибегает к абстрактно-декоративному рисунку, лишенному образов людей. Музыкальный инструмент крезь золотисто-желтого цвета располагается на узорчато оформленной подставке, над ним – изображение солярного знака из удмуртского флага, усеченный наполовину и выполненный в желто-красных цветах; еще выше

Рис. 4

располагается фигурчатое изображение многоцветной ели, поднимающейся в темноту неба. Цветовое оформление дерева перекликается с узором на подставке для крезя. Для «звукового» решения работы (в центре внимания музыкальный инструмент) Вячеслав Михайлов использует контуры черных птиц, крики которых должны контрастировать с божественными мелодиями. Актуализация образов птиц не случайна: «Птица – демиург, птица – музыкальный инструмент выступала посредником между важнейшими структурообразующими ипостасями мироздания, между различными мирами, психологическими состояниями и др.» [Владыкина, 1997, с. 52]. В эти идеи фольклориста о крезе вносится художником новый смысл, подчеркивающий оппозицию гармония – дисгармония.

Пятая песнь М. Худякова посвящена воршуду – божеству, покровителю рода в религиозно-мифологической системе удмуртов. Если в литературном тексте сюжет превращений Кылдысина (белка – рябчик – тетерев – окунь) предполагает временную последовательность, то В. Михайлов по-своему собирает эти образы в символическое единство. Перед нами не просто вещи, лежащие беспорядочно в коробе, хранящемся в святилище.

Эти символы напомнят
век счастливый Кылдысина.
Эти вещи будут «воршуд»,
«воршуд» – это значит «счастье»,
шкурка, крылья, перья, рыбка
будут символами счастья.

[Худяков, 2008, с. 62].

Рис. 5

На рисунке В. Михайлова (*рис. 5*) композиционное единство создается симметричным расположением рябчика и тетерева, они опираются на хвост рыбы, поднимающегося из воды. Между изображениями птиц опускается сверху вниз огромный беличий хвост, украшенный удмуртским орнаментом. Чтобы очертить и выделить головы рябчика, тетерева и белки, художник располагает их на белом фоне овальной формы, символизирующей яйцо. Таким образом, все три яруса мироздания: верхний, средний и низший – оказываются связанными друг с другом, охватывают «все 3 космические сферы: небесную, земную и подземную/водную, которые представляют птица –

белка – рыба (ср. шаманские превращения во время путешествия по мировому древу)» [Владыкин, 1994, с. 284].

По главам шестой («Богатыри Дондинского круга»), седьмой («Калмезские богатыри»), восьмой («Борьба с порами») и девятой («Священная книга») в иллюстрациях Вячеслава Михайлова на первый план выходят образы, непосредственно выделенные М. Худяковым в поэме. Здесь художник менее всего отходит от литературного сюжета и не экспериментирует над образами, а основное внимание сосредотачивает на цветовом решении. В конце XX века облики удмуртских богатырей уже были изображены другим художником Валентином Белых, они были включены в школьные учебники-хрестоматии, поэтому в образе одного из батыров В. Михайлов иронично дает свой автопортрет: рыжеволосый герой-всадник стремится размахнуться мечом, но его сдерживает женская рука. Изображая бурдо-валов (крылатых речных коней), художник на ночном фоне показывает трех разноцветных коней, вставших на дыбы. В рисунке к главе, посвященной священной книге, на передний план вынесен белобородый старик в высокой шляпе, на далеком заднем плане видна голова оленя с рогами:

Путь вёсясь к востоку правит,
вдоль Чепцы идет он кверху.
Путь ему олень чудесный
указует бегом быстрым.

[Худяков, 2008, с. 112].

Вячеслав Михайлов вновь мастерски создает иллюзию: северное животное, находящееся далеко за силуэтами маленьких людей, оказывается на самом переднем плане. Между рогами оленя на ночном небе вырисовываются различные пусы – древние знаки удмуртов, воссозданные большей частью художником Семёном Виноградовым. Читать эти знаки не представляется возможным, но зрителю предложено увидеть в них особую красоту или даже попытаться расшифровать идеи, недосказанные М. Худяковым в эпической поэме, об одной из примечательностей которой писал, в частности, венгерский ученый Петер Домокош: «Представляет интерес также проблематика бывшего удмуртского письма. Буквенные знаки жили в форме родовых знаков, и когда-то была создана книга с применением пусов» [Домокош, 1993, с. 127].

Песнь десятая М. Худякова «Будущие времена» повествует об исчезновении человеческого рода: «Впереди еще мрачнее, / будет новая порода, / с муравьев те люди ростом. / “Пыжики” им имя будет <...> / Им конями мыши будут, / морды пыжиков свиные, / с длинной пастью безобразной. / Так погибнет постепенно / человечья вся порода» [Худяков, 2008, с. 121–122]. Вячеслав Михайлов вновь отходит от худяковского сюжета и создает свою литературную

версию произведения. На его картине (*рис. 6*) – огромное чудовище, голова которого похожа на черную птицу. Подобный мифический образ был написан художником ранее в картинах «Жертвоприношение» (2001) и «Январь» (2005), но теперь рисунок усложнен серией новых образов и загадочных двойных смыслов.

Рис. 6

Чудовище является безусловным воплощением злых сил, оно стоит на черных лапах, утопающих в почве. Пространство между лапами образует контуры постройки, напоминающей куалу – место для моления. Но внешнее очертание этой же куалы, если сосредоточить на нем взор, приводит к противоположной мысли: мощные лапы чудовища – это, возможно, зрительный обман: если бы не было постройки, то не было бы и нижней части туловища. Длинную шею полуптицы также можно объяснить струйкой темного дыма, поднимающегося вверх. Лишь черная голова с красным глазом-месяцем и клювом вынуждают вернуться к первоначальной идее – мифическое существо не является зрительным обманом.

На переднем плане рисунка В. Михайлова стоит жрец-вöсясь в белой одежде, спиной к зрителю, в руках по обе стороны два гуся, предназначенных для жертвы. На уровне пояса чудовища над крышей избы куалы располагаются полукругом девять желто-красных цыплят, символизирующих продолжение

жизни на земле. Если учесть законы перспективы, то реальный размер и рост этих птенцов должен быть намного больше, чем рост старика. Вячеслав Михайлов, с одной стороны, снова изображает далекое как близлежащее, с другой стороны, дает понять зрителю и читателю, что в будущем люди на самом деле могут стать «ростом с муравьев», их «конями мыши будут», как указано в поэме М. Худякова. В то же время, не соглашаясь с пессимистическим финалом эпической поэмы «Песнь об удмуртских батырах», художник предлагает свой путь предотвращения такого трагического финала. В. Михайлов призывает вернуться к истокам, открывает двери куалы перед читателем и зрителем, чтобы найти внутренние силы сохранить идентичность в условиях глобализации.

Заключение

Графические иллюстрации Вячеслава Михайлова показывают, какой богатый эстетический потенциал скрывается в эпической поэме Михаила Худякова «Песнь об удмуртских батырах». Возможность оригинальных толкований связана, с одной стороны, тем, что автор не успел довершить свою работу и вынужден был оставить своему читателю широкий простор для домысливания, с другой стороны, само содержание сюжета и особенно пессимистический финал провоцируют на поиски иных решений при истолковании литературного сюжета. В. Михайлов, вступая в творческий диалог с выдающимся предшественником, выбирает особый способ эстетического моделирования действительности, отличный от прямого копирования изображаемых сцен и словесно описанных героев, что позволяет глубже взглянуть на худяковский эпос.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Ванюшев В.М. Об удмуртском героическом эпосе // Дорвыжы: Удмуртский героический эпос. Ижевск: Удмуртия, 2008. С. 16–30.

Васильев С.Ф., Шибанов В.Л. Под тенью зэрпала (дискурсивность, самосознание и логика истории удмуртов). Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1997. 304 с.

Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 384 с.

Владыкина Т.Г. Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики. Ижевск: Удм. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН, 1997. 356 с.

Домокош П. История удмуртской литературы / пер. с венг. В. Васовчик. Ижевск: Удмуртия, 1993. 448 с.

Золотухин А.В. Предисловие // Вячеслав Михайлов: альбом. Ижевск: Удмуртия, 2009. С. 5–26.

Ингарден Р. Исследования по эстетике / пер. с пол. А. Ермилова и Б. Фёдорова. М.: Изд-во иностранной лит., 1962. 572 с.

Нигматуллина Ю.Г. «Запоздалый модернизм» в татарской литературе и изобразительном искусстве. Казань: Фэн, 2002. 176 с.

Худяков М.Г. Дорвыжы: удмуртский героический эпос / под ред. В.М. Ванюшева. Ижевск: Удмуртия, 2008. С. 31–123.

Шутова Н.И. Сакральное пространство и культовые памятники // Удмуртская мифология / под. ред. В.Е. Владыкина. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2004. С. 36–53.

Victor Shibanov

MIKHAIL HUDYAKOV'S EPIC POEM 'SONG ABOUT THE UDMURT BATYRS' IN THE INTERPRETATION OF THE ARTIST VYACHESLAV MIKHAILOV

Introduction. The article is devoted to identifying the specifics of Mikhail Hudyakov's epic poem 'Song about the Udmurt Batyrs', also to the illustrations of the artist Vyacheslav Mikhailov special attention is paid.

The purpose of the article is to analyze the specific features of Hudyakov's poem, which the artist brings to the forefront of his paintings, in comparison with the literary plot. **Materials and methods.** The main research method is problem-thematic using techniques of receptive poetics. **Research results, discussion.** The literary theme in Mikhailov's graphic works either illustrates the text of the poem or offers the viewer new plot moves. The drawings for the beginning and end of the epic stand out especially. The artist actualizes sacred space in different forms; day and night coexist side by side. At the end of the poem, the author creates an evil mythical creature that is not typical of the Udmurt worldview. **Conclusion.** V. Mikhailov chooses a special method of aesthetic modeling of reality, which allows us to take a deeper look at the sacred space of the epic.

Keywords: Udmurt poetry; epic poem; Mikhail Hudyakov; Vyacheslav Mikhailov; literary plot of the picture; sacred space.

REFERENCES

Vanyushev V.M. Ob udmurtskom geroicheskom epose [About the Udmurt heroic epic]. Hudyakov M. G. Dorvyzhy: udmurtskij geroicheskij epos [Dorvyzhy: Udmurt heroic epic]. Izhevsk, Udmurtiya, 2008, pp. 16-30. (In Russian).

Vasiliev S.F., Shibanov V.L. Pod ten'ju zerapala (diskursivnost', samosoznanie i logika istorii udmurtov) [Under the shadow of zerpal discursivity, self-awareness and logic of the history of the Udmurts)]. Izhevsk, Udmurtskij universitet, 1997, 304 p. (In Russian).

Vladykin V.E. Religiozno-mifologicheskaya kartina mira udmurtov [Religious and Mythological World View of the Udmurts]. Izhevsk, Udmurtiya, 1994, 384 p. (In Russian).

Vladykina T.G. Udmurtskiy fol'klor: problemy zhanrovoy evolutsii i sistematiki [Udmurt Folklore: Problems of Genre Evolution and Systematics]. Izhevsk, Udmurtskiy institut istorii, yazyka i literatury Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk, 1997, 356 p. (In Russian).

Domokos P. Istoriya udmurtskoy literatury [History of Udmurt Literature]. Izhevsk, Udmurtiya, 1993, 448 p. (In Russian).

Zolotuhin A.V. Predisloviye [Preface]. Vyacheslav Mikhailov [Vyacheslav Mihailov]. Izhevsk, Udmurtiya, 2009, pp. 5-26. (In Russian).

Ingarden R. Issledovaniya po estetike [Aesthetics Research]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoy literatuty, 1962, 572 p. (In Russian).

Nigmatullina Yu.G. 'Zapozdalyi modernism' v tatarskoy literature i izobrazitel'nom iskusstve ['Belated modernism' in Tatar Literature and Fine Arts] Kazan, Fan, 2002, 176 p. (In Russian).

Hudyakov M.G. Dorvyzhy: udmurtskiy geroicheskiy epos [Dorvyzhy: Udmurt Heroic Epic]. Izhevsk, Udmurtiya, 2008, pp. 31-123. (In Russian).

Shutova N.I. Sakral'noye prostranstvo i kul'tovyje pamyatniki [Sacral space and cult places]. Udmurtskaya mifologiya [Udmurt mythology]. Izhevsk, Udmurtskiy institut istorii, yazyka i literatury Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk, 2004, pp. 36-53. (In Russian).

Шибанов Виктор Леонидович
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН,
г. Ижевск
e-mail: shibvik@rambler.ru

Victor Shibanov
Candidate of Philological Sciences,
Senior Researcher
of Udmurt Federal Research Centre
of the Ural Branch of the Russian Academy
of Sciences,
Izhevsk
e-mail: shibvik@rambler.ru

ИСТОРИЯ И ЭТНОЛОГИЯ

УДК 94(470.343)
DOI 10.51254/2312-0312-2024-2-66-78-94

ПРЕДПОСЫЛКИ ОСНОВАНИЯ ПЕРВЫХ ГОРОДОВ В МАРИЙСКОМ КРАЕ

© 2024 г. А.Г. Бахтин

Введение. В статье рассматриваются предпосылки возникновения первых городов в Марийском крае, политические условия, способствовавшие их появлению. **Цель статьи** – проанализировать обстоятельства и предпосылки возникновения первых русских городов-крепостей на территории Марийского края в XVI веке. **Материалы и методы.** Известия о появлении первых городов в Марийском крае содержатся в летописях, разрядных и посольских книгах. Привлекались также сочинения иностранцев и археологические материалы. Для анализа имеющейся информации применялся сравнительно-исторический метод. **Результаты исследования, обсуждения.** Социально-политическое развитие марийского общества привело к появлению союзов племен, близко подошедших к возникновению государства и появлению городов, некоторые городища в исторической перспективе могли стать городами. Однако противостояние русских княжеств, с одной стороны, и государств Волжская Булгария, Золотая Орда, Казанское ханство, с другой, не дали возможности естественного политического развития. Противоборствующие стороны опирались на крепости. Все больше их появлялось вблизи марийской территории. В ходе присоединения края русские города-крепости утверждались в крае как административные и военные опорные центры. **Заключение.** Появление городов-крепостей в Марийском крае было обусловлено нестабильной политической обстановкой на вновь присоединенных территориях. Их возникновение способствовало укреплению власти русского царя на марийских землях и прекращению восстаний местного населения.

Ключевые слова: марийское население; присоединение Марийского края к России; черемисские войны; предпосылки; градостроительство; воеводы; походы; Свияжск; Царев город на Кокшаге; Кокшайск; Козьмодемьянск; Царевосанчурск; Яранск.

Введение

В истории человечества поселения прошли путь от первобытных стоянок до многомилионных мегаполисов. В Марийском крае также временные поселения сменялись более-менее постоянными деревнями, затем появились городища, следующим этапом стало возникновение городов, однако создавались они как русские крепости.

Цель статьи

Социально-политическое развитие марийского общества в XV–XVI веках испытывало сильное внешнее влияние. Появившиеся племенные центры в форме острогов-городищ не смогли стать городами. Возникновение первых городов вблизи и в Марийском крае связано с политическим соперничеством русских княжеств с Волжской Булгарией, Золотой Ордой, Казанским ханством. Целью статьи является выяснение предпосылок создания первых городов на территории края.

Материалы и методы

Информация о появлении первых городов на территории Марийского края содержится в летописях, разрядных книгах, дипломатических документах. Также могут быть использованы археологические материалы и сочинения иностранцев. Методом комплексного анализа всей доступной информации есть возможность выявить предпосылки начала градостроительства в крае.

Результаты исследования, обсуждения

Город Йошкар-Ола находится в самом центре Республики Марий Эл. По археологическим находкам можно полагать, что человек впервые появился в районе современного города Йошкар-Олы в мезолите (среднекаменный век), приблизительно в V тысячелетии до нашей эры. Следы деятельности древних людей выявлялись на территории города и близ его, часто возле реки Малая Кокшага. Это костяные и каменные орудия труда: гарпуны, скребки, тёсла, проколки, топоры, наконечники стрел, керамика. На берегу обнаружены следы поселений периода неолита (новокаменный век). Тут обитали люди балахнинской культуры с ямочно-гребенчатой керамикой. В энеолите (меднокаменный век) в начале II тысячелетия до нашей эры сюда пришло население волосовской культуры. Об этом свидетельствуют характерная керамика с зубчатым штампом и каменные орудия. Их сменило индоевропейское население балановской культуры. Принадлежащие им кремневый наконечник дротика, топоры, долото и нож обнаружены у д. Данилово, на берегах рек Малая Кокшага, Ошла, Манага. Через несколько столетий с юга появились ираноязычные абашевские племена, имевшие развитую металлургию, совершенные орудия труда и оружие. Их могильники располагаются рядом с Туруновским кладбищем и у деревни Пеленгер недалеко от города. Возле Кокшаги в черте города найдена керамика эпохи бронзы. Есть следы

пребывания человека и в раннем железном веке. В I тысячелетии до нашей эры здесь появились ананьинцы, возле д. Данилово найден принадлежащий им топор-кельт, потом пришли азелинцы, оставившие следы своего нахождения [Патрушев, 1987; Никитин, 2009, с. 282–283].

В V–VII веках к западу от современной территории Республики Марий Эл начался процесс этногенеза древнемарийского народа. С VIII века под давлением славян и славянизированных финно-угров (мордвы, мещеры, мери) марийцы отступают на восток и начинают заселять Ветлужско-Вятское междуречье, вытесняя проживавших там ранее предков удмуртов, коми, ненцев, а также иные финно-угорские и самодийские племена. В XV–XVI веках марийцы освоили всю территорию современной республики, соперничали с удмуртами возле Вятки, проникли в Закамье на р. Белая, заложив основу восточной группе мари.

Особенности хозяйства не способствовали полной оседлости, и марийцы в IX–XVI веках расселялись небольшими временными поселениями из двух-трех дворов. В них, удаленно от других поселений «илемов» на километры, проживали большие патриархальные семьи. Не удивительно, что иностранцы, посещавшие край, не отмечали наличие селений у марийцев [Герберштейн, 1988, с. 164, 169; Описание России … , 1826, ч. 7, № 1, с. 64]. Николаас Витсен, побывавший с голландским посольством в России в 1664–1665 годах, писал: «...хотя эти черемисы живут в домах, они всё же не имеют деревень. Каждый строит себе жилище в лесу, так далеко от других, что даже не могут перекликаться» [Витсен, 2010, т. 2, с. 773].

Повышение производительности труда способствовало появлению излишков, которыми время от времени желали завладеть соседи. Необходимость защищаться от врагов привела к возникновению укрепленных поселений. Еще во II тысячелетии до нашей эры племена чирковской культуры первыми в Среднем Поволжье вынуждены были прибегнуть к строительству городищ. Они выбирали естественно укрепленные места, обычно мысы возле реки, и дополняли их земляным валом, рвом и деревянными стенами (чаще всего частоколами), особенно с напольной стороны. Внутри строили полуземлянки и срубные дома. Однако жить в удаленно расположенных от воды и, как правило, небольших по площади укреплениях было неудобно. Люди предпочитали большую часть времени находиться в неукрепленных селищах рядом с крепостями.

В раннем железном веке с учащением войн роль городищ возрастает. При появлении врагов люди укрывались за крепостными стенами. Использовали такую форму поселений и марийцы, археологами обнаружено более 20 городищ. Особенно много их возникло в Поветлужье и на правом берегу Вятки [Финно-угры … , 1987, с. 108–109]. Казанский летописец сообщает

о черемисских острогах и крепях недалеко от Казани [Казанская история, 1954, с. 131–132]. На архитектуру марийских острогов сильно влияли русские и булгаро-татарские строительные традиции. Остроги становятся племенными центрами. Самым значительным является Важнангерское (Мало-Сундырское) городище, известное еще и как Аламнер (город на горе) в Горномарийском районе Республики Марий Эл. Оно занимает площадь около 5,7 гектаров. Ров и вал в высоту и глубину составляли 9 метров. По гребню вала шла стена из бревен высотой более 2 м, имелись проездные ворота и угловые башни. Существовали хозяйственные и жилые постройки. Дома срубные, квадратной формы площадью от 20 до 30 м^2, нижними венцами заглублены в землю. Есть и полуземлянки. Отапливались жилища печами. На городище совершались культовые обряды, обнаружены жертвенники [Никитина, 2006]. Столь же значимым по фольклору предстает Малмыжское городище, являвшееся центром одноименного «княжества». Там держал оборону и погиб легендарный марийский «князь» Болтуш (Полтыш) [Полтыш … , 2003].

Однако в города марийские укрепленные поселения не превратились, так как не выполняли в полной мере роль административных, военных, экономических, культурных и религиозных центров. На том же Аламнере культурный слой слабый, люди в большом количестве и постоянно там не жили, расселяясь по селищам в округе. Марийцы не успели консолидироваться и создать собственное государственное образование, дальше союзов племен дело не пошло. Переход к феодализму к середине XVI века марийское общество не завершило, так как еще только формировались раннефеодальные отношения. Существенно сдерживало социально-политическое развитие противоборство феодальных государств Волжской Булгарии, Золотой Орды, Казанского ханства, с одной стороны, и русских княжеств с другой, в сфере влияния которых находился марийский народ. Аламнер в перспективе мог превратиться в город, но на рубеже XIV–XV веков он подвергся разрушению. Летописи отмечают как раз в это время активизацию на Волге новгородских ушкуйников. Их походы происходили в 1360, 1366, 1368–1371, 1374, 1386, 1392 и 1409 годах [ПСРЛ. т. XI, с. 20; т. XV, с. 106; т. XXV, с. 189]. Одновременно с наступлением в Золотой Орде «великой замятни» с юга вторгались ордынские татары. Летописи сообщают, что в 1377 году хан Арабшах разорил Засурье [ПСРЛ, т. XXVIII, с. 79]. С появлением артиллерии марийские крепости окончательно утратили оборонительное значение. Городище Аламнер было покинуто без боя и сгорело. В XV–XVI веках оно функционировало уже только как сторожевой пост и место совершения культов.

Но городов вокруг Марийского края становилось всё больше. Это были Казань, Арск, Хлынов, Котельнич, Слободской, Орлов, Галич, Нижний Новгород, Курмыш, Васильсурск.

Появление городов на марийской земле связано с противостоянием Московского государства и Казанского ханства. Ханы, эмиры и мурзы хотели проводить в отношении русских княжеств унаследованную еще от Золотой Орды политику – пытались взимать дань, а не получая ее, совершали вторжения, захватывали пленных и с выгодой продавали в рабство в восточные страны. Немало русских пленников оставалось и в самом ханстве. В грабительские набеги были вовлечены марийцы. Усилившееся и собравшее под свою власть русские земли Московское княжество получило возможность положить конец вторжениям беспокойного соседа. Между Москвой и Казанью с переменным успехом велись частые войны. В ходе очередной войны с Казанью великий князь Василий III в 1523 году приказал на марийской земле поставить город Васильсурск. Он должен был служить охране границы и выполнять роль базы при наступлении на Казань в предстоящих конфликтах [ПСРЛ, т. VI, с. 264, 281; т. VIII, с. 270; т. XIII, с. 43–44; т. XXII, ч. 1, с. 538; Герберштейн, 1988, с. 176]. Местом строительства выбрали правый высокий казанский берег Суры на месте впадения ее в Волгу, так как левый низменный русский берег заливался во время половодий и не имел естественных условий для возведения там крепости. При этом воеводы проживающую рядом «мордву и черемису казанскую за государя всея Руси к шерти привели» [РГАДА, ф. 201, № 42, л. 20; Тихомиров, 1930, ч. 2, с. 110].

В 1550 году после очередного неудачного похода на Казань царем Иваном IV в 30 верстах от Казани на Горной стороне в устье Свияги решено было возвести новую крепость как военную базу, чтобы «тесноту бы учинити казаньской земле» [ПСРЛ, т. XIII, с. 159, 461; т. XX, ч. 2, с. 477; т. XXIX, с. 59]. Зимой близ Углича под руководством дьяка И.Г. Выродкова срубили город. Как только вскрылись реки, его разобрали и на судах доставили к месту строительства. Там под защитой войск с 24 мая по 30 июля возвели город, получивший название Свияжск. Сооружение крепости создало условия для мирного присоединения населения Горной стороны к Русскому государству и окончательной победы над Казанским ханством. 2 октября 1552 года после долгих ожесточенных боев и штурма Казань пала.

В 1552–1592 годах марийцы сражались за свою самостоятельность и против усиливающегося феодального гнета. Эти трагические события получили у современников наименование «черемисских войн». В борьбе с повстанцами использовались военные, экономические и дипломатические средства. Царское правительство проводило карательные походы в охваченные восстаниями районы и вступало в переговоры с лидерами восставших, одаривало подарками, предоставляло амнистию и льготы, обещало справедливо решать возникающие проблемы. Военной силой и путем переговоров удавалось прекращать восстания, но потом они вспыхивали вновь. Самые крупные

выступления произошли в 1552–1557, 1560, 1571–1574, 1581–1585 и 1591–1592 годах.

Действенным средством в борьбе против повстанцев стало возведение крепостей в стратегически важных районах. Программа строительства городов-крепостей в бывшем Казанском ханстве была выработана правительством Ивана Грозного к началу 1570-х годов. В жалованной уставной грамоте волостям Казанской земли от 9 февраля 1574 года указывается: «И городы и остроги по моему цареву и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии и моих детей, царевича Ивана и царевича Фёдора, указу ставити» [История Марийского края … , 1992, с. 49]. Русские дипломаты, желая указать на твёрдое положение царской власти на вновь присоединенных территориях, в переговорах за границей часто говорили, что государь «по Волге и по Каме по реке и на Луговой стороне многие городы поставил…» [РГАДА, ф. 79, кн. 15, л. 608; кн. 16, л. 363].

Города строились для распространения и укрепления на присоединенной территории власти русского царя. Хотя 10 октября 1552 года на встрече с царем представители татар, удмуртов и марийцев и признали себя подданными и обязались быть верными и платить налоги, просили «чтобы им государь милость показал, а они всею землею государю бьют челом и ясаки дают» [ПСРЛ, т. XIII, с. 221, 515–516; т. XX, ч. 2, с. 532; т. XXIX, с. 110], последующие события показали, что это совсем не так. С большим трудом к маю 1557 года удалось подавить мощное восстание луговых марийцев, татар и удмуртов, известное как Первая черемисская война. Выступления происходили и потом, несмотря на новые челобитья и изъявления покорности. Пока территории расселения марийцев оставались неподконтрольными, нельзя было быть уверенными в продолжительном мире.

И хотя русские дипломаты после подавления восстания 1552–1557 годов часто заявляли иностранцам, что «казанские люди лутчие, их князи и мурзы и казаки, которые лихо делали, все извелися, а черные люди все с одного в холопстве учинилися» [ПСРЛ, т. XIII, с. 282; т. XX, ч. 2, с. 583; Сб. РИО, 1887, т. 59, ч. 2, с. 526], по результатам переговоров с повстанцами во главе марийских племен часто оставались те же самые вожди, которые руководили марийцами во время восстаний. Этому способствовало то, что восстание прекращалось не вследствие полного разгрома марийских повстанцев, а в результате переговоров. Это позволило сохранить марийцам определенную самостоятельность в своих волостях. В то же время русское правительство пыталось найти опору в лице авторитетных представителей знати народов Поволжья. Царская администрация предполагала максимально опираться в управлении Средним Поволжьем на местные традиции. В низшем звене управления сохранился привычный для местного населения институт старост,

сотников, пятидесятников и десятников. Признав власть царя, «лутчие люди» выполняли распоряжения администрации, организовывали сбор налогов и выполнение повинностей, отправлялись во главе ополчений в военные походы, оказывали содействие в судебно-следственных делах и т.п. [Алишев, 1990, с. 188]. Вплоть до конца 1574 года, когда завершилась Вторая черемисская война, в Марийском крае не было представителей царской администрации. В 1580 году луговые марийцы сообщали ногайцам о том, что к ним только недавно поставлены «сторожи» [РГАДА, ф. 127, кн. 9, л. 152–153 об., 160].

Однако «лутчие люди» следовали в первую очередь своим собственным целям и интересам единоплеменников, которые их избирали на эти должности. В фарватере политики властей они шли пока интересы не расходились диаметрально или выжидали удобного момента для выступления и очередной попытки освободиться. Это означало, что русские воеводы не могли быть уверены в лояльности марийских предводителей. В любой момент они могли изменить и поднять восстание. Такими были авторитетные марийские вожди Кочак Мамич-Бердеевич, Адай Шамаршинский и другие. Они ходили в походы против врагов России. Кочак отличился при разгроме проникшего на Горную сторону в 1558 году крымского отряда: «горние люди Кочак князь с товарыщи, собрався, побили на голову и полон весь отполонили» [ПСРЛ, т. XIII, с. 305; т. XX, ч. 2, с. 599]. Немецкий ученый на русской службе Иоганн-Готлиб Георги, посетивший в середине 1770-х годовПоволжье, называл Адая Шамаршинского весьма подобострастным и покорным российскому престолу храбрым владетелем, считал его марийским ханом [Георги, 1776, ч. 1, с. 30]. Но эти же вожди вели переговоры с крымским ханом, готовили и возглавляли восстания. Крупное выступление произошло в 1560 году. Для его прекращения пришлось организовать большой поход с привлечением войск из центра [РК, 1475–1605 гг., 1981, т. 2, ч. 1, с. 86–87]. Писцовые книги сообщают о постоянных нападениях луговых и кокшайских черемис на служилых татар и чуваш, которые вынуждены были укрываться в Казани [Писцовые книги ... , 1932, вып. 2, с. 48, 52]. О слабости царской власти в Марийском крае свидетельствует продолжение практики грабительских набегов марийских отрядов на русские территории. Галицкий летописец сообщает, что в 1568 году к Галичу «приходила пешая черемиса», при отражении набега погиб воевода Василий Фёдорович Чюредов [Кунцевич, 1905, с. 603]. Немец, опричник Генрих Штаден пишет, что «от луговой и нагорной черемисы» частым ограблениям подвергались проплывавшие по Волге суда [Штаден, 1925, с. 98].

Для контроля за территорией и населением следовало создать не только по периметру, но и внутри края крепости. Только тогда можно было уверенно проводить в присоединенном крае правительственную политику по интеграции его в состав Российского государства. Однако недостаток сил

и средств и опасение новых восстаний сдерживали меры по усилению царской власти в крае. Марийцы готовы были отстаивать свою самостоятельность, поднимались на восстания, как только чувствовали вероятность успеха при ослаблении центральной власти из-за военных поражений в Ливонской войне и противоборства с крымскими татарами, а также при получении из Крыма и Ногайской Орды обещаний в оказании помощи, которая чаще всего оказывалась мизерной или эфемерной.

Новые русские города были изначально совсем небольшими, охватывали площадь в полтора–два-три гектара. Однако это были хорошо укреплённые поселения с рвами, валами и построенными из сосновых и дубовых брёвен городнями крепостных стен с башнями и проездными воротами. Крепости возводились с учетом ландшафта, брались во внимание естественные природные препятствия. Есть основания полагать, что вокруг городов, на расстоянии приблизительно в пять верст, возводились охраняемые засеки, хорошо себя показавшие на засечных чертах южной границы России. Они исключали возможность неожиданного появления противника у города. В Отказной книге подьячего Никиты Холкина по Царевококшайскому уезду под 1644 году от деревни Вараксино вверх по Кокшаге возле деревни Княжна упоминается засека [Айплатов, т. I, с. 99]. Скорее всего, ее создали вскоре после основания Царева города на Кокшаге. Под защитой засеки поселились крестьяне дворцовой деревни Княжна, они же, очевидно, и занимались поддержанием ее в порядке.

Мощные укрепления и хорошо подготовленный и вооруженный, даже малочисленный, гарнизон был в состоянии с успехом отражать любые атаки. Восставшие марийцы, как и их союзники из татар, удмуртов и ногайцев, не обладали умением штурма городов, не имелось у них и необходимого вооружения. Обычно восставшие ограничивались блокадой крепостей, попытки атаковать города заканчивались неудачно и большими потерями. Русские же воины, находясь за крепостными стенами и обеспеченные боевыми и съестными припасами, могли чувствовать себя уверенно и сами осуществляли успешные вылазки далеко за пределы крепости. Отмечая значение строительства Свияжской крепости, Казанский летописец написал: «И от сего прияша вся воя руская известно дерзновение на враги своя казанцы и на всю черемису их» [Казанская история, с. 88]. Налажено было и взаимодействие. Крепости возводились с таким расчетом, чтобы за день отряды могли перейти из одной в другую и оказать помощь. Наличие крепостей на охваченной восстанием территории давало властям возможность подготовиться к его подавлению и служило опорой. Крепости контролировали основные сухопутные и водные пути и значительную территорию. Возведение крепостей помогало удерживать местное население от участия в восстаниях.

Показательно, что после строительства Козьмодемьянска, Царева города на Кокшаге и Царевосанчурска вплоть до Смутного времени крупных выступлений не происходило. Четвертая черемисская война 1591–1592 годов продолжалась всего несколько месяцев и охватила лишь 12 волостей. Примечательно, что восставшие ограничились только разорением окрестностей городов и рассеялись сами до прихода правительственных войск [РК, 1475–1605 гг., 1989, т. 3, ч. 3, с. 25; Масса, 1937, с. 36].

В ходе подавления каждого крупного восстания появлялись новые крепости. В 1555 году построили Чебоксары. В апреле–мае 1574 года в устье рек Большой Кокшаги и Малой Кокшаги возвели первый на территории современной Республики Марий Эл город Кокшайск. Его строили Василий Власьев и Афанасий Есипов. Охраняли строительство и остались на воеводстве князья Андрей Дмитриевич Палецкий и Яков Гаврилович Наумов [РК, 1475–1605 гг., 1982, т. 2, ч. 2, с. 367–368]. В 1580 году возвели крепость Малмыж на Вятке.

Несколько городов построили в ходе Третьей черемисской войны 1581–1585 годов, тогда «завоевалася з государем черемиса накрепко» [Корецкий, 1981, с. 240; Тихомиров, 1951, т. 7, с. 228]. Восставшие «воздвигоша рать и плениша многие городы… пришедше на пределы Российского государства, якоже и прежде, пленующе намнозе», – сообщает летописец. Карательные походы не всегда были успешны, восставшие «побиваху московских людей, овогда на станах, овогда на походех; бояре же и воеводы не можаху их обратити» [ПСРЛ, т. XIV, с. 3, 34]. Срочно требовалось возвести новые крепости.

В июне–июле 1583 года в землях горных марийцев во время похода войск под предводительством Ивана Самсоновича Туренина и Дмитрия Андреевича Замыцкого поставили Козьмодемьянск. Название города, скорее всего, приурочено к празднованию дня Космы и Дамиана 1 июля, который пришелся на период строительства [РК, 1559–1605 гг., 1974, с. 195; Сануков, 2008, с. 8–23].

Но важно было поставить крепость в центре марийских земель, «от которых всё воровство сталось». Согласно летописи, Иван Грозный «в лето 7091 (1583) повеле поставити на Волге град Кокшайской» [Тихомиров, 1941, № 10, с. 93]. Место будущего города было известно русским воеводам начиная с 1555 года, когда войска зашли в центр марийских земель «в волость в Ошлу» и разорили вокруг 25 волостей [ПСРЛ, т. XIII, с. 246; т. XX, ч. 2, с. 553; XXIX, с. 232], многие из которых локализуются вблизи Йошкар-Олы [Бахтин, 2019, с. 100–114]. Приходили воеводы в эти места и позднее. Во время зимнего похода 1583–1584 годов, очевидно, было выбрано место заложения нового города. Царь Иван Грозный скончался 18 марта 1584 года, и реализация плана градостроительства осуществлялась уже при его преемнике Федоре. Н.М. Карамзин отмечал, что глава правительства «Борис велел строить

крепости на Горной и Луговой стороне Волги, Цивильск, Уржум, Царев-город на Кокшаге, Санчурск и другие, населил оные россиянами, и тем водворил тишину в сей земле, столь долго для нас бедственной» [Карамзин, 1989, кн. 3, т. 10, с. 15, прим. 30].

Летописи, разрядные книги и археологи свидетельствуют, что центр Марийского края в XVI веке был заселен. На Кокшагу и Ошлу осуществлялись неоднократные походы царских войск. В близи и на месте будущего города упоминается несколько марийских волостей: Кукшули, Кухтуял Кокшах, Мазары, Монам, Ошли, Улыязы, Хозякова, Тутаева [Бахтин, 2019, с. 100–114]. К.Н. Сануков полагал, что на месте будущего города могло находиться марийское поселение, являвшееся территориально-религиозным и общественно-организационным центром земляческой территориальной группы, резиденцией представителя местной патриархально-родовой верхушки [Сануков, 2020, с. 12]. Археолог В.С. Патрушев в 1979 году возле Русского драматического театра обнаружил два фрагмента типичной лепной марийской керамики [Патрушев, 1987, с. 63; 2009, с. 37]. Однако они могут быть датированы также и концом XVI и XVII веком. Даже если керамика и более ранняя, это еще не дает надежных оснований утверждать существование на месте будущего города марийского поселения. Культурный слой дорусского периода в черте города не выявлен [Гордеев, 2004, с. 68; Археологическое изучение … , 2014, с. 162]. Пока не удалось обосновать присутствие марийского населения на территории города ранее 1584 года.

В августе 1584 года на среднее течение Малой Кокшаги прибыло русское войско. «И тогды были воеводы по полком: в Большом полку окольничей и воевода князь Дмитрей Петрович Елецкой да Микифор Павлов сын Чебчюгов; в Передовом полку Роман Михайлов сын Пивов да Фёдор Ельчанинов; в Сторожевом полку князь Иван, князь Михайлов сын Борятинской да Василей Биркин» [РК, 1475–1598 гг., с. 346; 1475–1605 гг., т. 3, ч. 2, с. 38; 1559–1605 гг., с. 213]. Уже в последних числах месяца были возведены укрепления и необходимые строения внутри нового города. 22 ноября в Посольском приказе дали наказ отъезжающим в Польшу послам Ф.М. Троекурову и М.А. Безнину. Они должны были отвечать на возможный вопрос о ситуации в марийских землях, что «государь наш посылал воевод своих князя Дмитрея Петровича Елецкого с товарыщи те волости укрепити и воров сыскав перевешати. И государя нашего воеводы тех волостех изменников всех сыскав казнили, а в большой волости в Тутаеве, от которой все воровство ставилось, город поставили» [РГАДА, ф. 79, кн. 15, л. 427–427 об.; Карамзин, 1989, кн. 3, т. 10, прим. 30].

Кого-либо выселять с места предстоящего строительства вряд ли пришлось, если даже там или рядом и проживало марийское население, оно

должно было покинуть место при приближении войск. Имевшаяся рядом река и озеро обеспечивали город водой, рыбой и давали возможность передвижения, в лесах было полно дичи, ягод, грибов. Водный рубеж облегчал возведение оборонительных сооружений. Строительным материалом снабжали дубовая и сосновая рощи, находящиеся тут же.

В октябре и ноябре приговорили бояре послать князя Ивана Андреевича Ноготкова-Оболенского с войском «в новой Царев город с нарядом и з запасы». Его назначили первым воеводой в новом городе [РК, 1475–1605 гг., т. 3, ч. 2, с. 47; 1475–1598 гг., с. 349]. Царевосанчурск основали в январе–феврале 1585 года, Яранск – в 1591 году, Уржум – в 1595 году.

Заключение

Александр Келлер в 1837 году писал о Царевококшайске: «Две старинные крепостцы, кои как видно из остатков земляных валов, с вырытыми около оных сухими небольшими рвами, при коих были и деревянные стены с башнями, ныне уже не существующими, – служат доказательством, что город Царевококшайск построен был для усмирения черемис… Первоначально Царев город был ничто иное, как крепостца, или острожек, служивший для усмирения беспокойных черемис луговой стороны Волги, подстрекаемых к бунтам смежными татарами Казанского и других уездов» [Келлер, 2013, с. 38].

Предпосылкой возникновения городов стала необходимость закрепления новых территорий за Россией. Завершение строительства сети крепостей совпало с окончанием сложного процесса присоединения Марийского края к Российскому государству.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.
РГАДА – Российский государственный архив древних актов.
РК – Разрядная книга.
Сб. РИО – Сборник Российского императорского исторического общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Айплатов Г.Н. Марийский край в XVII веке. Сб. документов и материалов. Писцовые и переписные книги. Т. I // НРФ МарНИИ. Оп. 1. Д. 396.

Алишев С.Х. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. XVI – начало XIX в. М.: Наука, 1990. 270 с.

Археологическое изучение Йошкар-Олы – Царевококшайска (к 430-летию города). Йошкар-Ола: ОО ИПФ «Стринг», 2014. 180 с.

Бахтин А.Г. Марийские сотни-волости XVI века // Марийский архивный ежегодник – 2019. С. 72–84.

Витсен Н. Северная и Восточная Тартария: В 3-х т. Амстердам: Pegasus, 2010. Т. 2. С. 625–1225.

Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд, и прочих достопамятностей. СПб., 1776. Ч. 1. О народах финскаго племени. 76 с.

Герберштейн С. Записки о Московии. М.: МГУ, 1988. 430 с.

Гордеев В.И., Павленко Ю.А. Малый город Поволжья в позднем средневековье. Йошкар-Ола, 2004. 272 с.

История Марийского края в документах и материалах. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1992. Вып. 1. Эпоха феодализма. 564 с.

Казанская история / под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: АН СССР, 1954. 194 с.

Карамзин Н.М. История государства Российского. М.: Книга, 1989. Кн. 3. Т. 10. 732 с.

Келлер А.А. Статистическое описание Царевококшайского уезда Казанской губернии. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ; Нац. библиотека им. С.Г. Чавайна, 2013. 154 с.

Корецкий В.И. Соловецкий летописец XVI в. // Летописи и хроники – 1980. М., 1981. С. 223–243.

Кунцевич Г.З. История о Казанском царстве или Казанский летописец. СПб., 1905. 682 с.

Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937. 208 с.

Никитин В.В. Археологическая карта Республики Марий Эл. Йошкар-Ола: Изд-во ОАО «Марийский полиграфическо-издательский комбинат», 2009. 416 с.

Никитина Т.Б., Михеева А.И. Аламнер: мифы и реальность (Важнангерское (Мало-Сундырское) городище и его округа). Йошкар-Ола, 2006. 196 с.: ил.

Описание России, изданное в 1630 году, в Голландии // Московский телеграф. 1826. Ч. 7. № 1. С. 52–64.

Патрушев В.С. Древности Йошкар-Олы: итоги и перспективы археологических исследований // Города Среднего Поволжья: история и современность (к 425-летию города Йошкар-Олы): сб. ст. межрегион. науч.-практ. конф. (г. Йошкар-Ола, 30 окт. 2009 г.). Йошкар-Ола, 2009. С. 36–44.

Патрушев В.С. Из прошлого нашей столицы (Археологические очерки о Йошкар-Оле и Марийском крае). Йошкар-Ола, 1987. 78 с.

Писцовые книги города Казани 1565–1568 гг. и 1646 г. Л., 1932. Вып. 2. Материалы по истории Татарской АССР. 209 с.

Полное собрание русских летописей. Т. VI. СПб., 1853. 358 с.

Полное собрание русских летописей. Т. VIII. СПб., 1859. 302 с.

Полное собрание русских летописей. Т. XI. М., 1965. 254 с.

Полное собрание русских летописей. Т. XIII. М., 1965. 534 с.

Полное собрание русских летописей. Т. XIV. М., 1965. 278 с.

Полное собрание русских летописей. Т. XV. М., 1963. 504 с.

Полное собрание русских летописей. Т. XX. Ч. 2. СПб., 1914. С. 419–686.

Полное собрание русских летописей. Т. XXII. Ч. 1. СПб., 1911. 570 с.

Полное собрание русских летописей. Т. XXV. Л., 1949. 464 с.

Полное собрание русских летописей. Т. XXVIII. М.; Л., 1963. 412 с.

Полное собрание русских летописей. XXIX. М., 1965. 390 с.

Полтыш – князь черемисский. Малмыжский край / сост. В.Н. Козлов. Йошкар-Ола, 2003. 440 с.

Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. 614 с.

Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1981. Т. 2. Ч. 1. 220 с.

Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1982. Т. 2. Ч. 2. С. 221–440.

Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1987. Т. 3. Ч. 2. 236 с.

Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1989. Т. 3. Ч. 3. 228 с.

Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974. 436 с.

Российский государственный архив древних актов. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Кн. 15. 841 л.

Российский государственный архив древних актов. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Кн. 16. 439 л.

Российский государственный архив древних актов. Ф. 127. Сношения России с ногайскими татарами. Кн. 9. 333 л.

Российский государственный архив древних актов. Ф. 201. Рукописное собрание М.А. Оболенского. № 42. 63 л.

Сануков К.Н. Основание города Козьмодемьянска // Козьмодемьянск 1583–2008. Йошкар-Ола, 2008. С. 8–23.

Сануков К.Н. Царевококшайск: основание города // Навсегда у меня в сердце ты… 435 лет городу Йошкар-Оле. Сб. очерков о столице Республики Марий Эл. Йошкар-Ола, 2020. С. 12–19.

Сборник Русского императорского исторического общества. СПб., 1887. Т. 59. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Ч. 2. 1533–1560 гг. 629 с.

Тихомиров М.Н. Малоизвестные летописные памятники // Исторический архив. 1951. Т. 7. С. 207–253.

Тихомиров М.Н. Малоизвестные летописные памятники конца XVI в. // Исторические записки. 1941. № 10. С. 84–94.

Тихомиров М.Н. Новый памятник московской политической литературы XVI века // Московский край в его прошлом. М., 1930. Ч. 2. С. 105–114.

Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. 512 с.

Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника. Л., 1925. 183 с.

Alexander Bakhtin

PREREGUISITES FOR THE FOUNDATION OF THE FIRST CITIES IN MARI REGION

Introduction. The article is devoted to the study of prerequisites for the emergence of the first cities in the Mari region, the political conditions that contributed to their appearance. **The purpose** of the article is to analyze the circumstances and prerequisites for the emergence of the first Russian fortress cities on the territory of Mari region in the XVI century. **Materials and methods.** The news about the appearance of the first cities in Mari region is contained in chronicles, discharge and embassy books. Foreign writings and archaeological materials were also taken into consideration. A comparative historical method was used to analyze the available information. **Research results, discussions.** The social and political development of

Mari society led to the emergence of tribal unions that came close to the emergence of the state and the emergence of cities. Some settlements could become cities in the historical perspective. However, the confrontation of the Russian principalities, on the one hand, and the state of Volga Bulgaria, the Golden Horde, and the Kazan Khanate, on the other, did not allow for natural political development. The opposing sides relied on fortresses. More and more of them appeared near Mari territory. During the annexation of the territory, Russian fortress cities were established in the region as administrative and military centers for support. **Conclusion.** The appearance of fortress cities in Mari region was due to the unstable political situation in the newly annexed territories. Their emergence contributed to the strengthening of the power of the Russian tsar in Mari lands and the cessation of uprisings of the local population.

Key words: Mari population; annexation of the Mari territory to Russia; Cheremis wars; prerequisites; urban planning; voivodes; campaigns; Sviyazhsk; Tsarev city on Kokshaga; Kokshaisk; Kozmodemyansk; Tsarevosanchursk; Yaransk.

REFERENCES

Ajplatov G.N. Marijskij kraj v XVII veke. Sb. dokumentov i materialov. Piscovye i perepisnye knigi. T. I. [Mari Region in the 17th century. Collection of documents and materials. Scribe and census books]. Nauchnyj rukopisnyj fond MarNII. Description 1. Case 396. (In Russian).

Alishev S.H. Istoricheskie sud'by narodov Srednego Povolzh'ya. XVI – nachalo XIX v. [Historical Destinies of the Peoples of the Middle Volga Region. XVI – early XIX centuries]. Moscow, Nauka, 1990, 270 p. (In Russian).

Arheologicheskoe izuchenie Yoshkar-Oly – Carevokokshajska (k 430-letiyu goroda). [Archaeological Study of Yoshkar-Ola - Tsarevokokshaisk (to the 430th anniversary of the city)]. Yoshkar-Ola, 2014, 180 p. (In Russian).

Bahtin A.G. Marijskie sotni-volosti XVI veka [Mari rural municipalities of the 16th century] *Marijskij arhivnyj ezhegodnik* [Mari Archival Yearbook]. 2019, pp. 72-84. (In Russian).

Vitsen N. Severnaya i Vostochnaya Tartariya: V 3 t. [Northern and Eastern Tartaria: in 3 vol.]. Amsterdam, Pegasus, 2010. Vol. 2, pp. 625-1225 (In Russian).

Georgi I.G. Opisanie vsekh v Rossijskom gosudarstve obitayushchih narodov, takzhe ih zhitejskih obryadov, ver, obyknovenij, zhilishch, odezhd, i prochih dostopyamyatnostej. [A description of all the Russian state-dwelling peoples, their everyday rituals, beliefs, habits, homes, clothes, and other memorable places]. Saint Petersburg, 1776. Part. 1. O narodah finskago plemeni. 76 p. (In Russian).

Gerbershtejn S. Zapiski o Moskovii. [Notes on Moscovy]. Moscow, Moskovskij gosudarstvennyj universitet, 1988, 430 p. (In Russian).

Gordeev V.I., Pavlenko Y. A. Malyj gorod Povolzh'ya v pozdnem srednevekov'e. [A Small Town of the Volga Region in the Late Middle Ages]. Yoshkar-Ola, 2004, 272 p. (In Russian).

Istoriya Marijskogo kraya v dokumentah i materialah. [History of the Mari Region in Documents and Materials]. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1992. Iss. 1. Epoha feodalizma. 564 p. (In Russian).

Kazanskaya istoriya [Kazan History]. Ed. V.P. Adrianovoj-Peretc. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk Sojuza Sovetskih Socialisticheskih Respublik, 1954, 194 p. (In Russian).

Karamzin N.M. Istoriya gosudarstva Rossijskogo [History of Russian Goverment]. Moscow, Kniga, 1989. Book 3. Vol. 10, 732 p. (In Russian).

Keller A.A. Statisticheskoe opisanie Carevokokshajskogo uezda Kazanskoj gubernii. [Statistical Description of Tsarevokokshayskiy district of Kazan province]. Yoshkar-Ola, Marijskij nauchno-issledovatel'skij institut yazyka, literatury i istorii, 2013, 154 p. (In Russian).

Koreckij V.I. Soloveckij letopisec XVI v. [Solovetsky chronicler XVI century]. *Letopisi i hroniki – 1980.* [Chronicles]. Moscow, 1981, pp. 223-243. (In Russian).

Kuncevich G. Z. Istoriya o Kazanskom carstve ili Kazanskij letopisec [The History of the Kazan Kingdom, or the Kazan Chronicler]. Saint Petersburg, 1905, 682 p. (In Russian).

Massa I. Kratkoe izvestie o Moskovii v nachale XVII v. [Brief News about Muscovy at the Beginning of the 17th Century]. Moscow, 1937, 208 p. (In Russian).

Nikitin V.V. Arheologicheskaya karta Respubliki Marij El [Archaeological Map of the Republic of Mari El]. Yoshkar-Ola, Marijskij poligrafichesko-izdatel`skij kombinat 2009, 416 p. (In Russian).

Nikitina T.B., Miheeva A.I. Alamner: mify i real'nost' (Vazhnangerskoe (Malo-Sundyrskoe) gorodishche i ego okruga). [Alamner: Myths and Reality (Vazhnangerskoye (Malo-Sundyrskoye) Settlement and its Surroundings)]. Yoshkar-Ola, 2006, 196 p. (In Russian).

Opisanie Rossii, izdannoe v 1630 godu, v Gollandii [Description of Russia published in 1630 in Holland]. *Moskovskij telegraf* [Moscow Telegraph]. 1826. Part 7. No 1, pp. 52-64. (In Russian).

Patrushev V.S. Drevnosti Yoshkar-Oly: itogi i perspektivy arheologicheskih issledovanij. *Goroda Srednego Povolzh'ya: istoriya i sovremennost' (k 425-letiyu goroda Joshkar-Oly)* [Antiquities of Yoshkar-Ola: Results and Prospects of Archaeological Research]. Yoshkar-Ola, 2009, pp. 36-44. (In Russian).

Patrushev V. S. Iz proshlogo nashej stolicy (Arheologicheskie ocherki o Yoshkar-Ole i Marijskom krae) [From the Past of our Capital (Archaeological Essays about Yoshkar-Ola and the Mari region)]. Yoshkar-Ola, 1987, 78 p. (In Russian).

Piscovye knigi goroda Kazani 1565-1568 gg. i 1646 g. [Scribe Books of the City of Kazan, 1565–1568 and 1646]. Leningrad, 1932. Iss. 2. Materialy po istorii Tatarskoj ASSR, 209 p. (In Russian).

Polnoe sobranie russkih letopisej [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. VI. Saint Petersburg, 1853, 358 p. (In Russian).

Polnoe sobranie russkih letopisej [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. VIII Saint Petersburg, 1859, 302 p. (In Russian).

Polnoe sobranie russkih letopisej [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. XI. Moscow, 1965, 254 p. (In Russian).

Polnoe sobranie russkih letopisej [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. XIII. Moscow, 1965, 534 p. (In Russian).

Polnoe sobranie russkih letopisej [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. XIV. Moscow, 1965, 278 p. (In Russian).

Polnoe sobranie russkih letopisej [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. XV. Moscow, 1963, 504 p. (In Russian).

Polnoe sobranie russkih letopisej [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. XX. Part 2. Saint Petersburg, 1914, pp. 419-686. (In Russian).

Polnoe sobranie russkih letopisej [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. XXII. Part 1. Saint Petersburg , 1911, 570 p. (In Russian).

Polnoe sobranie russkih letopisej [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. XXV. Leningad, 1949, 464 p. (In Russian).

Polnoe sobranie russkih letopisej [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. XXVIII. Moscow, Leningrad, 1963, 412 p. (In Russian).

Polnoe sobranie russkih letopisej [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. XXIX. Moscow, 1965, 390 p. (In Russian).

Poltysh - knyaz' cheremisskij. Malmyzhskij kraj [Poltysh is the Prince of Cheremis. Malmyzhsky Region]. Yoshkar-Ola, 2003, 440 p. (In Russian).

Razryadnaya kniga 1475-1598 gg. [The Book of the Noble Families of 1475-1598]. Moscow, 1966, 614 p. (In Russian).

Razryadnaya kniga 1475-1605 gg. [The Book of the Noble Families of 1475–1605]. Moscow, 1981, 220 p. (In Russian).

Razryadnaya kniga 1475-1605 gg. [The Book of the Noble Families of 1475–1605]. Moscow, 1982. Vol. 2. Part 2, pp. 221-440. (In Russian).

Razryadnaya kniga 1475-1605 gg. [The Book of the Noble Families of 1475–1605]. Moscow, 1987. Vol. 3. Part 2, 236 p. (In Russian).

Razryadnaya kniga 1475-1605 gg. [The Book of the Noble Families of 1475–1605]. Moscow, 1989. Vol, 3. Part 3, 228 p. (In Russian).

Razryadnaya kniga 1559-1605 gg. [The Book of the Noble Families of 1559–1605]. Moscow, 1974, 436 p. (In Russian).

Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian State Archive of Ancient Acts]. F. 79. Snosheniya Rossii s Pol'shej. Book 15, 841 p. (In Russian).

Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian State Archive of Ancient Acts]. F. 79. Snosheniya Rossii s Pol'shej. Book 16, 439 p. (In Russian).

Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian State Archive of Ancient Acts]. F. 127. Snosheniya Rossii s nogajskimi tatarami. Book 9, 333 p. (In Russian).

Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian State Archive of Ancient Acts]. F. 201. Rukopisnoe sobranie M. A. Obolenskogo. No 42, 63 p. (In Russian).

Sanukov K.N. Osnovanie goroda Koz'modem'yanska [Foundation of the City of Kozmodemyansk]. *Koz'modem'yansk 1583–2008* [Kozmodemyansk 1583–2008]. Yoshkar-Ola, 2008. pp. 8-23. (In Russian).

Sanukov K.N. Carevokokshajsk: osnovanie goroda [Tsarevokokshaysk: Foundation of the City]. *Navsegda u menya v serdce ty… 435 let gorodu Yoshkar-Ole* [You are always in my heart... Yoshkar-Ola is 435. Collection of essays about the capital of the Republic of Mari El]. Sb. ocherkov o stolice Respubliki Marij El. Yoshkar-Ola, 2020, pp. 12-19. (In Russian).

Sbornik Russkogo imperatorskogo istoricheskogo obshchestva [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. Saint Petersburg, 1887. Vol. 59. Pamyatniki diplomaticheskih snoshenij Moskovskogo gosudarstva s Pol'sko-Litovskim gosudarstvom. Part 2. 1533–1560 gg., 629 p. (In Russian).

Tihomirov M.N. Maloizvestnye letopisnye pamyatniki [The little-known chronicle monuments]. *Istoricheskij arhiv* [Historical notes]. 1951. Vol. 7, pp. 207-253. (In Russian).

Tihomirov M.N. Maloizvestnye letopisnye pamyatniki konca XVI v. [Little-known chronicle monuments of the late 16th century]. *Istoricheskie zapiski* [Historical notes]. 1941. No 10, pp. 84-94. (In Russian).

Tihomirov M.N. Novyj pamyatnik moskovskoj politicheskoj literatury XVI veka [A new monument of Moscow political literature of the 16th century]. *Moskovskij kraj v ego proshlom* [Moscow region in its past]. Moscow, 1930. Part 2, pp. 105-114. (In Russian).

Finno-ugry i balty v epohu srednevekov'ya. [Finno-Ugrians and Balts in the Middle Ages]. Moscow, 1987, 512 p. (In Russian).

Shtaden G.O Moskve Ivana Groznogo. Zapiski nemca oprichnika [About Moscow of Ivan the Terrible. Notes of a German guardsman]. Leningrad, 1925, 183 p. (In Russian).

Бахтин Александр Геннадьевич
доктор исторических наук,
профессор кафедры общеобразовательных дисциплин и методики их преподавания
ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»,
г. Йошкар-Ола
e-mail: Abachtin@mail.ru

Alexander Bakhtin
Doctor of Historical Sciences,
Professor of the General Education Disciplines and Methods of Teaching Chair,
Mari State University
Yoshkar-Ola
e-mail: Abachtin@mail.ru

УДК 94(470.4)
DOI 10.51254/2312-0312-2024-2-66-95-107

ЭТНИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ МЕЖДУ МАРИ И ТАТАРАМИ В XVII ВЕКЕ

© 2024 г. С.К. Свечников

Введение. Вопрос о взаимоотношениях мари и татар в XVII веке относится к малоизученным проблемам. **Цель статьи** – выявить и проанализировать особенности этнических контактов между мари и татарами в XVII веке. **Материалы и методы.** Статья написана на основе широкого круга письменных источников, материалов фольклора, результатов археологических, лингвистических, этнографических исследований, данных антропонимики и топонимики. Использованы конкретно-исторический, сравнительно-исторический методы исследования. **Результаты исследования, обсуждение.** В XVII веке между мари и татарами развивались тесные взаимоотношения во всех сферах жизнедеятельности – социально-экономической, военно-политической, культурно-бытовой, духовной. Наиболее интенсивные контакты с татарами поддерживали луговые и восточные мари. В контактных зонах происходила ассимиляция мари татарами. **Заключение.** На основе комплексного использования широкого круга источников выяснено, что марийско-татарские контакты в XVII веке продолжали развиваться во всех сферах жизнедеятельности.

Ключевые слова: мари; черемисы; татары; этнические контакты; ассимиляция; ислам.

Введение

Вопрос об особенностях марийско-татарских этнических контактов в XVII веке не был предметом специального исследования, хотя имеется ряд работ, затрагивающих отдельные проблемы взаимоотношений между мари и казанскими татарами в данный период. В этом отношении настоящая статья является первой попыткой восполнить данный пробел, вызванный, прежде всего, недостатком источников.

Цель статьи – выявить и проанализировать особенности этнических контактов между мари и татарами в XVII веке.

Материалы и методы

В работе использован широкий круг опубликованных источников, в первую очередь сочинения иностранцев, актовая документация, результаты археологических, лингвистических, этнографических исследований, фольклорные сведения, данные антропонимики и топонимики. Применены конкретно-исторический и сравнительно-исторический методы исследования для выяснения исторической последовательности, генетической связи явлений и синхронизации фактов.

Результаты исследования, обсуждения

С падением Казани и ликвидацией Казанского ханства татары утратили свое политическое доминирование в регионе, в условиях Российского государства и марийское, и татарское население практически полностью уравнялись в своем социально-политическом статусе. Однако, как ни странно, контакты между марийцами и татарами после этого значимого события только активизировались. Это можно объяснить тем, что татарское городское население было вынуждено переселяться в сельскую местность (за редким исключением в лице слободских татар), что еще больше усилило воздействие татар на соседние народы – марийцев, удмуртов, чувашей [Kappeler, 1982, S. 135]. Также необходимо учитывать, что марийско-татарские связи укреплялись в ходе совместного участия в массовых вооруженных выступлениях народов Среднего Поволжья – в событиях Смуты [Димитриев, 1986, с. 124–229; Дубровина, 1980; Алишев, 1990, с. 238–241], Разинском восстании 1670–1671 годов [Чернышев, 2020, с. 167–300; Алишев, 1990, с. 241–243].

Продолжали развиваться социально-экономические связи. Известно, что в XVII веке в некоторых владениях служилых татар работали крепостные люди. В основном они были представлены татарским населением [Галлямов, 2001, с. 118]. Но в ряде случаев упоминаются и лично зависимые марийцы. Так, в 1646 году «в поместье Иштерека, да Яштерика княжь Семенеевых, да Богдана Исенеева сына Яушера» в деревне Ерыкло Зюрейской дороги проживал «один черемисин Тезбатко Капнин» [Покровский, 1909, с. 65–66]. У этих же феодалов в деревне Миеве Алатской дороги значился ясачный черемисин Тенибай Ошкелдин с сыном [Чернышев, 2020, с. 105]. В деревне Чалках Зюрейской дороги в вотчине «Кидряка Мурзы княж Камаева сына Смиленева» числились дворы «один черемисина и один ясачного черемисина Козябайки с 4 сыновьями», а также «бобыль Бамурко Емаев, сын черемисин» [Покровский, 1909, с. 70]. Обращает на себя внимание тот факт, что в большинстве рассмотренных случаев марийцы не находились в полной крепостной зависимости от татарских феодалов, а оставались в статусе ясачных людей. Они

не утрачивали своей хозяйственной инициативы, сохраняли свою независимость от воли помещика, но все же уплачивали ему ренту за пользование помещичьими угодьями. Например, упомянутый выше Козябайка платил государству целый ясак, а помещику – полуполтину на год[1] [Покровский, 1909, с. 70]. Особо можно выделить еще один факт: влиятельный татарский князь Бакшанда Нурушев в начале XVII века (видимо, по старинному праву, доставшемуся ему по наследству со времен Казанского ханства) собирал в свою пользу дорогильную пошлину и «с свадеб куняшную пошлину» со 100 дворов марийской волости Нали Кукмор Арской дороги [Писцовая ... , 1978, с. 117]. Как утверждает Е.И. Чернышев, традиция, когда в распоряжении татарских феодалов были ясачные люди, плативше ясак феодалам, существовала со времен самостоятельности Казанского ханства [Чернышев, 2020, с. 105].

Хозяйственные связи между марийцами и татарами развивались в рамках промысловой деятельности. Нередко бортные деревья марийцев находились далеко от места их проживания на территории, населенной татарами. Например, марийцы Галицкой дороги владели бортными ухожьями «по Нагайской дороге за Мешею рекою блиско деревни тотарского, Большого Ошняка» и даже «за Камою рекою по речке Черемшане» [Айплатов, л. 516, 734]. Очевидно, марийско-татарские контакты происходили также в рамках охотничьих, рыболовных и иных промыслов.

В общественном сознании марийцев образ *суас* ‘татарина’ издавна ассоциировался с понятиями *купеч* ‘купец’, *сатузо, сатулышо, ужалыше* ‘торговец’. Значительная часть марийской лексики, связанная с товарно-денежными отношениями, имеет тюрко-татарское происхождение: *ак* ‘цена, стоимость’ < хак; *зийан* ‘убыток’ < зыян; *кевыт* ‘лавка, магазин’ < кибет; *мал* ‘имущество’ < мал; *окса* ‘деньги, средства’ < акча; *пазар* ‘базар, рынок’ < базар; *пай* ‘часть, доля’ < пай; *пайда* ‘выгода, прибыль’ < файда; *пезмен* ‘безмен, рычажные весы’ < бизмән; *поян* ‘богатый’ < бай; *сату* ‘товар’ < сату; *теңге* ‘рубль’ < тәңкә; *тамга* ‘клеймо, метка, знак’ < тамга; *түлаш* ‘платить, оплачивать’ < түләү. Это не удивительно, поскольку марийцы торговали с булгарами, предками татар, еще с конца I тысячелетия нашей эры. При этом, как отмечает С.Х. Алишев, на территории Казанского и соседних с ним уездов не только татарские купцы, но и татарские крестьяне занимались торговлей больше, чем другие нерусские крестьяне [Алишев, 1990, с. 162].

Особенно заметными в розничной торговле были татарские коробейники – асламчи. В начале XVII века они проживали «в Казанском уезде в пригородех в Тетюшах, в Лаишеве, в Олатех, в Арском, в Малмыже» [Веселовский,

[1] В XVII в. полуполтина равнялась 25 копейкам, а размер целого ясака составлял 10 алтын (30 копеек) деньгами, а также четверть (6 пудов) ржи и столько же овса хлебом [Димитриев, 1986, с. 254].

1909, с. 149]. Пользуясь тем, что у соседних народов ремесла были развиты слабо, асламчи проникали в районы, заселенные марийцами и другими народами Поволжья, завозили различные товары, а вывозили оттуда главным образом сельскохозяйственное сырье, необходимое для ремесленного и промышленного производства либо для перепродажи на рынке.

В это же время часть служилых городских татар (слободские татары) несла службу не «с земли», а «с торговли». Слободские татары, проживавшие в Татарской слободе Казани, пользовались правом свободной торговли, были избавлены от несения повинностей, возложенных на посадских людей [Ногманов, 2005, с. 77–94]. Более того, в XVII веке начался массовый переход служилых татар в торгово-предпринимательскую сферу. Это было обусловлено ужесточением российского законодательства в XVII веке по отношению к татарам-землевладельцам, приведшем их к разорению и обезземеливанию. Отсутствие перспектив на государственной службе стимулировало татар на реализацию своих устремлений в иных областях, в частности в предпринимательской деятельности [Измайлов, 2014, с. 430].

В конце XVII – начале XVIII века в татарских селах и деревнях в непосредственной близости к марийским селениям сформировались промышленные пункты: села Алаты (ныне Высокогорского района Республики Татарстан) и Атня (ныне Атнинского района Республики Татарстан) стали крупными центрами кожевенного производства; деревня Карадули (ныне Лаишевского района Республики Татарстан) славилась своими искусными мастерами по выделке овчин; ткацкое дело сконцентрировалось в деревне Урнашбаш (ныне Арского района Республики Татарстан) [Хасанов, 1977, с. 28]. Сырье для этих производств поступало из различных районов страны, в том числе из Марийского края; очевидно, в марийских селениях реализовывалась часть произведенной татарскими мастерами продукции.

На страницах ряда письменных источников иностранного происхождения конца XVI – начала XVIII века нередко фигурирует этноним «черемисские татары». Это название встречается в сочинениях Джильса Флетчера, Георга Тектандера фон дер Ябеля, Исаака Массы, Ричарда Джемса, Адама Олеария, Патрика Гордона, Яна Янсена Стрейса, Бальтазара Койэтта, Николааса Витсена, Корнелиса де Брюйна, Джона Перри [Черемисы ... , 2023, с. 90, 103, 110, 122, 130, 142, 159, 172, 191, 194]. Судя по контексту, под «черемисскими татарами» имелись в виду все же марийцы, а не татары. Это название появилось в силу значительной схожести марийцев (черемис) и татар, их социальной, этнокультурной, языковой совместимости. При этом наибольшее влияние татары оказали на луговых и восточных марийцев, тогда как горные мари, проживавшие на правобережье Волги в окружении чувашей и русских, имели более тесные контакты именно с этими народами.

Знаменитый ученый Г.Ф. Миллер по возвращении из Второй Камчатской (Великой Северной) экспедиции в 1743 году написал труд, посвященный этнографии марийцев, удмуртов и чувашей, где отметил целый ряд черт марийской культуры, сформировавшихся под сильным татарским влиянием:

1) в строительстве и планировке жилища: «У сих народов дворы построены так, как и у татарских мужиков, и тем разнятся от деревенского строения русских мужиков; ибо у них нет черных изб, но над печами и очагами сделаны дымовые окошки и комли. В избах везде делают у них, как и у татар, широкие лавки, или полки, так, что поперек оных протянувшись человеку лежать можно; токмо оные лавки не по всей избе шириною одинаковы» [Миллер, 1791, с. 8–9];

2) во внешнем виде мужчин: «Они все ходят с бородами и бороды у них не широки, но продолговаты клином. Усы они бреют, а многие по обыкновению татар бреют также и головы, или подстригают волосы весьма коротко; и сие делают они не по обязательству своего закона, но токмо по обыкновению восточных народов» [Миллер, 1791, с. 11];

3) в пищевых предпочтениях: «Они великие охотники до лошадиного мяса, а напротив того по татарскому обыкновению свиней у себя не держат» [Миллер, 1791, с. 22];

4) в ведении календаря: «Равным же образом не имеют они никакого понятия о месяцах; однако недели они знают, считая в каждой по семь дней, и каждый день называют собственным именем, что они по большей части от татар приняли» [Миллер, 1791, с. 30];

5) в религиозной сфере: «... некоторые из черемис держат магометанский закон, и по рождении вскоре обрезаются: и сие, может быть, от того произошло, что как черемисы, так и прочие языческие народы, равно с магометанами празднуют пятницу яко великий день в неделе, в которой они и никакой работы не отправляют» [Миллер, 1791, с. 41–42];

6) в посещении бани (мар. *монча*, тат. *мунча*): «Что надлежит до бань, то кажется, что сие обыкновение с другими многими вошло к ним от татар. Такому обыкновению больше последуют те черемисы, которые при всяком случае, по примеру татар, моются и в банях парятся» [Миллер, 1791, с. 55];

7) в брачных традициях: «Во-первых, родители, или вместо их ближние сродники, девок даром замуж не выдают, но по татарскому обыкновению за вывод ее платит жених несколько денег, что у татар калым, у черемис *олон* ... называется» [Миллер, 1791, с. 69];

8) упоминал Г.Ф. Миллер и о музыкальных инструментах: гусли (тат. *гөслә*, мар. *кӱсле*), волынку (тат. *сорнай*, мар. *шӱвыр*,) и варган (тат. *кубыз*, мар. *ковыж*) [Миллер, 1791, с. 80].

Тенденция сближения луговых и восточных мари с татарами получила дельнейшее развитие. Например, православный миссионер и ученый

Я.Д. Коблов в начале XX века отмечал следующее: «Черемисы означенных местностей очень близки с татарами и перенимают от них, вместе с языком, татарские обычаи и нравы. Многие черемисы носят татарские имена, стараются быть похожими на татар и по костюму, и считают для себя за величайшую честь, если их трудно отличить от татар. Речь черемисина этих местностей разнообразится татарскими словами, пословицами и прибаутками» [Коблов, 1910, с. 24].

На территории Заказанья тюрко-мусульманское население доминировало над местными финно-уграми (луговыми мари и южными удмуртами) в демографическом, социально-экономическом, социокультурном отношениях. Вследствие этого происходила не только аккультурация, но и ассимиляция марийцев. Об этом свидетельствуют генеалогические легенды некоторых татарских семей, указывающие *чирмеш населе* ‘черемисских предков’, а также марийские названия многих сел Казанского ханства – Бимер, Илнет, Каймар, Киндер, Кинер, Кукмор, Мамер, Менгер, Пимер и др. Также во многих татарских деревнях имеется *чирмеш ягы* ‘черемисская сторона’ [Столярова, 2012, с. 66]. Характерно, что в районе многих современных татарских сел Заказанья население указывает древние *чирмеш зираты* ‘черемисские кладбища’ [Халиков, 1989, с. 129–130]. По сведениям Р.Г. Фахрутдинова, в бассейнах рек Ашит и Шошма, а также по правым притокам верхнего течения Казанки, можно встретить «черемисские кладбища». «Следует отметить, что многие «черемисские кладбища» являются старыми, заброшенными кладбищами татарских деревень, свидетельствуя о смешении в прошлом казанских татар с частью марийского населения края» [Фахрутдинов, 1986, с. 193–194].

Исследование «черемисских кладбищ» на территории Арского, Балтасинского, Кукморского, Мамадышского районов Республики Татарстан, проведенное Т.Б. Никитиной и Г.И. Дроздовой, показало, что на данной территории вплоть до XVIII века действительно проживало марийское население, ассимилированное или вытесненное татарами: некоторые элементы погребального обряда этих кладбищ не находят ничего общего с мусульманским обрядом проживавшего здесь татарского населения, а близки языческим поздним марийским захоронениям [Никитина, 1992, с. 82–84; Дроздова, 1995]. Участие мари в этногенезе казанских татар подтверждается исследованиями в области антропологии [Трофимова, 1949, с. 235–241; Алексеев, 1971] и генетики [Балановская, 2021, с. 50, 53–54].

Об ассимиляции татарами марийцев свидетельствуют и предания. Например, считается, что деревня Средний Пшалым (Арский район Республики Татарстан) была заселена татарами во второй половине XVI века, но к моменту переселения татар здесь уже проживал мариец по имени Василий,

в дальнейшем его потомки превратились в татар. Примечательно, что, согласно переписной книге 1678 года, некоторые из жителей Среднего Пшалыма носили двойные имена – мусульманское и языческое одновременно. Согласно другому преданию, в середине XVII века татарские братья Тимербулат и Айбулат переселились в деревню Ашитбаш (Арский район Республики Татарстан), где к тому времени уже проживал черемис по имени Уразай, его потомки ассимилировались с татарами [Галлямов, 2001, с. 45, 59]. В легендах и преданиях населения бассейна реки Ашит татары выступают в роли пришлого элемента, вытеснившего автохтонное финно-угорское (марийское и удмуртское) население дальше на север и частично ассимилировавшего его [История ... , 2017, с. 5, 11–13, 15–16, 30–31]. К селениям, которые в прошлом были марийскими, но потом стали татарскими, относят деревни Адаево, Кня-Баш, Маскара (Кукморский район), село Иж-Бобья (Агрызский район), деревню Мари Ямалы (Актанышский район), деревню Байданкино (Нижнекамский район) и др. [Столярова, 2012, с. 66–67]. Согласно достоверным письменным источникам, марийцы-язычники проживали в Старом Кинере (Арский район Республики Татарстан) вплоть до 1810-х годов [История ... , 2017, с. 54]. По наблюдениям М.Г. Худякова, относящееся к началу XX века, татарское население бассейна реки Бурец «представляет собою в настоящее время черемис, некогда принявших ислам. Деревни этой местности имеют черемисские названия (Маскара, Адаево, Сардык и др.). Даже по внешнему виду бурецкие татары отличаются от казанских и более походят на черемис. То же самое явление наблюдается и в бассейне Шошмы, на северной окраине татарских селений. Здесь также татарские деревни близ Малмыжа носят черемисские названия, например, Шишинерь, Янгулово, Четай, что указывает на отатарение коренного финского населения» [Худяков, 2003, с. 129–130].

Процессу татаризации марийцев немало способствовало проникновение в их среду ислама. Английский путешественник Энтони Дженкинсон во второй половине XVI века охарактеризовал черемис как «полуязычников, полутатар» [Английские ... , 1938, с. 169]. По словам Адама Олеария, побывавшего в Марийском крае в 1630-е годы, все черемисы, живущие вокруг Казани, «насколько я мог узнать, язычники» [Олеарий, 1906, с. 364]. Как отметил английский инженер Джон Перри, вера «черемышских татар», принимавших участие в руководимом им строительстве Волго-Донского канала в конце XVII века, «в некотором отношении сходна с магометанскою» [Перри, 1871, с. 146]. В действительности мари являлись язычниками, но испытывали на себе сильное и многостороннее влияние татар-мусульман. Мари переняли, прежде всего, терминологию из арабского и персидского языков. Например, возглас в начале молитвы *ысмыла* < араб. بِسْمِ اللّٰهِ *бисмиллях* ‘во имя Аллаха’,

а также понятия: *авыз* ‘жрец’ < араб. حافظ *хафиз* ‘хранитель Корана, запоминающий его наизусть’; *азырен* ‘дух смерти’ < араб. عزرائيل *азраил* ‘ангел смерти’; *керемет* ‘злой дух; родовой дух-хранитель; место жертвоприношений этому духу’ < араб. كرامات *карамат* ‘чудо’; *киямат* ‘загробный, потусторонний мир’ < араб. قيامة *кияма* ‘воскрешение’; *молла* ‘жрец’ < перс. ملا *мулла* ‘мусульманский священнослужитель’, *пиямбар* ‘пророк; покровитель’ < перс. پیامبر *пейгамбар* ‘пророк’; *суап* ‘воздаяние; вознаграждение’ < араб. ثواب *саваб* ‘воздаяние; вознаграждение’ и др. Перешли из местной мусульманской практики и некоторые традиции и обряды: например, празднование пятницы, бритье мужчинами головы, ограничения на употребление свинины и др. Все эти отдельные компоненты ислама приспосабливались к сложному комплексу традиционной религии мари, в итоге происходило формирование своеобразного языческо-мусульманского синкретизма.

Те мари, которые переходили в мусульманскую веру, полностью отказавшись от язычества, как показывают этнографические наблюдения, постепенно утрачивали марийскую идентичность, переходили на татарский язык, перенимали татаро-мусульманские традиции и обычаи, то есть становились татарами [Молотова, 2011, с. 38]. В целом переход на татарский язык не представлял для марийцев большой проблемы, несмотря на то что языки этих народов относятся к совершенно разным языковым семьям (марийский – к уральской, татарский – к алтайской). Еще в первой половине XVIII века Г.Ф. Миллер указывал, что в марийском языке имеется «много татарских и небольшое число русских слов» [Миллер, 1791, с. 27]. Длительные марийско-тюркские контакты привели к тому, что доля татарских заимствований в лексике отдельных диалектов марийского языка достигала 25–30 %. В то же время в лексике татарского языка (преимущественно в заказанском говоре) насчитывается только около 70 слов марийского происхождения [Исанбаев, 1989, с. 156–161, 163–164]. Предрасположенность к татаризации марийского населения Среднего Поволжья создавалась и марийской антропонимией, в которой в период средневековья возник огромный пласт имен тюркского, тюрко-монгольского и арабо-персидского происхождения [Черных, 1995, с. 18–20]. В XVII веке подавляющее большинство марийских личных имен имело тюркские корни [Айплатов, 1965; Черных, 1995, с. 34–613; Пустяков, 2018, С. 154–158].

Заключение

В XVII веке между мари и татарами развивались тесные взаимоотношения во всех сферах жизнедеятельности – социально-экономической, военно-политической, культурно-бытовой, духовной. Наиболее интенсивные контакты с татарами поддерживали луговые и восточные мари. В контактных зонах происходила ассимиляция мари татарами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Айплатов Г.Н. Марийский край в XVII веке: Сб. док. Т. 2. Йошкар-Ола, 1968 // НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 1. Д. 346.

Айплатов Г.Н. О марийских собственных именах XVII века // Советское финно-угроведение. 1965. № 2. С. 89–93.

Алексеев В.П. Очерк о происхождении тюркских народов Восточной Европы в свете данных краниологии // Археология и этнография Татарии. Вып. 1: Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. С. 232–271.

Алишев С.Х. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. XVI – начало XIX в. М.: Наука, 1990. 270 с.

Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М.: Соцэкгиз, 1938. 308 с.

Балановская Е.В., Агджоян А.Т., Жабагин М.К., Юсупов Ю.М., Схаляхо Р.А., Долинина Д.О., Падюкова А.Д., Кузнецова М.А., Маркина Н.В., Атраментова Л.А., Лавряшина М.Б., Балановский О.П. Татары Евразии: своеобразие генофондов крымских, поволжских и сибирских татар // Вестник Московского университета. Серия 22. Антропология. 2006. № 3. С. 75–85.

Веселовский С.Б. Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М., 1909. 233 с.

Галлямов Р.Ф. После падения Казани... Казань: Татар. кн. изд-во, 2001. 143 с.

Генофонд татар: историко-генетическое исследование. Гаплогруппы Y-хромосомы. Казань. Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. 112 с.

Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма (XVI − начало XIX вв.). Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 1986. 456 с.

Дроздова Г.И. Об археологическом исследовании в Арском районе Татарстана // Заказанье: проблемы истории и культуры. Материалы конференции. Вып. 1. Казань: Заман, 1995. С. 27–28.

Дубровина Л.А. Первая крестьянская война в Марийском крае // Из истории крестьянства Марийского края. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1980. С. 3–65.

Измайлов Б.И. Социально-экономические предпосылки формирования татарского купечества // История татар с древнейших времен. Т. 5. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. С. 429–435.

Исанбаев Н.И. Марийско-тюркские языковые контакты. Ч. 1: Татарские и башкирские заимствования. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1989. 176 с.

История селений Ашитского джиена Заказанья. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 240 с.

Коблов Я.Д. О татаризации инородцев Приволжского края. Казань: Центр. тип., 1910. 27 с.

Миллер Г.Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. СПб.: Имп. Акад. наук, 1791. 99 с.

Молотова Т.Л. Из истории исламизации восточных марийцев (конец XIX – начало XX веков) // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Вып. 2. Казань, 2011. С. 35–40.

Никитина Т.Б. Марийцы (конец XVI – начало XVIII вв.) по материалам могильников. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1992. 160 с.

Ногманов А.И. Самодержавие и татары. Очерки истории законодательной политики второй половины XVI–XVIII веков. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. 215 с.

Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. 582 с.

Перри Дж. Другое и более подробное повествование о России // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1871. Апрель – июнь. Кн. 2. М., 1871. С. 39–196.

Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. 240 с.

Покровский И.М. К истории поместного и экономического быта в Казанском крае в половине XVII века. Казань, 1909. 107 с.

Пустяков А.Л. Языковые контакты волжских мари в свете антропонимии // Языковые контакты народов Поволжья и Приуралья. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2018. С. 154–158.

Столярова Г.Р. Татарско-марийские отношения в Среднем Поволжье в XIX – начале XX вв. // Научный Татарстан. 2012. № 3. С. 66–74.

Трофимова Т.А. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 254 с.

Фахрутидинов Р.Г. Мелодия камней: История средневековых городов Татарии. Казань: Татарское кн. изд-во, 1986. 222 с.

Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. Казань: Татар. кн. изд-во, 1989. 220 с.

Хасанов Х.Х. Формирование татарской буржуазной нации. Казань: Татар. кн. изд-во, 1977. 327 с.

Худяков М.Г. Из истории взаимоотношений татарских и марийских феодалов в XVI веке // Полтыш – князь черемисский. Малмыжский край. Йошкар-Ола, 2003. С. 87–138.

Черемисы в источниках. Т. 1: Сочинения иностранцев VI–XVIII вв. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2023. 331 с.

Черных С.Я. Словарь марийских личных имен. Йошкар-Ола: МарГУ, 1995. 626 с.

Чернышев Е.И. Народы Поволжья в крестьянской войне под предводительством С. Разина (1670–1671). Казань: Татар. кн. изд-во, 2020. 383 с.

Kappeler A. Rußlands erste Nationalitäten: Das Zarenreich und die Völker der Mittleren Wolga vom 16. bis 19. Jahrhundert. Köln; Wien: Böhlau, 1982. 571 S.

Sergey Svechnikov

ETHNIC CONTACTS BETWEEN MARI AND TATARS IN THE 17th CENTURY

Introduction. The question of the relationship between Mari and Tatars in the 17th century belongs to the little-studied problems. **The purpose** of the article is to identify and analyze the peculiarities of ethnic contacts between Mari and Tatars in the 17th century. **Materials and methods.** The article is based on a wide range of written sources, folklore materials, results of archaeological, linguistic,

ethnographic research, anthroponomical and toponymic data. Specific-historical and comparative-historical methods of research were used. **Results of the research and discussion.** In the 17th century, Mari and Tatars developed close relations in all spheres of life – social and economic, military and political, cultural, domestic and spiritual. The most intensive contacts with the Tatars were maintained by the Meadow and Eastern Mari. Assimilation of the Mari by the Tatars took place in zones of their contact. **Conclusion.** On the basis of complex use of a wide range of sources it is found out that Mari Tatar contacts in the 17th century continued to develop in all spheres of life.

Key words: Mari; Cheremis; Tatars; ethnic contacts; assimilation; Islam.

REFERENCES

Ajplatov G.N. Marijskij kraj v XVII veke: Sbornik dokumentov. Tom 2. Yoshkar-Ola, 1968 [Mari Region in the 17th century. Collection of Documents, vol. 2]. Nauchnyj rukopisnyj fond MarNII [Scientific manuscript collection of the Mari Research Institute]. Series 1. File 346. (In Russian).

Ajplatov G.N. O marijskih sobstvennyh imenah XVII veka [About the Mari proper names of the 17th century]. Sovetskoe finno-ugrovedenie [Soviet Finno-Ugric studies]. 1965, no. 2, pp. 89-93. (In Russian).

Alekseev V.P. Ocherk o proiskhozhdenii tyurkskih narodov Vostochnoj Evropy v svete dannyh kraniologii [Essay on the origin of the Turkic peoples of Eastern Europe in the light of craniology data]. Arheologiya i etnografiya Tatarii. Vypusk 1: Voprosy etnogeneza tyurkoyazychnyh narodov Srednego Povolzh'ya [Archeology and Ethnography of Tataria. Iss. 1. Questions of the ethno genesis of the Turkic-speaking peoples of the Middle Volga region]. Kazan, 1971, pp. 232-271. (In Russian).

Alishev S.H. Istoricheskie sud'by narodov Srednego Povolzh'ja. XVI – nachalo XIX veka [Historical Destinies of the Peoples of the Middle Volga Region. 16th - beginning of 19th century]. Moscow, Nauka, 1990, 270 p. (In Russian).

Anglijskie puteshestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI veke [English Travelers in the Moscow State in the 16th Century]. Moscow, Socekgiz, 1938, 308 p. (In Russian).

Balanovskaya E.V., Agdzhoyan A.T., Zhabagin M.K., Yusupov Yu.M., Skhalyaho R.A., Dolinina D.O., Padyukova A.D., Kuznecova M.A., Markina N.V., Atramentova L.A., Lavryashina M.B., Balanovskij O.P. Tatary Evrazii: svoeobrazie genofondov krymskih, povolzhskih i sibirskih tatar [Tatars of Eurasia: the originality of the gene pools of the Crimean, Volga and Siberian Tatars]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXII. Antropologiya [Bulletin of Moscow University. Series 22. Anthropology]. 2006, no. 3, pp. 75-85. (In Russian).

Veselovskij S.B. Sem' sborov zaprosnyh i pjatinnyh deneg v pervye gody carstvovanija Mihaila Fedorovicha [Seven Levies of Enquiry and Quota Money in the First Years of the Reign of Mikhail Fedorovich]. Moscow, 1909, 233 p. (In Russian).

Galljamov R.F. Posle padenija Kazani... [After the Fall of Kazan...]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2001, 143 p. (In Russian).

Genofond tatar: istoriko-geneticheskoe issledovanie. Gaplogruppy Y-hromosomy [The Gene Pool of the Tatars: Historical and Genetic Study. Y-chromosome Haplogroups]. Kazan, Institut istorii imeni Sh. Mardzhani Akademii nauk Respubliki Tatarstan, 2021, 112 p. (In Russian).

Dimitriyev V.D. Chuvashiya v epohu feodalizma (16 − nachalo 19 vv.) [Chuvashia in the Era of Feudalism (16th – early 19th centuries)]. Cheboksary, Chuvashskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1986, 456 p. (In Russian).

Drozdova G.I. Ob arheologicheskom issledovanii v Arskom rajone Tatarstana [On archaeological research in the Arsky district of Tatarstan]. Zakazan'e: problemy istorii i kul'tury. Materialy konferencii. Vypusk 1 [Zakazanie: problems of history and culture. Materials of the conference. Iss. 1]. Kazan, Zaman, 1995, pp. 27–28. (In Russian).

Dubrovina L.A. Pervaja krest'janskaja vojna v Marijskom krae [The First Peasant War in the Mari Region]. Iz istorii krest'janstva Marijskogo kraja [From the history of the peasantry of the Mari region]. Yoshkar-Ola, Marijskij nauchno-issledovatel'skij institut, 1980, pp. 3–65. (In Russian).

Izmajlov B.I. Social'no-jekonomicheskie predposylki formirovanija tatarskogo kupechestva [Social and economic prerequisites for the formation of the Tatar merchant class]. Istorija tatar s drevnejshih vremen. Tom 5 [History of the Tatars since ancient times, vol. 5]. Kazan, Institut istorii imeni Sh. Mardzhani Akademii nauk Respubliki Tatarstan, 2014, pp. 429–435. (In Russian).

Isanbaev N.I. Marijsko-tyurkskie yazykovye kontakty. Ch. 1: Tatarskie i bashkirskie zaimstvovaniya [Mari-Turkic Language Contacts. Part 1. Tatar and Bashkir Borrowings]. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1989, 176 p. (In Russian).

Istorija selenij Ashitskogo dzhiena Zakazan'ja [History of the Villages of Ashit Jien of Zakazanie]. Kazan, Institut istorii imeni Sh. Mardzhani Akademii nauk Respubliki Tatarstan, 2017, 240 p. (In Russian).

Koblov Ja.D. O tatarizacii inorodcev Privolzhskogo kraja [On the Tatarisation of the non-Russian inhabitants of the Volga Region]. Kazan, 1910, 27 p. (In Russian).

Miller G.F. Opisanie zhivushhih v Kazanskoj gubernii jazycheskih narodov, jako to cheremis, chuvash i votjakov [Description of the Pagan Peoples Living in Kazan Province, such as Cheremis, Chuvash and Votyaks]. Saint Petersburg, Imperatorskaja Akademija nauk, 1791, 99 p. (In Russian).

Molotova T.L. Iz istorii islamizacii vostochnyh marijcev (konec XIX – nachalo XX vekov) [From the history of the Islamization of the Eastern Mari (the end of the 19th - the beginning of the 20th centuries)]. Istoricheskie sud'by narodov Povolzh'ya i Priural'ya. Vypusk 2 [Historical destinies of the peoples of the Volga and Ural regions. Iss. 2]. Kazan, 2011, pp. 35-40. (In Russian).

Nikitina T.B. Marijcy (konec XVI – nachalo XVIII vv.) po materialam mogil'nikov [Maris (late 16th - early 18th centuries) based on materials from burial grounds]. Yoshkar-Ola, Marijskij nauchno-issledovatel'skij institut, 1992, 160 p. (In Russian).

Nogmanov A.I. Samoderzhavie i tatary. ocherki istorii zakonodatel'noj politiki vtoroj poloviny XVI–XVIII vekov [Autocracy and Tatars. Essays on the History of Legislative Policy of the Second Half of the 16th-18th Centuries]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2005, 215 p. (In Russian).

Olearius A. Opisanie puteshestvija v Moskoviju i cherez Moskoviju v Persiju i obratno [Description of the Journey to Muscovy and through Muscovy to Persia and back]. Saint Petersburg, 1906, 582 p. (In Russian).

Perry J. Drugoe i bolee podrobnoe povestvovanie o Rossii [Another and More Detailed Narrative about Russia]. Chtenija v Imperatorskom obshhestve istorii i drevnostej rossijskih pri Moskovskom universitete. 1871. Aprel' – ijun'. Kniga 2 [Readings in the Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University. 1871. April - June. Book 2]. Moscow, 1871, pp. 39–196. (In Russian).

Piscovaja kniga Kazanskogo uezda 1602–1603 godov [Census book of the Kazan uyezd 1602-1603 years]. Kazan, Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 1978, 240 p. (In Russian).

Pokrovskij I.M. K istorii pomestnogo i jekonomicheskogo byta v Kazanskom krae v polovine XVII veka [To the History of Estate and Economic Life in the Kazan Region in the Half of the 17th Century]. Kazan, 1909, 107 p. (In Russian).

Pustyakov A.L. Yazykovye kontakty volzhskih mari v svete antroponimii [Language contacts of the Volga Mari in the light of anthroponymy]. Yazykovye kontakty narodov Povolzh'ya i Priural'ya [Language contacts of the peoples of the Volga and Ural regions]. Cheboksary, Izdatel'stvo Chuvashskogo universiteta, 2018, pp. 154-158. (In Russian).

Stoljarova G.R. Tatarsko-marijskie otnoshenija v Srednem Povolzh'e v XIX – nachale XX vv. [Tatar-Mari relations in the Middle Volga region in the XIX - early XX centuries]. Nauchnyj Tatarstan [Scientific Tatarstan]. 2012, no. 3, pp. 66–74. (In Russian).

Trofimova T.A. Etnogenez tatar Povolzh'ya v svete dannyh antropologii [Ethnogenesis of the Volga Tatars in the light of anthropological data]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk Sojuza Sovetskih Socialisticheskih Respublik, 1949, 254 p. (In Russian).

Fahrutidinov R.G. Melodija kamnej: Istorija srednevekovyh gorodov Tatarii [Melody of Stones: History of Medieval Towns of Tatarstan]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1986, 222 p. (In Russian).

Halikov A.H. Tatarskij narod i ego predki [Tatar People and their Ancestors]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1989, 220 p. (In Russian).

Hasanov H.H. Formirovanie tatarskoj burzhuaznoj nacii [Formation of the Tatar Bourgeois Nation]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1977, 327 p. (In Russian).

Hudyakov M.G. Iz istorii vzaimootnoshenij tatarskih i marijskih feodalov v XVI veke [From the history of relations between the Tatar and Mari feudal lords in the 16th century]. Poltysh – knyaz' cheremisskij. Malmyzhskij kraj [Poltysh - Prince of Cheremis. Malmyzh region]. Yoshkar-Ola, 2003, pp. 89-138. (In Russian).

Cheremisy v istochnikah. Tom 1: Sochinenija inostrancev VI–XVIII vv. [Cheremis in sources. Vol. 1: Works of foreigners of the 6th-18th centuries.]. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2023, 331 p. (In Russian).

Chernyh S.Ya. Slovar' marijskih lichnyh imen [Dictionary of Mari Personal Names]. Yoshkar-Ola, Marijskij gosudarstvennyj universitet, 1995, 626 p. (In Russian).

Chernyshev E.I. Narody Povolzh'ja v krest'janskoj vojne pod predvoditel'stvom S. Razina (1670–1671 gg.) [The Peoples of the Volga Region in the Peasant War Led by S. Razin (1670-1671)]. Kazan, Tatarskoje knizhnoje izdatel'stvo, 2020, 383 p. (In Russian).

Kappeler A. Russlands erste Nationalitäten: Das Zarenreich und die Völker der Mittleren Wolga vom 16. bis 19. Jahrhundert [Russia's First Nationalities. The Tsarist Empire and the Peoples of the Middle Volga from the 16th to the 19th century]. Köln, Wien, Böhlau, 1982, 571 p. (In German).

Свечников Сергей Константинович
кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: svechnikov-sk@mail.ru

Sergey Svechnikov
Candidate of Historical Sciences,
Leading Researcher
of Vasilyev Mari Research Institute
of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: svechnikov-sk@mail.ru

ПЕРСОНАЛИИ

УДК 811.511.151

ПТИЦА СИЛЬНА КРЫЛЬЯМИ, ЧЕЛОВЕК – ТРУДОМ
(к 75-летию со дня рождения марийского лингвиста В.Н. Васильева)

© 2024 г. В.Н. Максимов

В 2024 году марийское научное сообщество отмечает 75-летие Валентина Николаевича Васильева – известного марийского лингвиста, опытного педагога высшей школы, кандидата филологических наук (1984), доцента (1992), зарубежного члена Финно-угорского общества (г. Хельсинки).

Родился Валентин Николаевич 1 января 1949 года в деревне Малая Купта (мар. Изи Купто) Мари-Турекского района Марийской АССР в семье колхозника. Отец был инвалидом Великой Отечественной войны, умер в 1952 году. Мать одна воспитывала двоих сыновей. В 1956–1964 годах В.Н. Васильев учился в Мари-Куптинской восьмилетней школе. Сразу же поступил в Оршанское педагогическое училище (Республика Марий Эл) на школьное отделение. Успешно завершив обучение в 1968 году, начал трудовую стезю с учителя математики в Мосаринской восьмилетней школе Мари-Турекского района. В 1969 году был призван в ряды Советской армии. После демобилизации из вооруженных сил работал учителем математики в Арборской восьмилетней школе Мари-Турекского района.

В 1972–1977 годах В.Н. Васильев учится на отделении марийского языка и литературы историко-филологического факультета Марийского государственного университета. После окончания университета с отличием ему присвоена квалификация «Филолог. Преподаватель марийского языка

и литературы». Валентин Николаевич как успешный выпускник был оставлен на кафедре марийского языка и прошел путь от ассистента до доцента.

В 1979–1982 годах учился в аспирантуре Тартуского государственного университета. Под руководством всемирно известного академика П. Аристэ написал кандидатскую диссертацию на тему «Марийская орнитонимия», которую защитил в 1984 году на заседании Специализированного совета Тартуского университета. Решением Высшей аттестационной комиссии при Совете министров СССР от 25 июля 1984 года ему выдан диплом кандидата филологических наук. В диссертации, высоко оцененной официальными оппонентами, рассмотрены этимология, структура, историческое развитие названий птиц в марийском языке.

После окончания аспирантуры Валентин Николаевич вернулся в родной университет. Здесь вел такие дисциплины, как «Современный марийский язык. Фонетика», «Марийская диалектология», «Современный марийский язык. Морфология», различные спецкурсы и спецсеминары, ежегодно руководил дипломными и курсовыми работами, выезжал со студентами на диалектологические практики в разные уголки Марийской республики, а также в Татарскую АССР и Башкирскую АССР – в регионы компактного проживания народа мари.

В 1990–1992 годах работал преподавателем марийского языка в университетах городов Хельсинки и Турку в Финляндии. С 1993 по 1996 год являлся заместителем декана по учебной работе историко-филологического факультета Марийского государственного госуниверситета. Решением Комитета по высшей школе Министерства науки, высшей школы и технической политики Российской Федерации от 18 марта 1993 года за № 343д В.Н. Васильеву присвоено ученое звание доцента по кафедре марийской и финно-угорской филологии. Валентин Николаевич проработал доцентом кафедры марийского языка университета до конца жизни.

Ушел из жизни 12 июля 2008 года.

Васильев В.Н. написал около 30 научных работ. Его исследовательские интересы связаны с марийской ономастикой, прежде всего с орнитонимией, например: «К истории названия птицы колегуш» (Йошкар-Ола, 1979), «Марийские орнитонимы-синонимы» (Тарту, 1981), «Марийские орнитонимы, их структура и историческое развитие» (Йошкар-Ола, 1982), «Пол и возраст в марийских зоонимах» (Йошкар-Ола, 1986), «Марийско-удмуртские лексические параллели в орнитонимии» (Йошкар-Ола, 1990). Ученый занимался проблемами диалектологии, в том числе ее преподавания: «Диалект материалым кузе погаш. Студент-влаклан полыш» («Как собирать диалектологический материал. Пособие для студентов») (Йошкар-Ола, 1988),

«Диалект материалым кузе да мом погаш?» («Как и какой диалектологический материал собирать?») (Йошкар-Ола, 2003; соавт. Н.И. Исанбаев), «Программа по марийской диалектологии» (Йошкар-Ола, 2004), «Моркинско-сернурский говор марийского языка» (Йошкар-Ола, 2012; соавт.: Л.И. Барцева, Л.С. Матросова, И.Г. Иванов, З.В. Учаев) и др. Валентин Николаевич оставил значительное научное наследие в марийской лексикографии. Им написаны словари: «Финско-марийский словарь. В помощь студентам» (Хельсинки, 1991), «Финско-марийский словарь» (Турку, 1995; соавт.: А. Мойсио, И.С. Галкин), «Русско-марийский разговорник» (Йошкар-Ола, 1989, 1998, 2004, 2009). Он был одним из авторов-составителей многотомного «Словаря марийского языка», им составлены словарные статьи на букву О в четвертом томе (Йошкар-Ола, 1998).

Васильев В.Н. активно участвовал в разработке контрольно-измерительных материалов ЕГЭ по марийскому языку, является одним из авторов-составителей учебного пособия для подготовки к ЕГЭ по марийскому языку (Йошкар-Ола, 2003; соавт.: Л.С. Матросова, О.А. Сергеев).

Валентин Николаевич был участником многих международных, всесоюзных, всероссийских и региональных научных конференций. Он был пытливым исследователем. Ему были присущи исключительное трудолюбие, высокая требовательность к себе, внимательное отношение к людям.

За многолетнюю безупречную работу и большой вклад в дело подготовки специалистов с высшим образованием в 1999 году Валентин Николаевич Васильев награжден Почетной грамотой Правительства Республики Марий Эл. В 2004 году ему присвоено почетное звание «Заслуженный работник народного образования Республики Марий Эл».

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ

Диалект материалым кузе погаш: студент-влаклан полыш = [Как собирать диалектный материал: пособие для студентов]. Йошкар-Ола, 1988. 19 с.

Русско-марийский разговорник. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1989. 95 с. (переизд-я: 1998, 2004, 2009).

Финско-марийский словарь: в помощь студентам. Хельсинки, 1991. 25 с.

Финско-марийский словарь. Турку, 1995. 620 с. (Соавт.: Мойсио А., Галкин И.С.)

Словарь марийского языка: в 10 т. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1998. Т. 4: М, Н, О, Ӧ (Ма – Ӧрчыктарымаш). С. 252–369.

Морфологий дене возымо паша-влак = [Письменные задания по морфологии]. Йошкар-Ола, 2001. 55 с. (Соавт. Учаев З.В.)

Кызытсе марий йылме фонетика дене упражнений сборник: марий отделенийыште тунемше студент-влаклан = [Сборник упражнений по фонетике современного марийского языка: для студентов марийского отделения]. Йошкар-Ола, 2001. 52 с.

Учебное пособие для подготовки к ЕГЭ по марийскому языку. Йошкар-Ола, 2003. 84 с. (Соавт. Матросова Л.С., Сергеев О.А.)

Диалект материалым кузе да мом погаш? = [Как и какой диалектологический материал собирать: в помощь студенту]. Йошкар-Ола, 2003. 72 с. (Соавт. Исанбаев Н.И.)

Программа по марийской диалектологии. Йошкар-Ола, 2004. 18 с.

Моркинско-сернурский говор марийского языка. Йошкар-Ола, 2012. С. 113–134 (Соавт.: Барцева Л.И., Матросова Л.С., Иванов И.Г., Учаев З.В.)

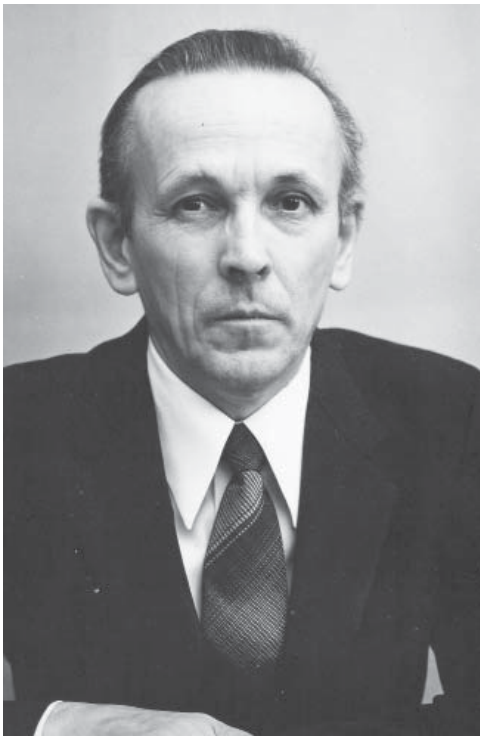
Максимов Валерий Николаевич
кандидат филологических наук,
доцент кафедры марийского языка
и литературы,
заведующий научно-образовательной
лабораторией «Марий йылме»
научно-исследовательского центра
изучения уральских языков Марийского
государственного университета,
г. Йошкар-Ола
e-mail: sernur@rambler.ru

Valerij Maksimov
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor,
Department of the Mari Language and Literature,
Head of the scientific and educational laboratory
“The Mari Language”,
Research center for study the Uralic languages
Mari State University,
Yoshkar-Ola
e-mail: sernur@rambler.ru

УДК 811.511.151

ФЁДОР ИВАНОВИЧ ГОРДЕЕВЫН ШОЧМЫЖЛАН – 95 ИЙ

© 2024 г. Э.И. Пекшеева

Фёдор Иванович Гордеев – кумдан палыме марий йылмызе, кӱшыл школын уста туныктышыжо, филологий науко кандидат (1961), профессор (1992), Финн-угор ушемын вес элысе членже (Хельсинки). Тудым йылме наукышто тӱрлӧ шӧрынан шымлызе семын палат. Марий йылмын исторический морфологийжым, лексикологий ден ономастике йодыш-влакым рашемдымашке кугу надырым пыштен. Тений март тылзыште шочмыжлан 95 ий темеш.

Фёдор Иванович Гордеев 1929-ше ий 23-шо мартыште Марий автоном область Марий Турек кантонысо (кызыт: Марий Эл Республик Параньга районысо) Ермучаш ялыште кресаньык ешеш шочын. Ончыкылык шанчыеҥын йоча илышыже куштылгак лийын огыл. Ачаже ончыч колхозышто бригадирлан, вара кугурак конюхлан пашам ыштен. 1920-шо ийлаште сельхозуполномоченный лийын: ялысе еш, сурт але илаш посна лекме йодышым ончымо годым тудын мутшо тӱҥлан шотлалтын. Но кресаньык ешлан моткоч кугу туткарыш логалаш пернен. 1937-ше ийыште кочажым (шке кундемыштыже палыме карт лийын) да тудын кум эргыжым калык тушман семын репрессироватленыт. Кочажым лӱен пуштыныт, а кум эргыжым лу ийлан Карелийысе ГУЛАГ-ыш колтеныт [Васильев, 2004]. Варажым чылаштымат реабилитироватленыт. Фёдор Ивановичын аваже шым йоча дене марий деч посна кодын. Сандене рвезылан изинекак илышын кочыжым чотак шижын налаш логалын, но тудо вуйым сакен огыл, тунемашак тыршен.

1946-шо ийыште Ф.И. Гордеев Параньга селасе кыдалаш школым тунем пытарен. Вара тыштак райрӱдысӧ педучилищыш тунемаш пурен, 1948-ше ийыште тунем лекмеке, кок ий Волжск районысо Тошнер школыштo, варажым Кужэнер районысо Кугу Лаждӱр шымияш школыштo икшыве-влакым туныктен. Келгырак шинчымашым налаш шонен, 1950–1954-ше ийлаште Н.К. Крупская лӱмеш Марий кугыжаныш педагогике институтышто филологий факультетын марий йылме да литератур пӧлкаштыже тунемын. Фёдор Гордеевым, йылмым шымлаш кумылан улмыжым ужын, институтын ректоратше ден марий йылме да литератур кафедр аспирантурыш тунемаш колтеныт. Тыге самырык еҥ СССР Науко академийын йылмышанче институтшо пеленысе аспирантурышто тунемын, финн-угор пӧлкаште шинчымашым келгемден. Тудын шанче вуйлатышыже СССР Науко академийын член-корреспондентше, финн-угор йылме-влакым шымлыше Борис Александрович Серебренников лийын. 1961-ше ийыште Ф.И. Гордеев Тарту кугыжаныш университетын Ученый советыштыже «Косвенные наклонения и формы субъективной оценки глагола в марийском языке» («Марий йылмыште косвенный наклонений да субъективный шотан глагол формо-влак») пашажым сайын арален. Кандидатлык шымлымаштыже глаголын повелительный, желательный да условно-сослагательный наклонениймлажын кучылталтме да кузе лийме ойыртемыштым радамлен, тыгак действий ден состоянийым ончыктышо формо-влакым рашемден. Фёдор Ивановичын диссертацийжым оппонент-влак – эстон профессор Пауль Аристэ да (тунам) филологий науко кандидат И.С. Галкин кӱкшын акленыт. Самырык шанчыеҥын сравнительно-исторический йӧн негызеш чоҥымо шымлымашыжым пеш кӱлешанлан шотленыт.

Аспирантур деч вара, 1957-ше ийыште, Ф.И. Гордеев Каракалпак оласе педагогике институтышто кугырак преподаватель семын пашам ышта, руш йылмым туныкта. Верысе калыкын илыш-йӱла ойыртемжым, йылмыжым, тӱвыражым пален налеш. Но тиде ийыштак, Марий пединститут йодмо почеш, Йошкар-Олашке пӧртылеш да институтын марий йылме ден сылнымут кафедрыштыже тыршаш тӱҥалеш. Эн ончыч ассистентлан ышта, вара кугурак преподаватель, доцент, шанче пашаеҥ лиеш, профессор мартеат кушкеш.

Фёдор Ивановичын паша лектышыже тӱвыргӧ лийын. Тудо марий калыкын историйже, йылмыже (мутвундо да топонимике) дене кылдалтше 200 утла шанче пашан, школлан возымо тунемме книга, пособий да мутер-влакын авторжо.

Гордеев Ф.И. – шуко шӧрынан лингвист, тудо марий йылмын ик посна ужашыжым гына огыл, а тӱрлӧ могыржымат лончылен. Шанче корныжым грамматист-компаративист семын тӱҥалын. Йылмызе марий исторический морфологийым шымлымашке кугу надырым пыштен [Максимов, Сергеев, 2019, с. 158]. Тидым ятыр пашаже (статьяже) гыч ужаш лиеш: «Об усеченных

и полных формах некоторых глаголов в повелительном наклонении марийского языка» (1958), «О ласкательной форме глаголов современного марийского языка» (1958), «О способе выражения непроизвольного желания в современном марийском языке» (1958), «Повелительное наклонение в современном марийском языке» (1960), «Формы, выражающие неполноту действия в современном марийском языке» (1961), «Влияние других языков на развитие категории наклонения марийского языка» (1961) да т.м. Ф.И. Гордеев «Современный марийский язык. Морфология» («Кызытсе марий йылме. Морфологий») (1961) монографийлан «Категория наклонения», «Формы субъективной оценки глагола», «Подражательные слова», «Междометие» ужаш-влакым возен.

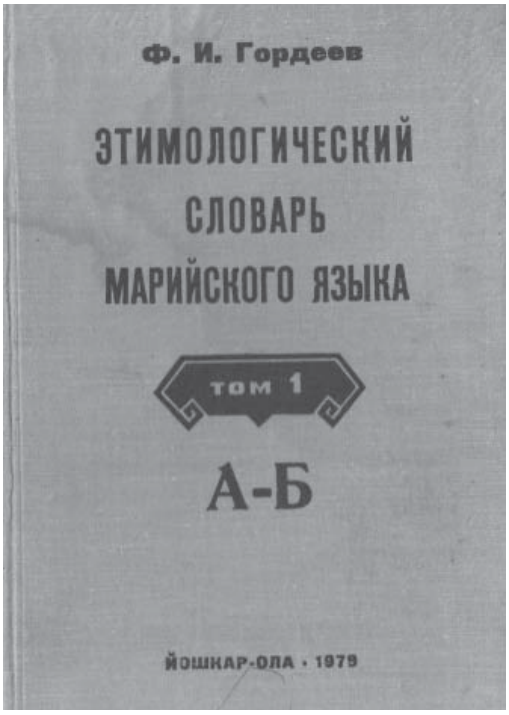
Фёдор Иванович – эн ончычак тале этимолог. Тудын тӱҥ пашаже-влак лач исторический грамматике да этимологий дене кылдалтыныт. Йылмызе моткоч кугу да чапле мут поянлыкым чумырен, тыге кумдан кучылталтше мут-влакын кушеч лиймыштымат, вершӧр, энгер, ола да моло лӱмымат шымлен. Тыгодым марий йылмышке вес йылмыла гыч пурышо мут-влаклан кугу тӱткышым ойырен. Шанчызын марий («Балтийские и иранские заимствования в марийском языке», 1967; «Из истории балтийских и иранских заимствований в марийском языке», 1973), мордва, коми да одо йылмыласе балтизм ден иранизм нерген возымыжым йылмызе-влак кӱкшын акленыт. Тыгак булгар, чуваш да татар йылмыла гыч кӱсынлымӧ мут-влак нерген пашалажым («О фонетическом освоении татарских заимствований в современном марийском языке», 1960; «К вопросу о чувашских заимствованиях в марийском языке», 1965; «О татарских лексических заимствованиях в марийском языке», 1973) марий йылмышанчыште кугу ошкыл семын палемдыман.

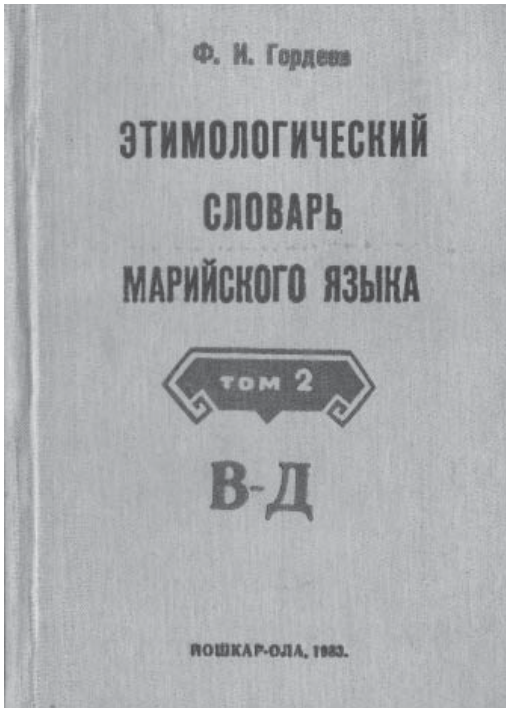
Фёдор Ивановичын икмыняр шымлымашыже марий ден тюрк йылме-влак коклясе кылымат авалта. Нуно утларакшым марий йылмыште татар кӱсынлымашын вержым да виянгме ойыртемжым почын пуат (мутлан, «Иранo-тюркские заимствования в марийском языке», 1965). Ономастике дене кылдалтше пашат шагал огыл. Нунын коклаште этноним («О происхождении этнонимов марийского народа», 1961; «Из истории этнонима черемис», 1964; «О происхождении этнонима мари», 1964; «О происхождении этнонима пор», 1965; «О происхождении этнонимов удмуртского народа», 1966; «Из истории тюркской этнонимики», 1966), топоним («О происхождении гидронима Волга», 1969; «Ойконимия татароязычных регионов Марийской АССР», 1973; «О происхождении гидронима Илеть», 1973; «Балтийские параллели некоторых топонимов Марийской АССР», 1975), айдеме лӱм дене («Этимология марийских антропонимов», 1980) кылдалтше статьяже-влак вашлиялтыт. Чыла шымлымашыжат моткоч кӱлешан да келге шонымашан улыт.

Палемдыман, Фёдор Иванович марий йылмысе руш кӱсынлымаш-влакымат ӧрдыжеш коден огыл. Утларакшым марий кундемысе руш топоним-

влаклан тӱткышым ойырен, нунын шотышто икмыняр онай статьям савыктен: «Из истории русской топонимики Марийской АССР» (1963), «Русская топонимика Марийской АССР» (1964), «Дорусская субстратная топонимия Центральной России и ее марийские параллели» (1990), «Русский Север и топонимия Марийского края» (2004).

Уста йылмызе, историй да этимологий могырым шымлымашыжым иктешлен, кок томан «Этимологический словарь марийского языка» («Марий этимологий мутер») пашам савыктен (I том: А–Б, 1979; II том: В–Д, 1983). Ты мутер марий йылме наукышто веле огыл, пӱтынь марий тӱвыраште кугу лектыш семын лийын. Тыгай паша моткоч кӱлешан, молан манаш гын марий мут-влакын кузе да кушеч лиймыштым рашемда, марий калыкын илен толмо корныштыжо лийше тӱрлӧ вашталтыш дене палдара, моло калык дене кылым кучен шогымыжым почын пуа. Садлан мутерым шкенан элыште веле огыл, вес эллаштат сайын палат да кӱкшын аклат. Пале, этимологий мутерым ышташ – пеш неле паша. Тудым науко негызеш кӱлеш семын шукташ моткоч шуко палыман. Фёдор Иванович шке мутержылан негыз семын кумдан палыме немыч этимолог М. Фасмерын «Этимологический словарь русского языка» («Руш йылме этимологий мутер») пашажым кучылтын, но тыгодым икмыняр вашталтыш ден ешартышымат пуртен [Галкин, 1983]. Мутерыш марий литератур йылмыште, диалектлаште кумдан кучылталтше мут-влак

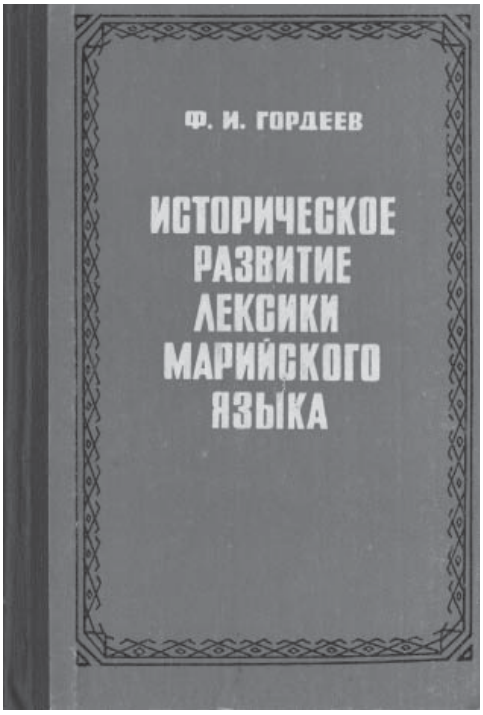

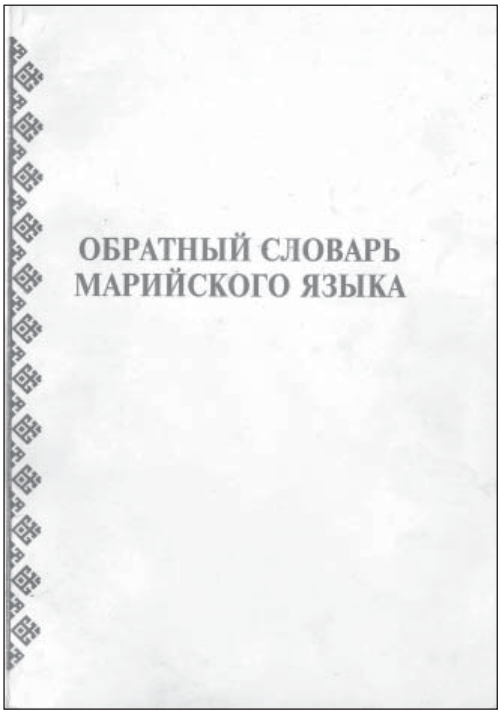

веле огыл, вершӧр лӱм-влакат, тӱрлӧ кидвозыш шарныктышлаште аралалт кодшо шомак-влакат пуренын. Йылмызе-влак мутер нерген рецензийым возенын, тудын сай могыр ден ситыдымашыжым палемденын, южышт вес йылмыла дене этимологий мутерым ыштыме годым кучылташ темленын. Ф.И. Гордеевын марий этимологий мутерже кӱкшӧ акым налын, кызыт мартеат шке кӱлешлыкшым йомдарен огыл [Вершинин, 1985, с. 225; Галкин, 1989, с. 133; 1999, с. 122].

Тале йылмызын шуко ий тыршен ыштыме пашажым радамлыме да иктешлыме семын 1985-ше ийыште лекше «Историческое развитие лексики марийского языка» («Марий йылме мут поянлыкын виянгме корныжо») монографийжым палемдыман. Тыште Фёдор Иванович, поян материалым кучылтын, марий мутвундын акрет годсо жап гыч тӱҥалын тачысе кече марте вашталт-виян толмыжым рашемдаш тыршен [Грузов, 1985], тыгак марий калыкын этногенезше дене кылдалтше ятыр йодышым тарватен.

Фёдор Ивановичым вес эллаштат сайын палат да пагалат. 1985-ше ийыште Гамбург университетысе немыч профессор Вольфганг Фенкер дене пырля финн-угор пӧлкалаште тунемше-влаклан «Немецко-русско-черемисский разговорник со словарем» («Немычла-рушла-марла разговорник (мутер дене)», Гамбург) полыш книгам савыктен луктын. 2003-шо ийыште В.А. Лоскутов да моло дене пырля ямдылыме «Обратный словарь марий-

ского языка» («Марий мӧнгешла мутер») книгаже ош тӱням ужын. Тиде мутер – школлан лукмо пособий.

Марий пединститутын пашаенже Ф.И. Гордеев шочмо йылмым школышто туныктымо йодыш-влакымат ӧрдыжеш коден огыл. Школ дене кылже моткоч пенгыде лийын. Тудо кӱшыл школын уста туныктышыж семын веле огыл, тыгак тале методист семын палыме: 40 утла марий йылме программе ден тунемме книгам савыктен луктын, тыгак таблице ден дидактике материалым ямдылен. Фёдор Иванович – марий школышто шочмо йылмым туныктымо программын авторжо-влак кокла гыч иктыже. Кокымшо (Марий йылме: 2-шо класслан учебник. – 1963, 1965, 1967, 1970) ден нылымше класслан (Марий йылме учебник: тӱҥалтыш школын 4-ше классшылан. – 1962, 1964, 1966, 1968, 1970; Я.Г. Григорьев дене пырля) учебник-влакым возен. Тылеч посна «Кокымшо классыште марий йылмым туныктымаш» (1973), «Нылымше классыште шочмо йылме» (1976) методике пособийлам луктын. Н.Т. Пенгитов, С.Д. Дмитриев да моло автор дене пырля возымо марий йылме да литератур дене тӱҥалтыш школлан ямдылыме ятыр программе дене туныктышо-влак пеш кужу жап пайдаланеныт (1969, 1971, 1973, 1980 да т.м.).

Гордеев Ф.И. шке илышыжым наукылан пуэн да марий йылмышанчыште кугу лектышыш шуын. Тудо республикысе Туныктыш министерстве пеленысе шанче да методике советын, Россий Федераций Туныктыш министерстве пеленысе национальный филологий учёный комиссийын, «Ономастика финно-угорских народов» журнал редколлегийын членышт лийын. Тӱнямбал конференций ден конгресслаште келге шонымашан доклад-влакым ыштен, студент да тӱҥалше шанчызе-влаклан чапле пример лийын.

Ойырен каласыман, Фёдор Иванович марий йылмым шымлымаште, да, мутат уке, республикыште туныктымо пашам вияндымаште чот тыршен. Туныктымо да шанче пашам сайын шуктен шогымыжлан, самырык тукымым туныктымашке кугу надырым пыштымыжлан Н.К. Крупская лӱмеш Марий кугыжаныш пединститутын Чап Кагазше (1979, 2004), «Калык просвещенийын отличникше» оҥ пале (1983), «Марий АССР-ысе шанчын сулло пашаенже» чап лӱм дене (1989) палемдалтын.

Фёдор Иванович шочмо Ермучаш ялже дене эреак пенгыде кылым кучен. Тушто Виталий шольыжо да Просковий акаже иленыт (ынде илыш дене чеверласеныт). Нунын деке эреак кудалыштын, вольыкым, мӱкшым ончаш полшен. Ӱмыржын пытартыш шагатшымат тыштак эртарен. Фёдор Иванович пелашыже Роза Михайловна дене кок эргым, Михаил ден Александрым, ончен куштеныт.

2005-ше ий 9-ше январьыште Фёдор Ивановичын шӱмжӧ кырымым чарнен... Тудо шочмо йылмым шымлыме да туныктымо пашалан уло вийжым, пӱтынь илышыжым пуэн, марий йылме наукышто мондалтдыме кышам коден.

Ф.И. ГОРДЕЕВЫН ТӸҤ ШАНЧЕ ПАШАЖЕ-ВЛАК

Этимологический словарь марийского языка. Т. 1: А–Б. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1979. 255 с.

Этимологический словарь марийского языка. Т. 2: В–Д. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1983. 287 с.

Историческое развитие лексики марийского языка. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1985. 142 с.

Немецко-русско-черемисский разговорник со словарем: пособие для финно-угор. отд-ний. Гамбург, 1985. 156 с. (Соавт. Фенкер В.)

Обратный словарь марийского языка / Ф.И. Гордеев [и др.]. Йошкар-Ола: [б. и.], 2003. 312 с.

Русская топонимика Марийской АССР // Вопросы марийского языкознания: сб. ст. / отв. ред. Ф.И. Гордеев. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1964. Вып. 1. С. 45–59.

Марий калык да тудын йылмыже // Ончыко. 1964. № 6. С. 93–103.

Русско-марийский словарь / редкол.: И.С. Галкин (гл. ред.) и др.; Мар. науч.-исслед. ин-т яз., лит. и истории. М.: Сов. энцикл., 1966. С. 304–334.

Балтийские и иранские заимствования в марийском языке // Происхождение марийского народа: материалы науч. сессии (Йошкар-Ола, 23–25 дек. 1965 г.) / ред.: Г.А. Архипов, Д.Е. Казанцев. Йошкар-Ола, 1967. С. 180–202.

О происхождении тюркских этнонимов // Вопросы марийского языкознания: сб. ст. / отв. ред. Ф.И. Гордеев. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1968. Вып. II. С. 10–29.

Заметки по марийской этимологии // Вопросы марийского языкознания: сб. ст. / отв. ред. Ф.И. Гордеев. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1968. Вып. II. С. 34–38.

О поздних сарматских заимствованиях в восточно-финских языках // Вопросы финно-угроведения / отв. ред. И.С. Галкин. Йошкар-Ола, 1970. Вып. V: Лингвистика, фольклористика, этнография, археология. С. 8–14.

К этимологии некоторых чувашизмов марийского языка // Диалекты и топонимия Поволжья: материалы и сообщ.: сб. / редкол.: В.А. Никонов (отв. ред.) и др. Чебоксары: [б. и.], 1972. Вып. II. С. 24–37.

Ойконимия татароязычных регионов Марийской АССР // Диалекты и топонимия Поволжья: материалы и сообщ.: сб. / редкол.: В.А. Никонов (отв. ред.) и др. Чебоксары: [б. и.], 1972. Вып. II. С. 46–52.

О татарских лексических заимствованиях в марийском языке // Вопросы марийского языкознания: сб. ст. / науч. ред.-сост. Ф.И. Гордеев. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1973. Вып. III. С. 9–53.

О татарских заимствованиях в лексике марийского языка // Диалекты и топонимия Поволжья: материалы и сообщ.: сб. / редкол.: В.А. Никонов (отв. ред.) и др. Чебоксары: [б. и.], 1975. Вып. III. С. 3–41.

К этимологии общих родоплеменных терминов восточных финно- угров и Башкирии // Вопросы марийского языка: сб. ст. / ред. Н.И. Исанбаев. Йошкар-Ола: Мар. науч.-исслед. ин-т, 1975. С. 50–64.

О татарских проникновениях в лексике марийского языка // Диалекты и топонимия Поволжья: материалы и сообщ.: сб. / редкол.: В.А. Никонов (отв. ред.) и др. Чебоксары: [б. и.], 1976. Вып. IV. С. 3–25.

Татаризмы в лексике марийского языка // Вопросы марийского языкознания: сб. ст. / редкол.: Ф.И. Гордеев (отв ред.) и др. Киров: Киров. пед. ин-т; Йошкар-Ола: Мар. пед. ин-т, 1976. С. 3–18.

Марийские названия картофеля // Диалекты и топонимия Поволжья: материалы и сообщ.: сб. / редкол.: В.А. Никонов (отв. ред.) и др. Чебоксары: [б. и.], 1977. Вып. V. С. 10–23.

Этимология марийских антропонимов // Вопросы марийской ономастики: сб. ст. / науч. ред. И.С. Галкин. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1980. Вып. II. С. 79–143.

Подражательные слова и их этимологии // Вопросы марийского языка: Вопросы марийской диалектологии: сб. ст. / сост. Н.И. Исанбаев. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1981. С. 138–147.

Слова детской речи как предмет историко-этимологических разысканий // Вопросы марийского языка: сб. ст. / науч. ред. Н.И. Исанбаев. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1982. С. 81–96.

Этимология марийских антропонимов // Вопросы марийской ономастики: сб. ст. / науч. ред. И.С. Галкин. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1982. Вып. III. С. 101–172.

КУЧЫЛТМО ЛИТЕРАТУР

Васильев В.Н. Чолга шымлызе, уста туныктышо // Марий Эл. 2004. 24 март.

Вершинин В.В. Рец.: Ф.И. Гордеев. Этимологический словарь марийского языка. Т. 1. А–Б. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1979. 255 с. Т. 2, В–Д, 1983. 287 с. // СФУ. 1985. № 3. С. 221–226.

Галкин И.С. Марий йылмын этимологический мутерже // Марий коммуна. 1983. 21 окт.

Галкин И.С. Юбилей Ф.И. Гордеева // СФУ. 1989. № 2. С. 132–134.

Галкин И.С. Юбилей профессора Ф.И. Гордеева // LU. 1999. № 2. С. 122–123.

Грузов Л. Новое слово марийских лингвистов // Марийская правда. 1985. 24 дек.

Максимов В.Н., Сергеев О.А. К 90-летию со дня рождения Ф.И. Гордеева // Linguistica Uralica. 2019. № 2. С. 158–159.

Пекшеева Эльвира Ивановна
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: peksheevaelya@rambler.ru

Elvira Peksheeva
Candidate of Philological Sciences,
Senior Researcher
of Vasilyev Mari Research Institute
of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: peksheevaelya@rambler.ru

УДК 811.511.132

ПАМЯТИ КОМИ ЛИНГВИСТА Г.Г. БАРАКСАНОВА
(к 90-летию со дня рождения)

© 2024 г. Е.А. Цыпанов

В этом году исполняется 90 лет со дня рождения известного коми языковеда, организатора науки, кандидата филологических наук, старшего научного сотрудника, крупного специалиста в области исследования истории литературного языка, коми диалектов и лексикографии, автора учебников коми языка для средней школы.

Геннадий Григорьевич Бараксанов родился 12 сентября 1934 года в г. Сыктывкаре, однако в 1938 году его семья после смерти отца переехала в село Шошку (по-коми Сёська). Мать всю жизнь проработала в колхозе. Кроме Геннадия, в семье были брат и сестра. После окончания семи классов в родном селе в 1949 году юноша поехал учиться в Сыктывкарское педагогическое училище, по завершении которого поступил на первый курс историко-филологического факультета Коми государственного педагогического института. Во время учебы студент Бараксанов проявил себя не только как пытливый исследователь родного языка, но и как активный общественник, спортсмен, музыкант. В 1957 году в составе коми делегации был участником Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве. В 1958 году Г.Г. Бараксанов завершил учебу в вузе, получив диплом по специальности «преподаватель коми языка и литературы, русского языка и литературы в средней школе». С августа 1958 года по февраль 1960 года он проходил службу в армии, после работал в Коми книжном издательстве редактором сельскохозяйственной литературы. В октябре 1960 года поступил в аспирантуру Коми филиала АН СССР, где

учился с прикомандированием в Москву в Институт языкознания АН СССР. По окончании аспирантуры в октябре 1963 года недолго проработал младшим научным сотрудником Коми филиала АН СССР, в феврале 1964 года по семейным обстоятельствам переехал в Москву, где у него были жена и дочь.

Московский период научной деятельности Г.Г. Бараксанова ознаменовался защитой в Институте языкознания АН СССР 26 июня 1964 года кандидатской диссертации на тему «Коми литературный язык, его формирование и диалектная основа», которая была написана под научным руководством доктора филологических наук, профессора В.И. Лыткина. В столице страны молодой ученый продуктивно работал в разных организациях: в Государственном институте театрального искусства им. А.В. Луначарского преподавателем коми языка для студентов из Коми АССР, будущих артистов (1967–1968), в Научно-исследовательском институте национальных школ при Академии педагогических наук СССР старшим научным сотрудником, ученым секретарем (1967–1968), младшим научным сотрудником сектора социологических исследований в Институте языкознания АН СССР (1969–1970).

В январе 1971 года в связи с созданием сектора языка в организованном в 1970 году в составе Коми филиала АН СССР Института языка, литературы и истории Г.Г. Бараксанов был приглашен на работу в Сыктывкар на должность заведующего сектором языка. Коми гуманитарная наука получила тогда высококвалифицированного специалиста, хорошего организатора науки, имеющего связи как с ведущими отечественными, так и зарубежными финно-угроведами. На руководящем посту ученый проработал до октября 1985 года, затем до выхода на пенсию в марте 1993 года занимал должность старшего научного сотрудника отдела языка. От продолжительной болезни скончался 16 марта 1997 года, похоронен в селе Шошка Сыктывдинского района Республики Коми.

Научная деятельность Г.Г. Бараксанова осуществлялась в нескольких направлениях: изучение истории коми литературного языка и становления его норм, диалектология, лексикография и составление учебников коми языка для средних школ.

Геннадий Григорьевич Бараксанов считается первым и основным крупным специалистом в изучении коми литературного языка, исторических истоков нормированного языка. Процессам становления, принятия норм литературного языка он посвятил ряд работ, в том числе монографию «Формирование языковых норм коми литературного языка» (Сыктывкар, 1964). В период подготовки диссертационной работы ученый впервые предпринял экспериментально-измерительное фонетическое исследование гласных и согласных в родном присыктывкарском диалекте, который был взят в качестве диалектной основы литературного языка еще в 1918 году. Кроме того, им были

составлены нормы коми орфоэпии, литературного произношения, которые активно стали применяться в театральной среде, а также в речи радио- и тележурналистов.

Исследователь внес существенный вклад также в изучение и описание коми диалектов. В соавторстве с коллегами подготовил описательные монографии по присыктывкарскому и среднесысольскому диалектам, редактировал другие монографии о диалектах. Неоднократно выезжал в диалектологические экспедиции в различные районы Республики Коми, на Кольский полуостров, в Омскую область.

В последние годы работы в институте Г.Г. Бараксанов вплотную занимался коми лексикографией, изучал материалы с точки зрения создания первых словников, рукописных и печатных словарей XVIII–XX веков. По данной теме им написан отчет, сокращенный вариант которого опубликован в разделе «Лексикография» коллективной монографии «Современный коми язык. Лексикология» (Москва, 1985). На настоящий момент эта работа является единственным трудом, где подробно освещены процессы составления словарей коми языка, дана оценка почти всем лексикографическим трудам, изданным до 1985 года. Всего из-под пера Г.Г. Бараксанова вышли 78 научных работ, 32 статьи в республиканских газетах, четыре его рукописные работы хранятся в архиве Коми научного центра УрО РАН.

Научный мир знает и помнит Геннадия Григорьевича как талантливого организатора различных форумов. Он был основным организатором таких крупных научных мероприятий, состоявшихся в Сыктывкаре, как XI и XVI Всесоюзные конференции финно-угроведов, VI Международный конгресс финно-угроведов. Проведение последнего форума в Сыктывкаре международное сообщество финно-угроведов доверило лишь с учетом авторитета Г.Г. Бараксанова. Этот конгресс был первым таким форумом, успешно проведенным в одной из столиц финно-угорских автономий РСФСР.

Большое внимание исследователь уделял преподаванию коми языка в школе и вузе. Он – автор учебников для средних школ, учебных программ.

В 1972 году в столице Коми АССР был организован новый Сыктывкарский государственный университет, где в числе основных был создан историко-филологический факультет. Для организации обучения по направлению «коми филология» был приглашен Г.Г. Бараксанов, который создал кафедру коми языка и литературы, разработал и читал основные курсы по коми языку (фонетика, лексикология, введение в финно-угроведение и др.), руководил первыми курсовыми и дипломными работами студентов, работал председателем государственной экзаменационной комиссии.

По своему характеру Геннадий Григорьевич был очень доброжелательным человеком, готовым помочь советом всем, особенно молодым ученым,

которым предлагал поступать в аспирантуру по языкознанию. Многие из первых выпускников Сыктывкарского университета помнят его интересные лекции по фонетике, лексикологии коми языка, основам финно-угорского языкознания, прочитанные хорошим дикторским голосом. Ученый охотно консультировал работников СМИ, артистов драмтеатра, учителей коми языка по проблемным вопросам использования языка в публичной сфере.

Бараксанов Г.Г. являлся членом Советского комитета финно-угроведов, членом редколлегии журнала «Советское финно-угроведение», зарубежным членом Финно-угорского общества Финляндии (1985).

За многолетний труд, большие заслуги в развитии коми языкознания Геннадий Григорьевич Бараксанов был награжден Почетными грамотами Совета министров Коми АССР (1971, 1984), Президиума Верховного Совета Коми АССР (1980). В 1994 году ему было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Республики Коми».

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ

Коми литературный язык, история его формирования и диалектная основа: автореф. дис. … канд. филол. наук. Сыктывкар, 1964. 16 с.

Формирование языковых норм коми литературного языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1964. 64 с.

Коми кыв. Восьмилетньӧй да средньӧй школаса 5-ӧд класслы учебник = [Коми язык. Учебник для 5 класса восьмилетней и средней школы]. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1971. 167 л. б. (Соавт. Артемова Е.Г.) (Разные переиздания.)

Присыктывкарский диалект и коми-литературный язык. М.: Наука, 1971. 276 с. (Соавт. Жилина Т.И.)

Среднесысольский диалект коми языка. М.: Наука, 1980. 226 с. (Соавт. Колегова Н.А.)

Развитие коми филологической науки. Сер. препр. «Научные доклады». Коми фил. АН СССР. Сыктывкар, 1975. Вып. 20. 41 с. (Соавт. Мартынов В.И.)

Лексикография // Современный коми язык. Лексикология. М.: Наука, 1985. С.174–205.

Бараксанов Г.Г. История коми литературного языка и проблемы языковой нормы. Сер. препр. «Научные доклады». Коми фил. АН СССР. Сыктывкар,1986. Вып. 158. 19 с.

Омские коми. Сер. препр. «Научные доклады». Коми фил. АН СССР. Сыктывкар, 1987. Вып. 167. 23 с. (Соавт.: Конаков Н.Д., Рочев Ю.Г.)

Цыпанов Евгений Александрович
доктор филологических наук, доцент,
заведующий отделом языка, литературы
и фольклора Института языка, литературы
и истории Коми научного центра
Уральского отделения РАН,
г. Сыктывкар
e-mail: tsypanov@mail.illhkomisc.ru

Evgeniy Tsypanov
Doctor of Philological Sciences,
Associate Professor, Head of the Department
of Language, Literature and Folklore,
The Institute of Language, Literature
and History of The Komi Research Centre,
The Ural Branch of The Russian
Academy of Sciences,
Syktyvkar
e-mail: tsypanov@mail.illhkomisc.ru

РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(470.343)

Рец.: Черемисы в источниках. Т. I: Сочинения иностранцев VI–XVIII вв. / составление, предисловие, примечания А.Г. Бахтина. Йошкар-Ола: Издательский дом «Марийское книжное издательство», 2023. 331 с.

© 2024 г. С.К. Свечников

Подготовленный известным российским историком, доктором исторических наук, профессором Марийского государственного университета Александром Геннадьевичем Бахтиным сборник исторических источников «Черемисы в источниках. Сочинения иностранцев VI–XVIII вв.» включает фрагменты из написанных иностранными авторами сочинений о черемисах (марийцах) и Среднем Поволжье от раннего средневековья до XVIII века включительно. Некоторые сочинения хорошо известны и давно находятся в научном обороте, другие малодоступны и почти или совсем не известны читателям. Многие источники для написания книги получены в ходе продолжительных источниковедческих изысканий составителя в библиотеках и сети Интернет. Том отличается представительностью и по числу привлеченных сочинений иностранных авторов, писавших о марийцах (всего в сборнике приводятся отрывки почти из 70 различных источников). Работа А.Г. Бахтина превосходит все когда-либо изданное. Такой тематической направленности сборников документов ранее в печати не появлялось.

Книга начинается с пространного предисловия, состоящего из трех частей. В первой части предисловия (с. 3–9) составитель рассматривает этнонимы марийского народа (мари, марийцы, пор, черемисы, ц-р-мис, сярмыс, чирмеш) и их интерпретацию исследователями. Особенно подробно А.Г. Бахтин останавливается на вопросе об этимологии названия «черемис» и трактовке этого слова в источниках XVI–XVII веков, где под черемисами могли подразумеваться не только марийцы, но и ряд других народов Среднего Поволжья. Исследователь по этим дискуссионным проблемам разделяет точку зрения Ф.И. Гордеева (в части этимологии) и В.Д. Димитриева (при трактовке в источниках XVI–XVII веков этнонима черемисы). Во второй части

предисловия (с. 9–14) составитель сборника анализирует особенности восприятия иностранцами России, черемис и иных народов Среднего Поволжья. Выделив многочисленные недостатки (субъективность, предвзятость, стереотипность восприятия, компилятивность и др.), он все же отмечает, что сочинения иностранных авторов являются весьма ценным историческим источником. В третьей части предисловия (с. 14–20) А.Г. Бахтин обосновывает причины подготовки данной публикации, описывает ход работы над ней, не забывая при этом упомянуть о тех трудностях, которые не позволили реализовать все задуманное. Тем не менее следует признать, что сборник получился достаточно полным, добротным – научно-популярным по формальным критериям, но солидной научной публикацией по факту.

Сочинения иностранцев различны по объему и информативности. Расположены они в хронологической последовательности появления, что позволяет проследить преемственность и взаимосвязь сочинений авторов, развитие исторической мысли. Каждая публикация предваряется введением, где приводятся сведения об авторе, истории создания и публикации его труда. Большую ценность для понимания текстов источников имеют поясняющие сноски и комментарии. Они свидетельствует о тщательной, кропотливой работе А.Г. Бахтина над каждым публикуемым материалом.

Выдержки из сочинений иностранцев сгруппированы по четырем хронологически расположенным разделам. В первый раздел «VI–XIV века» (с. 21–40) вошли фрагменты всего лишь шести древнейших письменных источников, из них только в одном – знаменитом письме хазарского кагана Иосифа – содержится достоверное упоминание о марийцах в форме «ц-р-мис». Остальные известия иностранцев А.Г. Бахтин использовал в качестве площадок для развертывания своих гипотез. Первое по хронологии и по порядку публикации сочинение – «Getica» Иордана, где встречается название imniscaris. В сноске под этим текстом указано: «Упоминание загадочных имнискаров вслед за соседями марийцев чудью, мордвой и мерей позволяет предположить, что речь может идти о марийцах» (с. 23). К сожалению, уважаемый профессор при этом не ссылается на работы исследователей, вышедшие позднее 1960-х годов, лишь вскользь упомянув версию Е.Ч. Скржинской, которая допустила, что фразу Mordens Imniscaris возможно прочитать и как «мордва в Нискарисе» (с. 3) [Иордан, с. 89, 150]. Между тем многие современные специалисты чуть ли не окончательно доказанной считают предположение, что фразу Mordens Imniscaris следует читать иначе – Mordens in Miscaris, что означает «Мордва в Мещере» [Лебедев, 1985, с. 165–166; Мачинский, Кулешов, 2004, с. 51–52; Зиньковская, 2018, с. 309; Напольских, 2018, с. 7–29]. Также А.Г. Бахтин предположил, что с марийцами или родственными им мерей можно идентифицировать описанную арабским путешественником Абу Хамидом ал-Гарнати языческую народность,

живущую вокруг славян на берегах огромной реки (с. 29–30). Большой интерес представляет обоснование возможности отождествления паросситов (паросцитов), упоминаемых в сочинениях Джованни Плано Карпини и Бенедикта Поляка, с марийцами (удм. пор) (с. 4–5, 31–37). Вполне убедительным выглядит предположение А.Г. Бахтина о том, что ал-марӱсиййа, о которых писал Абу-л-Фида – это искаженное самоназвание народа мари (с. 38–39).

Во второй раздел «XVI век» (с. 44–99) включены фрагменты 19 письменных источников, большинство из которых исследователям известны достаточно хорошо. В указанном столетии произошел взрыв информации о марийцах в иностранных источниках, что было обусловлено активным участием черемис в военно-политических событиях того времени. Вместе с тем следует подчеркнуть, что А.Г. Бахтин впервые воспроизвел в переводе на русский язык ряд малоизвестных, но весьма ценных текстов: воспоминания Бернарда Претвича (с. 60–62), записку Михаэля Локка (с. 78), сведения Джованни Антонио Маджини (с. 93–95).

Самым представительным является раздел «XVII век» (с. 102–184): здесь представлены фрагменты 23 сочинений. А.Г. Бахтин впервые опубликовал в русском переводе отрывки из работ немецкого путешественника Энгельберта Кемпфера. Не так давно несколько вольный пересказ той части текста Кемпфера, которая касается России (в т.ч. марийцев и Марийского края), опубликовала А.Л. Хорошкевич [2005, с. 207–221]. Однако А.Г. Бахтин взялся за более точный перевод и даже исправил некоторые неточности и ошибки, допущенные ею (с. 162–171). Правда, остается сожалеть, что в представленном сборнике не опубликованы уникальные зарисовки Э. Кемпфера, например, виды Козьмодемьянска, Чебоксар, Казани.

В четвертом разделе «XVIII век» (с. 187–318) опубликованы фрагменты сочинений 18 авторов. Здесь наряду с хорошо известными материалами, такими как работы Страленберга, Гмелина, Миллера, Фалька, Георги, Палласа, опубликовано немало уникальных сочинений иностранцев, о существовании которых многие исследователи истории Марийского края даже не слышали. Это, в частности, записки китайского дипломата Тулишэня, дневники английского дипломата Джона Белла, сонет аббата Ивана Крушалы, сочинение французского ученого д’Отроша, дневник французского дипломата де Лессепса, сочинения японских путешественников Дайкокуя Кодаю и Кацурагавы Хосю, энциклопедическая статья французского автора де Сен-Совера.

В целом проделанная составителем работа представляет огромный интерес для ученых, аспирантов, студентов, школьников, учителей, краеведов, всех интересующихся историей марийского народа, Среднего Поволжья и России в целом, а также многочисленных туристов, приезжающих в Республику Марий Эл. Знакомство с сочинениями иностранцев позволит

читателям узнать много нового и интересного о марийцах, Марийском крае и Среднем Поволжье. Надо отметить, что в дальнейшем А.Г. Бахтин продолжит работу над многотомником и предполагает включить письменные источники русского происхождения. С нетерпением ждем второй том.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Зиньковская И.В. Готланд Эрманариха: остроготы в Восточной Европе на рубеже Древности и Средневековья. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 464 с.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica) / вступ. статья, пер., коммент. Е.Ч. Скржинской. М.: Изд-во восточной литературы, 1960. 436 с.

Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. 286 с.

Мачинский Д.А. Кулешов В.С. Северные народы середины IV – первой половины VI в. в «Getica» Иордана // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. Сб. ст. СПб., 2004. С. 26–72.

Напольских В.В. Этнолингвистическая ситуация в лесной полосе Восточной Европы в первые века нашей эры и данные «Гетики» Иордана // Вопросы ономастики. 2018. Т. 15. № 1. С. 7–29.

Хорошкевич А.Л. Дневник путешествия Энгельбрехта Кемпфера по России в 1683 г. // Исторический архив. 2005. № 5. С. 207–221.

Свечников Сергей Константинович
кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: svechnikov-sk@mail.ru

Sergey Svechnikov
Candidate of Historical Sciences,
Leading Researcher
of Vasilyev Mari Research Institute
of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: svechnikov-sk@mail.ru

ХРОНИКА

УДК 821.511.151

Н. ИГНАТЬЕВ ЛЎМЕШ XXIV ЛУДМАШ: КЫЗЫТСЕ ИЛЫШЫШТЕ КУРЫКМАРИЙ-ВЛАКЫН ИСТОРИЙ ДА ТЎВЫРА ПОЯНЛЫКЫШТ

© 2024 г. Н.А. Федосеева

2023-шо ий 2-шо апрельыште Козьмодемьянскыште Кундем кӱкшытан «Игнатьев лудмаш» шанче-практике конференций калыкым коло нылымше гана шке йырже чумырен. Тенийысе «Кызытсе илышыште курыкмарий-влакын историй да тӱвыра поянлыкышт» лӱман конференций еш идалыклан пӧлеклалтын.

«Игнатьев лудмашлан» негызым филологий шанче доктор, Марий кугыжаныш университетын почётан профессоржо Лидия Петровна Васикова (1927–2012) пыштен. Икымше тыгай форум 2001-ше ийыште эртен да «Курыкмарий-влак: курым гыч курымыш» маналтын. Тушто курыкмарий сылнымутлан негызым пыштыше, икымше марий романын авторжо Никон Васильевич Игнатьев (1895–1941) лӱмеш конференцийым кажне ийын эртараш да ты конференцийлан «Игнатьев лудмаш» лӱмым пуаш манын кутырен келшыме.

Мероприятий «Марий Эл Республикын 2013–2025 ийласе кугыжаныш национальный политикыже» программе почеш эртаралтын.

Конференцийын организаторжо-влак – Марий Эл Республикын Тӱвыра, печать да калык-влакын пашашт шотышто министерствыже, В.М. Васильев лӱмеш Йылмым, сылнымутым да историйым шымлыше марий институт, Марий кугыжаныш университет, Калык усталык да тӱвыра каныш шотышто республикысе шанче-методике рӱдер, Марий Эл Республикын Курыкмарий муниципал кундемын администрацийже.

Мероприятийын цельже – курыкмарий-влакын историй да тӱвыра поянлыкыштым шымлыме да арален кодымо шотышто пашам виктараш. Конференций еш поянлыкын кӱлешлыкшым да тудын марий тӱвырам вияндымаште рольжым почын пуаш виктаралтын.

Форумын участникше-влаклан Марий Эл Республикын Виктер Вуйлатышыжын икымше алмаштышыже М.З. Васютин, Марий Эл Республикын Тӱвыра, печать да калык-влакын пашашт шотышто министерствыжын калык

да конфессий-влак кокласе кыл шотышто пӧлкан вуйлатышыже М.В. Чемышев, В.М. Васильев лӱмеш Йылмым, сылнымутым да историйым шымлыше марий институтын директоржо Л.Я. Григорьева; Увер технологий да туныктымым аклыме шотышто рӱдерын директоржо О.М. Майкова, Мер Канаашын вуйлатышыже, Оньыжа Э.В. Александров, Козьмодемьянскысе черке округын благочинныйже, протоиерей А. Сущев, Марий Эл Республикысе Курыкмарий муниципал кундемын администрацийжым вуйлатыше Н.Н. Арганякова саламлымаш мутым каласеныт.

Пленарный погынымаште Марий Эл Республикысе Курыкмарий муниципал кундемын администрацийжым вуйлатыше Наталья Николаевна Арганякова «Еш ден шочмо эл – ӱшанле тыл» докладыштыже палемден: «Кажне енын илышыштыже еш изи огыл верым налеш, Россий – тиде ик эн кугу да пенгыде еш. Тачысе кечын ача-ава-влак патыр эргыштым элым аралаш колтат, нунын геройла колымышт – чылалан кугу ойго. Ме ик еш гай пырля улмынам калыклан эре ончыктышаш улына».

Филологий науко кандидат, МарНИИЯЛИ-н вӱдышӧ шанче пашаенже, Россий писатель-влак ушемын членже Надежда Александровна Федосеева курыкмарий сылнымутышто писатель-влакын ешым да нунын проблемыштым кузе ончыктымышт шотышто йодышым нӧлталын. Еш кокласе йодыш-влакым шке докладыштыже пример-влак дене пенгыдемден. Шымлызе курыкмарий писатель-влакын еш илышым кок тӱрлын ончыктымыштым палемден: «Никон Игнатьев шке геройжым кучемлан йӧрышым, еш ваштареш кайышым ончыкта гын, кызытсе писатель-влак еш кокласе кылын пенгыде улмыжым, тудын кугу рольжым ончыкташ тыршат».

Конференцийыште ныл презентаций лийын. «Кугыжаныш экзаменыште шинчымашым тергыме изложений да вашмутланымаш. 9 класс» (автор-составитель-влак: В.Т. Михайлов, Н.А. Федосеева) сборник дене Н.А. Федосеева палымым ыштен. Туныктымо пособийышке изложений ден вашмутланымашлан текст-влакым, нунын дене пашам ыштыме радамым, мастарын лудаш канаашым пуртымо. Тиде сборник – туныктышо да тунемшылан полыш.

«Марий книга издательстве» савыктыш пӧртын книга лукмо пӧлкан тӱн редакторжо Надежда Виссарионовна Лихачева «Сылнымутна – поянлыкна» докладыштыже пытартыш кум ийыште лекше книга-влак дене палымым ыштен да нунылан аклыме шотан мутым каласен. Ончыч изирак йочалан, вара кугурак ийготанлан лукмо савыктыш-влак дене палдарен. Чумыр ончымаште курыкмарла книга шагал огыл лектын.

Россиысе «Руш географический обществе» мер организацийын членже, профессиональный фотохудожник Денис Николаевич Князев «Горномарийская свадьба» (составитель-влак Д.Н. Князев, Г.Ю. Устьянцев, Т.В. Петрова) книга-альбомым ямдылыме да курыкмарий сӱаным войзымо нерген каласкален. Изданий тӱнямбалысе «Свадьбы народов мира: культурное наследие»

научно-этнографический проект почеш ышталтын, а шымлыме паша Москвасе университетын «Сохранение мирового культурно-исторического наследия» программыже почеш эртаралтын. Текстым кум йылме дене пуымо: рушла, курыкмарла да англичанла. Книга 17 ужаш, кучылтмо источник да литератур списке гыч шога.

Российысе науко академийын В.В. Виноградов лӱмеш Руш йылме институтшын кугурак шанче пашаенже Егор Владимирович Кашкин «Элементы горномарийского языка в типологическом освещении» коллективный монографий дене палдарен. Тиде шымлыме паша М.В. Ломоносов лӱмеш Москвасе кугыжаныш университетын филологий факультетшын теоретический да прикладной лингвистике пӧлкажын тӱшкан эртарыме экспедиций-влакын лектышышт почеш возалтын. Редактор семын Е.В. Кашкин, М.-Э.А. Винклер, Т.И. Давидюк, В.В. Дьячков, В.А. Иванов, Д.Д. Мордашова, П.С. Плешак, И.А. Хомченкова пашам ыштеныт. Автор-влакын шонымышт почеш, кызытсе финн-угроведенийыште курыкмарий йылмым посна йылме семын огыл, а марий йылмын курыкмарий наречийже семын ончат. Е.В. Кашкин палмеден: «Ме курыкмарий йылмым посна йылме семын ончена. Книга шым ужаш гыч шога, нуным 39 главалан шелме, мучаште пеленлык-влакым пуымо. Мемнан ямдылыме монографийна курыкмарий йылмым шымлымаште пытартыш огыл. Эше фонетикым, морфологийым, синтаксисым, семантикым, йылмын историйжым да молымат келгын лончылаш, электрон ресурс-влакым ямдылаш кӱлеш. Но тыгодым курыкмарий йылме шотышто тургыжланымаш уло: йоча-влак рушла кутырат, ешыштат курыкмарла кажне кечын огыт мутлане. Изирак-влак шке шочмо йылмыштым мондат гын, йылме йомын кертеш. Йоча-влак йылмым тунем кодышт манын, ешыште курыкмарла кутырыман. Тидын шотышто посна еш да калык дене пашам виктарыман».

Юмын Аван Смоленский юмоҥаже лӱмеш соборын информационно-паломнический службыжым вуйлатыше Гликерия Владимировна Гоник-Казакова «Собор Смоленской иконы Божией Матери» сборник нерген каласкален. Книга фото-влак дене поян, тушто храмын историйыштыже лийше тӱҥ йыжыҥ-влакым палемдыме. Схиархимандрит Лаврентий (Семенов) соборым прихожан-влаклан пӧртылташ шуко вийым пыштен. Тудын илышыже нерген очерк-влакым, поро кумылан батюшка нерген шарнымаш-влакым посна кугу ужашыш чумырымо. Вет схиархимандрит Лаврентий, Юмылан служитлыме да черке-влакым пӧртылтымӧ деч посна, Священный Писанийым, молитвословым, черке йӱла дене кылдалтше книга-влакым курыкмарий йылмыш кусарымаште кугу пашам шуктен.

Конференцийыште вич секций да ик йыргешке ӱстел лийын. Тушто йылме, литературоведений да фольклористике, историй да краеведений, тӱвыра да сымыктыш дене кылдалтше пӱсӧ йодыш-влакым лончылымо. Чылаже 60 утла доклад йонгалтын. Марий Эл Республик деч посна вес кундем-влак гычат

заявке-шамыч пуреныт: Москва, Петрозаводск, Васильсурск. Самырык-влакат (студент, магистрант да аспирант-влак) шке усталыкыштым ончыктеныт.

Йыргешке ӱстелын пашаже нерген посна палемдыман: тений тудо шочмо (марий) йылмым да сылнымутым туныктышо-влак лӱмеш эртаралтын. Йыргешке ӱстелыште Курыкмарий районысо школ туныктышо-влак выступатленыт, шке докладыштышт палыме, виян туныктышо-влакын пашашт нерген порын шарненыт. Нунын коклаште марий йылме да литератур дене тунемме книга-влакым возышо автор-влакат лийыныт. Вет эртыше 2023-шо ий Туныктышын да наставникын ийже семын палемдыме ыле. Профессор Л.П. Васикован школжо нерген филологий науко кандидат Галина Алексеевна Эрцикова каласкален.

Пашам мучашлыме годым тыгай иктешлымашым ыштыме: шочмо (марий) йылмым туныктышо-влак нерген уверым кумдан шараш, коча-кова-влак деч калык ойпого материалым возен кодаш, тудым шымлаш да кӱлешан книгаш савыраш, тачысе талешке-влаклан шарнымаш онга-влакым сакаш, Александр Невский лӱмеш памашым туризм маршрутышко пурташ, фотографий-влакым аралаш, конференций материалым савыктен лукташ да тудын электрон вариантшым, у технологийым кучылтын, интернет полшымо дене шараш.

Федосеева Надежда Александровна
кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: fedna74@mail.ru

Nadezhda Fedoseeva
Candidate of Philological Sciences,
Leading Researcher
of Vasilyev Mari Research Institute
of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: fedna74@mail.ru

«Финно-угроведение», № 2 (66) 2024

16+

Научный журнал

Основан в феврале 1994 года

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77–73922 от 12.10.2018 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Корректор *Л.К. Александрова*
Компьютерная верстка *З.Г. Воронцовой*
Английский текст *Н.М. Красновой*
Дизайн обложки *Ю.П. Клюкина, В.В. Безденежных*

Адрес редакции и издателя:
424036, г. Йошкар-Ола, ул. Красноармейская, 44
телефон: 8(8362) 64-19-28, 45-06-47
т. факс 8(8362) 45-14-73
E-mail: marnii@mari-el.gov.ru

Подписано в печать 24.06.2024. Вышел в свет 28.06.2024. Формат 70x100/16.
Усл. печ. л. 10,73. Тираж 300 экз. Цена свободная.

Заказ № 1529

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО ИПФ «Стринг»
424006, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, ул. Строителей, 95,
помещение 12-12А, корпус 101А